

НАША МАРКА

Александр
СЕКАЦКИЙ

три шага в сторону

Александр
СЕКАЦКИЙ

*три шага
в сторону*

Секацкий А.

С 28 Три шага в сторону: Роман, эссе.

МОГИ И ИХ МОГУЩЕСТВА

Волейбол

Волейбол у могов — нечто среднее между развлечением и тренировкой. Но вообще, когда могои играют в волейбол, лучше не смотреть в их сторону — опасно. Да и ничего интересного для наблюдателя нет: несколько человек молча сидят или стоят вполоборота друг к другу, почти не делая движений, разве что изредка отбрасывающее движение мизинцем. Понятно, что мяча у них нет. Но по вскрику или стону случайного прохожего можно определить: ребята чем-то заняты.

В такой волейбол могут играть только могои, хотя игра основана на практике, доступной, в принципе, каждому. Это практика снятия боли, в первую очередь головной. При верной методике унять головную боль — задача несложная. Вкратце основные этапы сводятся к следующему.

1) Боль не моя, а при мне, рядом. Формула основана на принципе сгибающегося бамбука, известном со времен «Дао дэ-цзин»: чтобы победить, надо поддаться. Невозможно отогнать боль, не ведая, где она, не ощущая ее контуров: в этом случае получится лишь шараханье из стороны в сторону, рас-

плескивание боли. Неэффективен и прямой запрет не думать о боли; настаивая на этом, мы опять-таки нечто настаиваем на боли — получается горькая настойка; она вновь расплескивается.

Поэтому начинать следует с другого конца — с отдачи, с максимизации: все — боль. Надо дать боли целиком выйти в свет сознания, лишить ее скрытых резервов: вся боль здесь. Ей больше некуда прятаться. Боль, выдающая себя за нечто иное, изобличена как боль и присутствует; вот на этом надо настаивать: все, что вынесено за пределы присутствующей боли, уже не должно таить в себе опасности. Лучший внутренний сопроводитель спрятанной боли наружу, в явь — легкий стон. Теперь, когда вся боль здесь, когда она больше ничего не отравляет, никуда не мигрирует, а только болит, теперь она обретает контуры, края которых похожи на языки пламени. Наступает время для сжатия и концентрации, чтобы моя боль оказалась при мне, а не я при ней.

2) Абсорбированная, уплотненная боль ни с чем больше из поля сознания не увязана и может быть проецирована вовне; отправлена или сброшена в какое-нибудь болевохранилище — в любое другое сознание.

Этот момент хорошо отражен в заговорах: «Икота-икота, иди в болото», «У доченьки перестань, у кошечки заболи» и других подобных формулах.

Заговорить боль — значит снять ее, вернее, унять, то есть частично переадресовать куда-либо и там разместить.

Но боль можно и сбросить.

3) Итак, боль, уплотненная как снаряд или мячик, может быть сброшена, и весьма целенаправленно. Не будем пока тревожить явление сглаза, которое лишь частично и периферийно пересекается с данным феноменом.

Сброс боли в болевохранилище может быть осуществлен в любом избранном направлении и любому любившемуся адресату (аналогично разворачивается объяснение относительно икоты — кто-то меня вспоминает, или поминает — осуществляет адресацию). Но наивысшая эффективность результата достигается при прямом контакте и визуальном сопровождении посылы (подачи). Теперь понятно, в какой волейбол играют могои.

Вот они встают в кружок (или садятся), и игра начинается — в парке, на пляже, на веранде. Полезное упражнение. Голова, конечно, ни у кого не болит, ни один мого, даже если он заядлый любитель волейбола, не станет носить с собой головную боль. Но всегда присутствует (вернее, постепенно накапливается) скрытая фоновая боль, микроболь, которая путем концентрации (чистки) доводится до порогового состояния и воспринимается как действительная боль, мигающая точка. Поскольку периодическая чистка фона очень полезна, волейбол как раз и сочетает полезное с приятным. Так вот, один из могов после тщательной чистки и уплотнения несильно сбрасывает полученный шарообразный продукт партнеру. Тот принимает подачу, выжимает в нее свой болевой фон

и сбрасывает следующему. В процессе распасовки болевое ощущение, конечно, усиливается, поэтому в волейбол редко играет более четырех могов сразу.

После того как последний из партнеров получает уже довольно увесистый мячик, распасовка заканчивается и начинается собственно сама игра. Снаряд или мячик (сами могои предпочитают астрономический термин «болид») теперь уже не перебрасывается, а резко и импульсивно бросается, но мог встречает бросок во всеоружии — то есть экранирует себя. Об экране будет особый разговор, пока достаточно сказать, что в общем виде экран представляет собой упругую или инерционную защиту от эмоциогенных и логогенных воздействий — защитный отражатель. При игре в волейбол применяются отражатели с максимально упругой поверхностью. Итак, болид отскакивает от отражателя — но не просто в пространство, не безадресно; мячик направленно обращен к одному из партнеров, который, в свою очередь, отбивает его отражателем как ракеткой, опять-таки — партнеру. Идет игра.

Аналогия тут, впрочем, довольно поверхностная, не столько с волейболом, сколько с игрой в «американку». Упругий экран отбивает мячик, придавая ему новое ускорение, а кольцо играющих образует своеобразный ускоритель, в котором происходит разгон болида. Так волейбол приближается к завершающей стадии, к выбиванию. Когда в поле зрения появляется прохожий, циркулирующий в ускорителе болид, разогнанный до неслышного

свиста, представляет собой уже грозное оружие. Его ударная сила складывается из компонентов, которые можно условно сравнить с импульсом (mv) и плотностью и включает в себя еще ряд переменных. Ничего этого жертва, конечно, не подозревает. Выбивалочку делает тот из могов, в поле зрения которого оказывается праздношатающийся. Партнер выводит его на подачу, нанося своеобразный «крученный» удар по болиду, так что тот на мгновение словно бы зависает. И тогда мог сбрасывает «зависший» мячик в поле сознания незадачливому прохожему (лучше всего, хотя и необязательно, в этот миг встретиться с ним взглядом). Реакция бедняги бывает различной: одни вскрикивают, хватаются за голову, другие спотыкаются, кое-кто просто вздрагивает или стонет; бывают и потери сознания.

После того как цель поражена, моги идут смотреть мишень. Внешние следы попадания чаще всего отсутствуют — иногда лопаются десяток-другой глазных сосудов или идет кровь из носа. Моги оказывают первую помощь: снимают боль, отряхивают одежду (если надо); тот, кто делал выбивалочку, обычно дает краткое наставление (тексты такого рода у могов именуются попаданиями). Жанр попадан основан на импровизации, хотя и имеет свой устный канон. У каждого мога есть про запас несколько волейбольных историй, вся соль которых состоит в концовке: «И тут я наставил его такой попаданой...» или: «Немог очухался, но забыл, куда шел, а Фань его с ходу просветлил: «Не ступай с белого поля

на черное, если не умеешь скрываться в тени». Ну и тому подобное.

Иногда моги отрабатывают удар «через голову», когда прохожий уже вышел из поля зрения. Волейболисты, хорошо умеющие бить вслед, пользуются заслуженным уважением. По неписаному правилу могов женщины и дети запрещены в качестве мишеней для игры в выбивалочку. У василеостровских могов самой популярной мишенью являются военные:

Где даже танк не проползет,
Там пролетит стальная птица...

Эта получившая известность попадана принадлежит Раму Охотнику. Надо слышать, с каким неподражаемым шармом он произносит: «Хорошо сегодня размялись — «фуражку» сбили, и ждать пришлось совсем недолго» (то есть подвернулся военный). Сосновополянские моги, как правило играющие в волейбол впятером, а то и вшестером, нередко договариваются: «Разыгрываем до фуражки или до хачика», — а мячик разгонять они умеют — мишеням не позавидуешь.

Моги и маги

Моги делят всех людей на могов и немогов — и тут добавить нечего, разве что можно заметить, что в этом делении нет ни малейшего высокомерия. Точно так же можно разделить всех на физиков и не физиков, на высоких и невысоких.

Однако, кроме могов и немогов, существуют еще две небольшие группы: маги и йоги.

Йоги ищут пути овладения скрытыми физическими и психическими возможностями человека, маги ищут возможности обратить в свою пользу внешние силы культуры. И тем и другим занимаются также и моги: кардинальное различие существует, однако, в подходе, в методе. Моги не признают священной серьезности таинственных сил; они с этими силами работают. Работа требует строгой техники безопасности, но все же в основе своей она ближе к экспериментальной физике, чем к заклинаниям шамана, хотя моги нередко пользуются и заклинаниями.

Человек становится могом, присваивая себе могущество — могущество, доступное ему, но по ряду причин не данное природой непосредственно. Из этого несомненного для могов положения вытекают две вещи.

1) Для обретения скрытого могущества необходима дерзость и решительность: ведь надо нарушить инерцию каждодневной запрограммированности (или, как говорят моги, «отменить расписание») и бросить вызов миру запредельных возможностей, адаптировать себя в нем.

2) Выход из неможества в неопробованный и никем не гарантированный мир сопряжен с высокой степенью опасности, и потому техника безопасности (ТБ) могам насущно необходима; множество жестких правил ТБ сопровождают каждый вид деятельности; существуют специальные моги-сталкеры,

консультирующие, как безопаснее выполнить ту или иную процедуру.

С точки зрения могов, большая часть таинственности, которой окружена традиционная магия, объясняется как раз соображениями безопасности.

Укрытость магических действий от посторонних глаз необходима для строгой сосредоточенности: малейшая передозировка, внесение постороннего психогенного компонента может не только свести на нет эффективность процедуры, но и переадресовать оружие со всеми непредвиденными последствиями, вплоть до самопоражения («самострел» — так это звучит на языке, принятом в могуществвах). Рам Охотник не раз говорил мне: «У нас дело обстоит так же, как с чтением Вед. Стоит перепутать интонацию или просто ускорить темп — и последствия непредсказуемы. Индра, читая мантру, всего лишь раз поставил не там ударение и — вместо того чтобы поразить врага, поразил друга...»

Моги, во всяком случае полноправные, прошедшие инициацию члены могущества, в какой-то особой укрытости не нуждаются, подготовку процедуры способен распознать лишь специально натренированный глаз — остается, правда, опасность невольного вмешательства, но она ничтожна и относится к фоновому риску.

Магия (как черная, так и белая) основана на системе искупительных жертв — уступок вызванным силам. Это не что иное, как подготовка плацдарма (или плацдармов) для

утилизации побочных эффектов, погашения возвратных волн. Принципы отвода («канализация») для могов тоже важны и зафиксированы в правилах ТБ.

Можно сказать, что моги заимствовали из традиционной магии большинство действенных приемов, доводя до совершенства их собственнo магическую технику и отбросив сдерживающие ограничения и запреты. Кроме того, благодаря активным «полевым исследованиям», число доступных могам процедур расширилось. Не зря ведь моги культивируют любознательность и дерзость.

Практическая магия: насылание порчи

В принципе, «нанесение порчи» (патомантия) доступно каждому: оно может быть и не магическим (не опосредованным специальной магической техникой), и даже невольным. Достаточно вспомнить наивные, обезоруживающие признания вроде: «У меня дурной глаз» или: «Рука у меня тяжелая».

Проще всего патомантия осуществляется в сфере секса. Если подойти к первому встречному мужчине и сказать ему: «С сегодняшнего дня у тебя с женой ничего не получится», то вероятность срабатывания угрозы будет на уровне десяти процентов (то есть подействует на каждого десятого); при некоторой подготовке ее легко повысить до двадцати процентов, но далее уже необходимы элементы техники.

Для любого мога стопроцентный эффект в данном случае не потребовал бы никаких усилий. (Другое дело, что подобный «детский сад» могу неинтересен.)

Немногим сложнее прекратить лактацию у кормящих женщин — все это на уровне арифметики.

Чем же защищен нормальный человек в нормальном мире от столь разрушительного воздействия самых простых, незатейливых слов?

Во-первых, не так уж он и защищен — о чем, в частности, свидетельствует вся практика психоанализа. Ну а во-вторых — немог (на то он и немог) и не подозревает о патомантии, а если подозревает, то прибегает к ней лишь в самом редком случае и в малоэффективной форме *проклятия*. Разумеется, описанный выше эксперимент небезопасен, ибо может повлечь за собой бунт и даже физическую расправу со стороны ни в чем не повинного гражданина, которому напророчили столь мрачное будущее. Но мог, владеющий техникой экранирования, такой опасности не подвергается. Кстати, самое время сказать несколько слов о том, что представляет собой экранирование. Неплохое описание, правда в терминах, отличающихся от рабочего жаргона могов, есть в книге Сатпрема «Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания», книге, входящей хоть и не в канонический, но все же в апокрифический список Могущества: «Проясняются наши отношения с внешним миром; мы поймем, почему мы боимся или встревожены, и мы сможем приве-

сти все в порядок, исправить свои реакции, принимать полезные вибрации, отклонять вибрации темные и нейтрализовывать вредные. Ибо мы заметим один довольно интересный феномен: наше внутреннее безмолвие обладает силой. Если вместо того, чтобы отвечать на приходящие вибрации, мы сохраним эту абсолютную внутреннюю неподвижность, то мы увидим, что эта неподвижность растворяет вибрацию; вокруг нас возникает нечто, подобное снежной стене, которая поглощает и нейтрализует все удары. Возьмем простой пример — гнев; если вместо того, чтобы вибрировать в унисон с человеком, который стоит перед нами, мы сможем остаться внутри абсолютно неподвижными, то мы увидим, что гнев этого человека постепенно рассеивается как дым. Мать говорила, что эта внутренняя неподвижность, эта способность не отвечать может остановить даже руку убийцы или прыжок змеи. Однако если мы надеваем лишь маску бесстрашия, но при этом кипим внутри, то это не будет иметь никакого эффекта — нельзя скрыть вибрации (это хорошо известно животным); наша цель — не так называемый самоконтроль, который является лишь внешним самообладанием, искусством внешнего проявления, но подлинное господство над внутренним состоянием. Это безмолвие способно нейтрализовать абсолютно все вибрации по той простой причине, что вибрации любого порядка *заразительны* (высочайшие точно так же, как и самые низшие, — именно так передает Учитель духовное переживание или силу ученику), и от нас зависит,

примем ли мы заражение или нет, если мы испугались, то это значит, что мы уже восприняли его, это заражение, и, следовательно, приняли удар разгневанного человека или укус змеи». (*Сатпрем. Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. А., 1989. С. 77*).

Здесь описано (хотя и слишком возвышенно, или, как сказал бы Вася-Васиштха, «сентиментально») то, что моги называют простым экраном, сплошным экраном или стенкой. Моги практикуют и другие виды экранирования — избирательный экран («сетка»), реактивный экран («батут») и, наоборот, полную открытость миру.

Надо заметить, что предотвратить вспышку гнева проще, чем укротить уже бушующие эмоции; входя в постороннее психическое поле, мог легко блокирует все возможные проявления бунта; это делается прямо из Основного Состояния (о чем далее).

Кодекс чести запрещает могу вербальную патомантию в сфере эрекции и вообще внешней секреции; данная область используется только в качестве тренажера для соискателей, которые тренируют Основное Состояние, — и то в присутствии мога-наставника.

Вот типичный пример вербального насылаения порчи практикующим могом (все процедуры приходится *практиковать*, т.е. периодически освежать в действии, совершенствовать). Регулярная практика для мога не менее важна, чем для музыканта-виртуоза. Внешне все выглядит так.

Мог заходит в продуктовый магазин и подходит к продавщице. Он смотрит ей

в лицо, провоцируя вопрос типа «Вам чего, гражданин?» Продавщица задает вопрос, и в ответ слышит негромкую, но внятную и членораздельную фразу: «У вас так звенит в правом ухе, что даже мне слышно». Фраза произносится из Основного Состояния и потому, снабженная особой, непередаваемой интонационно-ритмической фактурой, запускает механизм «порчи», хотя продавщица еще спрашивает по инерции: «Что вы сказали?» — «Звенит слишком громко. Но я завтра приду выключу. Так что не бойтесь». Процедура произведена, Мог неспешно выходит. Продавщица обслуживает еще двух-трех покупателей, с тревогой прислушиваясь к звону в правом ухе, встряхивает головой, пытаясь стряхнуть наваждение; убедившись в бесполезности, бросает работу. Затем следует полчасовая истерика («Девочки, да что же он со мной сделал?!»), выполняются советы выпить воды, или лекарства, или «сто грамм», истерика сменяется тихим страхом, звенящей бессонницей. Идя на работу, она думает только об одном: «Я завтра приду... так что не бойтесь...»

И действительно. Мог приходит и прекращает наваждение. Я наблюдал с десятков таких ситуаций — не только, конечно, «звон в ухе», здесь, как и во всем прочем, моги весьма изобретательны («палец не разгибается», «левый глаз не видит», «животик как у вас урчит» и так далее) — и, что самое любопытное, люди, как правило, бывают благодарны исцелителю — разговаривают заискивающим тоном, спрашивают

с подобострастным любопытством: «Как это у вас так получается?»

«Если хочешь, чтобы немог был тебе благодарен, избавь его от страха; а чтоб было от чего избавлять — для начала устраши хорошенько», — говорит охтинский мог Джер. Правда, он же рассказывал, как один приемщик стеклотары, когда Джер пришел к нему снимать насланную порчу («нос не дышит»), бросился на своего избавителя с бутылкой и с криками «Ах ты ведьмак хуев!».

— Ну, я дал ему «возвратку», — улыбаясь, рассказывал Джер, — и отключил громкость на пару недель. Ведь еще Гераклит учил: наглость следует тушить быстрее, чем пожар.

Представляю, как это выглядело: «возвраткой» моги именуют особую разновидность эхопраксии, хорошо известную в психопатологии. Эхопраксия — вынужденное воспроизведение показываемых действий; нормальный человек, если его собеседник вдруг резко выбросит руку вверх, испытает такой же импульс — рука, хоть на мгновение, дернется; правда, следующий же шаг сознания пресекает импульс. Входя в чужое психополе, мог способен сделать в нем множество перестановок-манипуляций и, прежде всего, «обесточить» — отключить управление движениями со стороны сознания объекта воздействия и взять его на себя. Если какое-то движение начато до обесточивания, то оно просто заклинивается, то есть из активного становится реактивным. Это и есть возвратка. Таким образом, размахнувшись бутылкой, приемщик

просто ударил самого себя; если гнев не прошел, движение повторяется, и так до тех пор, пока немог, как это называется у немогов, «не выбьет дурь». Мог «дает возвратку» при проявлении всякой непочтительности — и уж тем более при попытке нападения, а затем обычно следует какое-нибудь наставление: «Будьте взаимно вежливы», «Тело дается человеку один раз», «Да ты зарыл талант, парень, из тебя получился бы хороший боксер»... Но Джер еще и «отключил громкость», то есть на две недели лишил беднягу дара речи. Столь жестокое наказание можно объяснить только уязвленным самолюбием; если проявлена непочтительность, значит, процедура проведена плоховато; видимо, Джер чего-то не рассчитал.

Нанося кратковременную порчу, мог оставляет за собой определенную связь с экспериментальным психополем, с психикой «пострадавшего». В гипнотехнике такую связь называют раппортом, а моги зовут ее поплавком («забросить поплавок») или ниточкой. Сходство, конечно, есть. Мог, наславший порчу, время от времени «тянет за ниточку», пробуя, не сорвался ли объект воздействия. Бывают случаи утери контроля, обрыва ниточки, причем по разным причинам, например, в результате самоснятия порчи или избавления от нее с помощью знающего человека. Такие вещи могом, как правило, проверяются, я бы даже сказал, тщательно *расследуются*, поскольку сохранение раппорта (контроль за поплавком) чрезвычайно важно — как для немога, попавшегося на удочку, так

и для мога; ведь обрыв или утеря ниточки делают последующее снятие порчи достаточно сложным; обрыв поплавка нередко свидетельствует о возникших у мога проблемах с психотехникой или о том, что он *занемог*.

Основное Состояние

Формула Основного Состояния (ОС) проста: «Я могу». Именно в этом состоянии или, точнее, из этого состояния и осуществляется большая часть практики могов. Мог пребывает в ОС, а в других состояниях он только бывает.

По-видимому, каждый хоть раз в жизни испытывал Основное Состояние и знает его психологический эквивалент. Это чувство, безошибочное в своей непосредственности, — когда все удается, все проходит на одном дыхании и словно бы без малейших усилий. То, что годами казалось невозможным, непосильным, — вдруг происходит само собой, одним движением активированного сознания: играючи удается какое-нибудь затаенное желание; словом, все выпадает так, как надо.

Но. Далее начинаются различия. Немог получает это состояние случайно, «вдруг», как бы в дар, а поэтому считает себя не вправе сжиться, свыкнуться с ОС, немог не решается присвоить Основное Состояние. Более того, немог не решается воспользоваться вдруг доставшимся могуществом до конца и спешит вернуться обратно — приносит всевозмож-

ные искупительные жертвы, совершает попятные шаги. «Пусть это не получится, — говорит немог, — вот эта мелочь пусть не сойдется, нельзя же, чтобы все сходилось...» А почему нельзя? Кто запретил? И немог переставляет дыхание, уходит из ОС, ибо не верит себе. Логика искупительных жертв разрушает Основное Состояние.

В отличие от большинства людей, которым случайно дарованы считанные минуты пребывания в ОС, мог входит в него, как в Дом Бытия, и практикует из ОС постоянно и привычно, подобно тому как иные, вставая по утрам, чистят зубы и ставят чайник. Стремление откупиться, «оправдаться за удачу» чуждо могам. Удача есть должное, подобающее человеку.

Сознание в Основном Состоянии отличается необычайной ясностью и скоростью управления плотью, в том числе и в самом прямом физическом смысле. Когда мы говорим, что человек находится «в приподнятом настроении», испытывает подъем духа, необычную легкость и так далее, то в применении к ОС все это отнюдь не метафоры. Приподнятость состоит в том, что дух отбирает у гравитации еще один уровень — возвышенность духа возвышает, ослабляет тягу тела еще на порядок по сравнению с витальным состоянием.

Древнеиндийский текст «Паясисуттанта» содержит одно любопытное описание. Царь Паяси экспериментальным путем исследует наличие души и, между прочим, говорит советнику Кашьяпе: «Вот приводят ко мне, Кашьяпа,

изобличенного разбойника: «Почтенный! Это изобличенный разбойник. Определяй ему такую кару, какую захочешь». И я своим слугам велю: «Ну-ка, взвесьте этого человека живьем на весах, удавите его веревкой, а потом взвесьте его еще раз». — «Слушаемся», — они говорят, взвешивают этого человека живьем на весах, удавливают его веревкой и взвешивают еще раз. Оказывается, что, когда он жив, он и легче, и мягче, и податливее, а когда он мертв, тогда он и тяжелее, и тверже, и неподатливее...» (*История и культура Древней Индии. М., МГУ, 1990. С. 201*).

Со времен Паяси человечеству почему-то не приходило в голову повторить столь простой эксперимент (несмотря на все эксцессы бесчеловечности), хотя, помнится, герой рассказа Достоевского «Бобок» и рассуждает: «И чего это мертвые делаются так тяжелы...»

Так вот — ощущаемая в ОС приподнятость, необычайная легкость знаменует собой следующую ступень выхода из абсолютности гравитации и может быть совершенно тривиально измерена с помощью весов. Входя в состояние «Я могу», мог теряет (или «сбрасывает») от одного до трех килограммов веса, что мне неоднократно доводилось наблюдать.

Психика есть первая пробоина в сплошной завесе гравитации (силы тяжести) и, соответственно, первое проявление левитации (силы легкости, если угодно). Пока взаимное притяжение тел лишь на мгновение разжи-

мает свои тиски. Сознание, разум, как силы восходящие, «отжимают» гравитацию еще дальше вниз (выход в ОС), и мы говорим тогда: «Прямо так и хочется взлететь» или: «Так и кажется — взмахнешь крыльями и полетишь». Но, конечно, реальная левитация осуществляется из иных позиций, требующих длительной подготовки и специальной техники, тогда как ОС — униформа для мога, рабочее, повседневное состояние. Рам рассказывал мне об интересном состязании на Втором конгрессе могов в Риге: «Там один рижский мог взобрался на весы и стал штучки показывать. Вошел в ОС — стрелка на три кило сдвинулась и потом потихоньку еще левее поползла — это он с ходу стал ПСС набирать (ПСС — предстартовое состояние). Ну и так за двадцать минут 6 кило согнал... Лопухи москвичи уши, конечно, развесили, про черноморцев и говорить нечего, какой-то чудик из них стал к этому могоу в стажеры проситься. Ну вот. Тогда вышел наш Гелик — и тоже на весы. Встал себе спокойненько и набирает ПСС без концентрации — стоит и с Фанем беседует; остальные на стрелку глядят, она уже на восемь делений влево отклонилась. Потом Гелик замолчал, резко сконцентрировался и тут же стал входить в стартовое (для набора стартового состояния — СС — опытному могоу требуется несколько дней). Тут уже тишина гробовая. Рты разинули. В общем, дошел Гелик до минус пятнадцати и вернулся обратно... Да, показали мы им, что такое Василеостровское могущество».

Дух отягощен материей, но материя динамизирована духом. Состояние «Я могу» в физическом смысле означает амортизацию отягощения, наступающую благодаря тому, что прекращаются стохастические бессистемные колебания сознания, которые Ауробиндо называл «вибрациями».

Вибрации, неконтролируемые потоки мыслей, чувств, вообще всплесков сознания, гасят друг друга, как бы уравнивают возвышение духа, препятствуют душевному подъему. Строго говоря, обретение могущества, сам смысл практики йоги, медитации, регуляций типа у-шу состоит в культуре чистых состояний сознания и прекращения смешанных состояний. Обыденное состояние сознания человека представляет собой чудовищную смесь, наложение взаимно противоречивых и взаимно отравляющих, гасящих друг друга модусов. Сон, вместо того чтобы исчерпываться пробуждением, пробирается в бодрствование, где порождает сонливость, вялость, нечеткость восприятия. Телесный недуг проникает в душевный строй, парализуя его чистые интенции. Вина проникает в сферу поступков, не относящихся к ней, демобилизует активность духа. Вечное сомнение отступления, искупительная жертва, неременное присутствие гасящих волн, взаимно угнетающих резонансов.

Состояние «Я могу», в котором пребывает мог, есть чистое состояние — высокий и плавный подъем духа (а не разовый толчок). Средоточие сознания вписано в ОС плотно, без зазоров. «Я» не вырывается из непривычной

поначалу головокружительной невесомости («Не трепыхайся», как говорит в этом случае мог стажеру, начинающему тренировать ОС), а удерживается в этом желаемом уровне, заполняя его целиком. Сомнение не проникает в ощущение «Я могу», а остается за рамками, там, где и положено быть сомнению, — в состоянии чистой рефлексии (то есть в ином чистом состоянии).

Интересно, что для удачи, для успеха во всем, что делается из ОС, не приходится зачастую прилагать никаких дополнительных усилий (усилия вложены только в поддержание ОС); замысел, нужный результат или, как говорят моги, практика получается сама собой. Вообще, противиться человеку, находящемуся в ОС, очень трудно. Более того, противление здесь возможно лишь в крайнем раздражении.

Многим знакома ситуация, когда «не выходит» — например, дозвониться, устроиться в гостиницу, получить какую-либо справку. Мы обращаемся к товарищу: «Попробуй ты, у тебя легкая рука». Или: «У тебя есть обаяние»... И у него получается. Все стоят, пытаются пройти, нервничают — без всяких результатов. Но вот появляется кто-то, без тени сомнения входит — и его не задерживают: подобное даже и в голову не приходит (речь, конечно, не идет о тривиальном блате). Таковы самые знакомые вариации ОС. Либо разовые, по наитию, либо стойкие, культивированные вплоть до полной естественности — как у могов.

То есть иметь дело с состоянием «Я могу» приятно не только изнутри, как с собствен-

ным состоянием, но и извне. Когда к тебе обращается некто, пребывающий в удаче, он первым делом попадает на реакцию, предназначенную для дружественного ответа, как бы безошибочно входит в нужную дверь. Кажется, что нельзя мешать такой удачливости, обрывать эту легкость и возвышенность духа и наоборот, надо ей содействовать. Пребывающий в ОС легко очаровывает окружающих. Но, в принципе, «очарование» есть лишь побочный эффект Основного Состояния; самоощущение того, с кем пересеклась траектория пребывающего в «Я могу». Когда говорят, что «женщины любят удачливых», — имеется в виду нечто подобное. «Обаятельный», «очаровательный», «неотразимый» — вот некоторые феноменологические описания, попытки определения человека, пребывающего в Основном Состоянии, воссоединенного со своим могуществом. Внешняя имитация состояния «Я могу», имеющая много градаций — от плохонькой карикатуры до приличного внешнего подобия, — именуется иначе: наглостью или хамством. Наглость отличается от ОС не только «отсутствием начинки», то есть внутренней пустотой (как чучело от живого существа), но и ответной реакцией: вместо любования, дружелюбия, своеобразной любовной снисходительности, уступчивости, наглость вызывает у немогов робость, переходящую в страх, либо раздражение, переходящее в ярость. С позиций кодекса могов наглость наказуема, ее проявления пропускать мимо ушей «не рекомендуется». Присутствующий

при вспышке наглости мог или стажер производит «санобработку» — сбивает спесь тем или иным способом, причем делается это почти инстинктивно (примерно так: когда вам говорят «Здравствуйте», очень трудно промолчать в ответ), без видимых эмоциональных проявлений. Такую функцию действительно можно назвать санитарной, или экологической, — как бы защитой окружающей среды. Мне нравится, как работает Фань.

— Федя, ты что? — вкрадчиво окликает Фань выдавшего виды детину, который без очереди лезет к почтовому окошку. Тот оборачивается и басовито отвечает: «Какой я тебе Федя, да я тут с утра стою, да я вообще...».

— А кто же ты? — с немалым любопытством вопрошает Фань, рассматривая детину, как энтомолог редкий экземпляр бабочки. — Ты вспомни, как тебя зовут?

Не вовремя впавший в наглость немог, уже слегка оттесненный из очереди, открывает рот, собираясь громогласно послать фраера подальше, но вдруг соображает, что и в самом деле забыл свое имя.

— Вот-вот, и я о том же. Что-то с памятью твоей стало, Федя.

Наблюдать за сменой выражений лица растерявшегося немога — истинное удовольствие. Думаю, что и Фань любит пополнять коллекцию выражений и, возможно, испытывает нечто похожее на чувства филателиста, вкладывающего новую марку в альбом. Фань явно склонен к импровизациям, и, по-видимому, санобработка входит у него именно в практику, а не в рутину.

Выдержав небольшую паузу, Фань продолжает:

— Ты, Федя, не огорчайся. Ты еще вспомнишь, постоишь в уголке и вспомнишь. Иди, постой в углу.

Вспотевший немог, в глазах у которого уже плохо скрываемый страх и какая-то беззащитность, бормочет: «Ты... вы чего? Я это... Я пойду.»

Он делает неуверенные шаги, почесывает затылок, как-то неуклюже перемещается к двери. В эти моменты, когда какой-нибудь очередной Федя стоит спиной к нам, у меня всегда шевелится в глубине души сомнение: вдруг бросится бежать и убежит или просто уйдет. И видно, что немог всеми силами пытается уйти, но, пройдя какое-то расстояние до двери, оборачивается и встречает пристальный взгляд мога.

— Вон в тот уголок, Федя, — ласково говорит Фань и кивает головой. «Федя» уже с меньшей неуклюжестью и с большей обреченностью идет в указанный угол.

Мог говорит негромко, но, как правило, в зале воцаряется тишина. Фань нарушает неловкое молчание:

— Не беспокойтесь, товарищи. Это мой пациент, с ним бывает.

Затем еще минуту-другую очередь по инерции молчит. Но находится некто самый «любезный» и предлагает Фаню:

— Да вы подойдите без очереди — вам, наверное, срочно, у вас ведь перевод?

— Нет, мне телеграмму отослать.

— Тем более. Это срочно. Вы подходите.

— Благодарю вас. Но, может быть, другие возражают...

Столь нелепое предположение единодушно отвергается очередью, где совсем недавно каждый тихо мечтал удавить всякого впереди стоящего:

— Что вы, что вы, какие могут быть возражения... Надо — значит, надо.

Фань подходит к окошку и протягивает бланк. Затем, уходя, говорит Феде несколько ободряющих слов:

— Ты не волнуйся, юноша. Ты обязательно вспомнишь свое имя. И фамилию непременно вспомнишь. Постоишь полчаса в уголке — и вспомнишь. А там и очередь твоя подойдет.

Немог, неразборчиво и заикаясь, произносит что-то вроде «спасибо»...

Далее. Как было сказано, «чары» в общем случае являются побочным эффектом, эпифеноменом пребывания в состоянии «Я могу». Завороженность, очарование возникают сами собой, путем простого контакта с аурой пребывающего как подзарядка от высокой одухотворенности. Правда, с позиций «третьего», находящегося вне контакта, деятельность из состояния «Я могу» порою воспринимается как высокомерие, нарушение исходного равенства («я такой же, как ты»), и в этом есть доля истины.

Ибо высокомерие пребывающего в ОС действительно означает высокую меру человеческих возможностей, меру могущества, а не ее имитацию. Высокомерность осуждается и отвергается с позиций низкомерности,

с позиций исходного равенства в бессилии. Обращение кажется высокомерным тому, кто привык к низкой мерке, считая ее единственно достоверным мерилом человека.

Унижение впервые дает себя знать по контрасту с наличием более высокого уровня — возвышения, возвышенности духа (в том числе и в самом прямом, энергетическом, «антигравитационном» смысле).

В сущности, все униженные — это не пожелавшие или не сумевшие возвысить себя; чем больше их количество, тем сильнее социальная тяга вниз; как раз необходимость высокого уровня внушает подозрительность ко всякому, пребывающему в нем, отсюда и отрицательный оттенок, связанный с понятием высокомерия.

Но высокомерие — это и напоминание, и спасительный шанс принять ту же мерку, во всяком случае, утверждение того, что высокая мерка есть.

Очень точное наблюдение можно найти у Гегеля: «Великий человек имеет в своем облике нечто такое, благодаря чему другие хотя и называют его своим господином; они повинуются ему вопреки собственной воле, вопреки их собственной воле, его воля есть их воля» (*Гегель. Работы разных лет. Т.1. М., 1970. С.357*).

Трудно сказать точнее об отношении окружающих к могу, пребывающему в ОС. Словно бы Гегель совершал прогулки вместе с могами по линиям Васильевского острова.

Можно высказать и такое соображение: необходимость хранения высокой мерки, не-

обходимость того, чтобы она не стерлась в эстафете поколений (что было бы невосполнимой потерей человечества, утратой надежды на будущее могущество), в какой-то степени обезоруживает окружающих перед ее ответственным исполнением, открывает все двери при достоверном предъявлении «Я могу» и, напротив, продуцирует ярость и неизбежное возмездие в случае профанации, недостоверного предъявления, стирающего понятие об истинной высоте достоинства.

Впрочем, когда я изложил эту мысль Зильберу, он призадумался и сказал, что я прав только отчасти, а вообще-то присвоение «Я могу» глубочайшим образом репрессировано культурой с того времени, как победил принцип рациональности: мог входит в ОС вопреки запрету и забвению, вот почему всякая практика в ОС, утверждающая могущество человека, с позиций культуры оказывается аморальной, «бесчеловечной», «преступной» и так далее, одним словом, угрожающей пребыванию человека в привычном ему низкомерии...

Еще несколько замечаний о состоянии «Я могу».

Если суммировать соответствующую установку общества одним кратким девизом, он будет звучать так: «Туда нельзя». Похоже, что на каком-то этапе ранней человеческой истории произошло сражение между двумя конкурирующими, враждебными друг другу моделями развития сознания, между двумя потенциальными векторами духовной эволюции: Логосом и — назовем это так — Могосом. Сражение продолжалось долго, не менее

семи столетий, и закончилось победой Логоса, что и было закреплено в области веры отождествлением Логоса с Божественной эманацией («и Слово было Богом»), а в области разума — торжеством косвенного пути, то есть совершенствованием интеллекта с помощью внешних подпорок, разного рода искусственных средств — текстов, инструментов, приборов.

Следы этой глобальной борьбы можно встретить в любой культуре, адептам поверженных учений (точнее говоря, практик) был приклеен ярлык «нечистых сил», «порождений ада», «демонов» и тому подобное. Скажем, поверженная практика Авесты, последний исторический оплот Могоса, носителями светлого начала считала асуров, темного — дэвов. В соседней Индии дэвы — это боги, а асуры — носители зла.

Одним словом, широкая и разветвленная практика магов была «разбита на кусочки», на бессмысленные остатки и вытеснена с санкционированного места в общественном сознании; с тех пор это место принадлежит науке и религии в форме культа, основным приемом которой является молитва-просьба (унижение) вместо приемов овладения (возвышения). В таком фрагментарном виде, в виде груды осколков (да еще и занесенной пылью времени), магия дошла до наших дней. И в таком виде осмеять ее и правда легко. Но восстановленная магами, а по большей части впервые установленная ими практика смеха не вызывает (смешно лишь то, что удалось обезопасить). Теперь скорее мог, пребывающий в ОС и в

других доступных ему состояниях, посмеется над поклонниками Логоса, ибо все они — и преуспевшие, и не очень — немоги.

Чары

Чары (или чарья на санскрите) — это обобщенное название сил и приемов, определенным образом изменяющих поле сознания. Силы эти присутствуют в сознании каждого так же, как дар речи или способность к предметному восприятию мира, — но у немогов чары связаны, как бы взаимно нейтрализованы в результате обретенного человеком островка устойчивости, состояния, которое по-английски называется *sanity*, а по-русски — «быть в своем уме». Строго говоря, «здравый ум», или «нормальность», — это и есть состояние связанности чар, а практика могов высвобождает чары из сцеплений и представляет собой набор упражнений, иначе говоря, деятельность, инспирированную и управляющую силами чарья. Внезапный выход «прикованных призраков», самопроизвольный их выброс при отсутствии каналов адресации чрезвычайно опасен: в случае неумения направленно пользоваться силами чарья, он может привести к прекращению состояния «в своем уме» и даже к невозможности вновь к нему вернуться.

В состоянии «Я могу» чары струятся сами собой, излучаются в виде энергетического фона — они готовы к использованию, они «под рукой». Отважиться на работу с чарами, на исследование их возможностей и последствий

и значит стать могом. Соответствующий раздел практики очень разнообразен у всех петербургских могуществ и, конечно, имеет свои особенности.

Припоминаю случай в ресторане «Прибой», где было проявлено, на мой взгляд, достаточное изящество, то, что моги высоко ценят (примерно как поэты стиль). В особенности стажеры и ученики охотно рассказывают друг другу о маленьких шедеврах, изящных находках (увы, незнание жаргона, которым густо оснащена речь могов, препятствует надлежащему восприятию изысканной работы).

Как-то я оказался в «Прибое» вместе с Зильбером и его стажером (не помню имени, он так и не стал могом). Официант принес мне сто граммов коньяка, а Зильберу и стажеру по бокалу шампанского (кажется, единственный алкогольный напиток, который дозволен в могуществах). Зильбер впервые зашел в «Прибой», но, похоже, официанту уже приходилось встречаться с могами, что с удовлетворением отметил и Зильберштейн: «Школа есть». Мог отпил глоток шампанского и стал беседовать со стажером (тот раньше занимался карате и еще чем-то из восточных единоборств, затем стажировался в рижском могуществе, приехал в Питер и упросил Зильбера пару недель его попрактиковать). Речь как раз зашла о единоборствах. Зильбер заметил, что мастерам карате и вообще Востоку хорошо знакомо Основное Состояние — без пребывания в ОС любой поединок или бой, какие бы приемы в нем ни использовались, неотличим

от простой драки. Стажер согласился, но заметил, что опыт конкретного единоборства «как-то трудно заимствовать» и он ему «мало помогает».

Зильбер удовлетворенно хмыкнул и поднял вверх ладонь (надо признать, что Зильбер и Гелик охотнее прочих предавались рассуждениям, а Зильбера я даже назвал бы словоохотливым, что для мога не слишком типично):

— То-то и оно. А в чем тут дело, коллега, не догадываешься?

— Видимо, тут все-таки разные состояния. Радиус действия, что ли, разный.

— Почти допер. У каратиста очень узкий вход в ОС — слишком технический и однозначный. Он как бы влезает в ОС — с помощью привычных движений, заученных на зубок. И вместо «Я могу» у него получается «Вот здесь я могу» — он сжат этими рамками. ОС у него подпирается привычкой и освоенностью территории — за рамками, за пределами боя мастер не в силах справиться со своим неможеством... А все привычка пользоваться одним-единственным оружием — поневоле попадаешь в зависимость от оружия, — как рыцарь в латах.

— Ясное дело. Автоматизм и дает гарантию уверенности.

— Вот видишь. А ведь ОС предшествует всяким гарантиям. Поэтому ты чепуху порешь, уважаемый партайгеноссе. Тут ведь дело такое — что-то всегда предшествует. И у негома в том числе. Он ведь почему немог? Потому что еще до всякой практики у него засела дурацкая установка: «Я не могу». Еще

ничего не попробовал, а уже сжат и скован, потому что «не могу», дескать. Да кто сказал, что ты не можешь, и кто тебе мешает мочь? Немоги думают, что мы самовнушением владеем, потому и моги. А я бы сказал, что первая техника — избавление от самовнушений. Надо прежде всего перестать внушать себе ежеминутно «не могу», перестать дрожать от неможества и делать все вслепую — тогда и мочь будешь. «Могу» — это больше, чем «знаю» или чем «обучен». Раз «могу» — то могу и знать, и обучиться, и обучить — из ОС, а не для ОС. Практику могов, почти всю, можно усвоить только из Основного Состояния. А ты говоришь: «Нет гарантий, вот и не могу», — все наоборот, коллега, «не можешь» — значит, нет и не будет тебе гарантий. Моги!

Тут я вмешался, поскольку меня интересовал ход мысли Зильбера и я решил сообщить ему итог своих недавних размышлений:

— Слушай, Зильбер, я вот что думаю. Может быть, мы все в чем-то, в какой-то узкой области моги? Или хотя бы так: каждый приобщенный к творчеству, вообще всякий мастер — мог в том, в чем он мастер. Ну, по крайней мере в какие-то минуты, на вершинах своего мастерства. Рафаэль, расписывая Сикстинскую капеллу, разве не был вдохновлен, разве не из состояния «Я могу» сотворены полотна Ван-Гога, книги Гете, музыка Баха? Может, определенный талант, присущий человеку, как раз и состоит в указании того пространства, в котором «Я могу»? И тогда мог — просто тот, кто не ограничивает себя одной сферой, как ты говоришь, техническим и за-

висимым способом вхождения в ОС, но может продлять и распространять ОС за пределы «таланта». Что скажешь?

— Говоришь, все мы «немножко моги», — прищурившись, произнес Зильбер. — Ну, в чем-то ты прав. Но столь же и не прав. ОС — это азбука, с него только начинается обретение могущества. Поэтому очень подозрительно, с чего это люди так обожествляют минуты вдохновения? Тут тебе и блаженство, и муки творчества, и приобщение к вечности. Поэты сплошь пишут о том, какое божественное состояние испытывает поэт, да и другие художники в широком смысле слова дают все больше зашифрованное описание испытываемого состояния, вместо того чтобы творить, мочь и действовать из утвержденного плацдарма духа. А главное, обрати внимание, все творческие взлеты, все «таланты» приписаны к Логосу, к какому-то крайне искусственному и вычурному занятию, если вдуматься. Ну почему это обязательно надо браться за кисть, ставить перед собой мольберт, раскладывать краски и вычислять перспективу? Или нанизывать созвучия? И все вокруг убеждают, что сие странное занятие бесподобно и божественно и дано лишь избранным. А стоит выйти в своем «могу» за эти причудливые барьерчики, именуемые условностью искусства, и заняться чем-то безусловным, проявить мощь сознания и воли прямо среди вещей, стихий и душевной суеты ближних своих, так сразу ты уже не избранник богов, а нарушитель предвечных установлений, одержимый нечистой силой. Почему освещен (или «освящен» — я

не уточнил) только один путь к созданию подобий, да еще и самых безопасных и трудоемких? Может, кто-то заинтересован навечно приписать могущество к условности и прославляет это всячески как гениальность и божественность? Вдруг кто-то боится конкуренции? — И Зильбер лукаво взглянул на меня. — Ты попроси у Гелика его рукопись. Может, даст почитать, там у него любопытные соображения имеются.

Но тут стажер, которого, видно, мало интересовал такой поворот беседы, прервал нас:

— Зильбер, а кто кого победит, мог или каратист?

— Хочешь попробовать, что ли? — улыбнулся Зильбер.

— Да нет, я так. Я не про поединок говорю, тут ясно, что любой каратист завязнет в возвратке и покалечится. Но по ударам. Вот, скажем, на шестом-седьмом дане ребята разбивают четыре кирпича и пальцем протыкают дверцу стандартного шкафа из ДСП. Ведь мог не сумеет без тренированного удара это сделать?

— Как тебе сказать? — улыбнулся мог. — Ну разве что так: однорукий человек, конечно, лучше управляется одной рукой, чем человек нормальный той же одной рукой...

Но тут внимание мога привлек соседний столик, а я вспомнил почти такой же разговор Рама с ребятами из секции. Кстати, случай, пожалуй, типичный, что неудивительно, поскольку среди желающих стажироваться и сколь-нибудь подходящих для этого очень часто встречаются «искатели самосовершен-

ствования» — доморощенные йоги, интересующиеся мистикой и, конечно же, занимающиеся разного рода восточными единоборствами. Из этого контингента приходит большинство стажеров. Рам отобрал трех ребят и велел им приходить в котельную на Петроградской, где он работал оператором и где была одна из резиденций Василеостровского могущества. После чего произошел любопытный эпизод: местный сэнсэй, тренер группы, очевидно, в припадке профессиональной ревности предложил Раму своеобразный вызов. Сложив стопочкой пять кирпичей, он обратился к группе: «Кто сделает все пять?» Ребята промолчали, и сэнсэй, подойдя к кирпичам и постояв в сосредоточенности полминуты, красивым ударом расколол всю пятерку. Затем тренер вновь сложил стопочку и предложил Раму: не желаешь ли поразмяться, дескать? Ситуация становилась интересной.

— У тебя какой предел? — поинтересовался Рам.

— Ну, пять-шесть разбиваю, как видишь.

Притихшая группа ждала продолжения.

— А если восемь? — непринужденно спросил Рам.

— Восемь не получается. А ты? Можешь?

— Могу, — сказал Рам, оценивающе взглянув на кирпичики. — И даже десять. Причем могу это сделать тобой.

— Как это? — удивился сэнсэй. — Что ты имеешь в виду?

— Очень просто. Ты подойдешь и расколешь десятку — если я буду тобой бить, конечно. Попробуем?

Тренер замолчал, недоверчиво поглядывая на Рама Охотника, а тот, повернувшись к избранной троице, спросил одного из парней:

— Хочешь десять кирпичиков поломать?

— Хочу, — ответил парнишка. — Но я больше трех не пробовал.

— Это ничего. Пробовать буду я. Давай разминочку. А уважаемый гуру добавит пока пять сверху.

Тренер послушно добавил кирпичей, и Рам, встав со стула, пристально всматривался в движения каты (ката — «танец», цепочка движений в каратэ). Движением мизинца мог сопровождать удары подопечного по воображаемому противнику, и было заметно, как Рам Охотник постепенно перехватывал управление двигательной системой парнишки, подчинял себе реактивную схему, переводя исполнителя как бы на автопилот.

— Пошел, — сказал наконец Рам, и парень, не прекращая каты, приблизился к помосту с кирпичами.

По следующему сигналу был нанесен резкий удар, и стопа кирпичей раскололась надвое... Притихшая группа шумно вздохнула.

— Ну, никто не хочет с ним бой провести? — поинтересовался Рам.

Желающих не нашлось. Эффект, надо признать, был ошеломляющим. Этот случай неплохо демонстрирует принцип действия чар, очевидно, известный и древним магам, — избирание привода, или выходного усилителя для конечного действия.

Начинающий каратист оказался в роли сказочного героя, получившего волшебную

силу, при том что он был не субъектом собственных сил, а агентом этой посторонней, ему не подчиненной, наоборот, подчиняющей его силы. Применяя старое, но точное выражение, можно сказать, что он был заколдован или на время околдован исходившим от Рама могуществом. Действие чарья, таким образом, схоже с действием других естественных сил, которые человек способен перераспределять с помощью особых устройств. В работе «Иенская реальная философия» Гегель назвал это «хитростью разума»: «На широкий конец мощи воздействуют острым концом хитрости».

Простейший пример такого перераспределения воздействий — обыкновенный топор: он ведь не добавляет силы, а просто собирает ее в нужном месте. Легкое усилие — и полено расколото на две части. А попробуй взять его голыми руками! Вот и искусство чарья во многом сводится к выбору и настройке нужного инструмента, посредника; собственно энергетический компонент воздействия не так уж и велик; инструмент тем и отличается от подручного средства, что он легок и удобен.

Но для самого посредника-исполнителя разница очень существенная: одно дело, когда топор «сам по себе» падает сверху на подставленное полено, другое дело, когда удар наносит дровосек. Эффективность возрастает на несколько порядков. Рам с помощью особой техники отключил автономное управление воли, перевел начинающего каратиста на дистанционное управление. Тот

стал как бы инструментом в руках мастера. А что значит стать инструментом? Превращение (вещи или организма) в инструмент снижает диапазон возможных действий и, скажем так, поступков, зато резко повышает эффективность оставшихся действий, в пределе — единственного оставшегося действия. Нечто похожее имеют в виду, когда говорят: «Он превратился в инструмент для добывания денег» — или, как в данном случае, для разбивания кирпичей. Чтобы инструмент был удобным, надо сломить или преобразовать его неуправляемость, сопротивление материала, то есть оставить только один управляющий импульс, на который механизм должен откликаться.

Почему животные, а тем более люди, как правило, не подходят для роли инструментов? Как раз потому, что они управляются множеством импульсов. Их движущая сила всегда оказывается равнодействующей многих сил. По этой же причине даже своим собственным телом человек не может управлять как инструментом и вынужден как бы заключать с ним договор (речь, конечно, идет о немогах). Между тем тело человека — единственный в своем роде многоплановый инструмент, и главное в том, чтобы уметь обращаться с ним как с инструментом.

Кстати, при знании некоторых приемов (чар), механизмов отключения иммунитета — сопротивления и механизмов запуска определенной программы превратить в инструмент чужое тело гораздо легче, чем свое: не надо тратить дополнительных усилий для преодоления боли и страха... А главное — не нужно

тратить силы на амортизацию, на постройку защиты (то есть можно не щадить инструмент). Так ученик, наносивший удар, чувствительно ушиб руку, откуда ясно, что при «автомном управлении» он кирпичи бы не разбил.

История с Рамом и каратистом хорошо иллюстрирует еще одну особенность сил чарья (чар), которой в совершенстве владеют маги. Речь идет о способе управления. Дело в том, что подчинить чужую волю можно и без гипноза, и без чарья — ну хотя бы с помощью страха.

Говорят, что страх парализует волю. Это правда. Но управление остается крайне неэффективным, поскольку эта парализованная, сломленная воля все же остается посредником между «сильной» волей повелевающего и исполнительным механизмом — телом подчиненного человека. Устрашенный человек способен лишь на самые простые, нехитрые действия, далеко уступающие его естественным возможностям (правда, так называемые сильные мира сего обычно этим и довольствуются). Все очень просто: сломленная, запуганная воля не может противиться воле другого, но она столь же слаба и в отношении собственного тела. Она становится лишним, и притом самым слабым звеном системы управления. Общеизвестно, какие ничтожные плоды приносит труд раба. Парализованная воля не может быть источником жизнеспособных поступков. Тогда появляются два выхода: первый — отказаться от устрашения, от подчинения своей воле и опираться на свободную волю суверенного

человека, на добровольное согласие; путь этот труден, но именно он избран культурой для совершенствования общества. И второй выход: устранить подчиненную волю в качестве посредника — вообще отказаться от ее услуг. Второй вариант запрещен культурой, причем, что интересно, он объявлен одновременно и «невозможным» (наукой), и «дьявольским, недопустимым» (религией) — иными словами, запретить его надо было во что бы то ни стало, любыми средствами, хотя бы и противоречащими друг другу... Это одновременно и «детская выдумка», и «чепуха», и «смертный грех».

Надо ли говорить, что моги работают именно таким способом, противопоставляя запугиваниям и терзаниям уверенное «могу». Техника чар состоит в дистанционном управлении телом другого как инструментом; «очарованный» или «околдованный» человек не ведает, что творит, и неудивительно: то, что им движет, лежит вне его, причем его воля наглухо заблокирована, обойдена и поэтому не сопротивляется даже саморазрушениям тела, не знает даже той последней мести, на которую способен человек с растоптанной свободой, ведь «униженная» воля портит свой собственный исполнительный механизм (человек спивается, дрожит от страха и ни на что путное не способен) — вплоть до самоубийства; ибо самоубийство есть парадоксальная форма последней защиты от осквернения самой заповедной территории. Месть осквернителю — дальнейшее осквернение, только уже самостоятельное: «Смотри, теперь я тоже не нужда-

юсь в том, что ты оплевал. Подчинив тебе свою бессмертную душу, я обещал ей для себя самого. Ты не ставишь меня ни в грош. Но и для меня это ценное уже не имеет цены...»

Так вот. С помощью чар мог избегает всех последствий такого рода, ибо прямо, без посредника входит в управление предназначимым телом или чьей-то отдельной физической или интеллектуальной способностью.

Если я мог, я могу бить рукой каратиста и могу подставлять под удар локоть его противника — раз уж я владею техникой чарья.

А Зильбер тем временем с любопытством поглядывал на соседний столик, где четыре друга с густыми, черными как на подбор усами, подсев к двум девушкам, громко выражали свое восхищение: «Ах, какой сладкий красавица», «Ну, пойдём на мой сторона» или что-то подобное. Их громкий разговор и раскатистый смех заполнял собой зал ресторана.

— Ну и что муж? Мужу мы тоже заплатим. Так, Вазо? — доносилось с соседнего столика.

Стажер уловил наконец направление взгляда Зильбера.

— Может, пойти сделать этих? Что скажешь, Зильбер?

Но Зильбер уже встал и направился к столу. Подойдя, он тут же обратился к одному из сидевших:

— Вазген, ты зря радуешься. Вот этот балык тебя совсем не уважает. — Зильбер постучал согнутым пальцем по тугой розовой лысине самого старшего, за спиной которого он стоял.

На лицах всех четверых (а может быть, и всех шестерых) отразилось неподдельное изумление, продолжавшееся, впрочем, лишь долю секунды. Лысый первым отодвинул стул и вскочил, собираясь стереть наглеца в порошок. Но вскочил как-то неловко, опрокинув тарелку и бокал с недопитым коньяком на колени соседей. Да еще и столкнулся со своим другом, поднимавшимся из-за стола...

— Вот видишь, Вазо? Что я тебе говорил про этого абдурахмана? Он специально твои штаны бифштексом заляпал — теперь никакой девушка на твой сторона идти не захочет.

Далее события развивались весьма динамично. К Зильберу бросился гневный юноша с бешенством в глазах, но его карающая десница неожиданно задела ухо многострадавшего Вазгена, причем столь ощутимо, что тот (так же, впрочем, как и этот) не устоял на ногах. Последующие резкие движения четверки тоже не достигали цели — вернее, достигали, но не той. Зильбер находился в эпицентре и с присущим ему спокойствием изредка комментировал происходящее:

— Ребята, вы плохо работаете ногами. Удар ногой, ежели оный выполнен умело, может быстро отключить противника. Ашот, ты не волнуйся, не горячись, а то ты пока отстаешь. Вазо уже трижды тебя отоварил. А ты всего разочек его по лысине тюкнул. И то не больно.

Замахи и восклицания дерущихся были резкими и откровенными. Что же касается ударов, то те, что предназначались Зильберу и по какой-то немыслимой траектории замыкались

на корпусе своего же соратника, казались не слишком эффективными — чаще всего валился с ног сам наносивший удар. Зато удары, преисполненные обиды и возмущения и наносившиеся в отместку, удавались превосходно. Ментально был свален с ног и какой-то чужак из зрителей, рискнувший разнимать дерущихся. Южные джентльмены, пытаясь по ходу потасовки выяснить друг у друга, в чем дело, обменивались эмоциональными восклицаниями:

— Инча, ара?

— Калярис купинча! Рот кунэм!

— Калярис куцес!

Девушки отчаянно голосили, и кажется, никто ничего не понимал. Зато стажер не мог скрыть своего восхищения:

— Ну, Зильбер, какую классику показывает. Пальчики оближешь. Вот это работа! Вот это мог!

Я тоже, признаться, впервые видел то, что у могов называется «заморочкой» и имеет прямое отношение к древнему глаголу «морочить» и еще более древнему существительному «морок». Устройство заморочки представляет собой достаточно сложную практику, имеющую, однако, многочисленные формы проявления. Вообще, выражения «заморочил» и «заколдовал», по-видимому, близки друг другу, хотя колдовство включает в себя и другие виды практики, иные способы перераспределения и направленной адресации разбуженных или вызванных чар. В случаях заморочки пелена чарья закрывает прежде всего зрительное поле (знаменитое «покрывало майи»), так что остается открытым

единственный «глазок», — этот глазок фокусируется тем, кто перераспределяет чарья, — магом, колдуном или могом. Сложность практики, как я понимаю, состоит в быстром смещении «глазка» — сначала видна одна мишень (которая и вызывает, скажем, замах для удара), а когда реакция пошла, показывают другую мишень. Со стороны действие выглядит несколько замедленным и несуразным, но немог не только не успевает его остановить, но даже не замечает подмены.

Морок со стороны и выглядит как путаница, и выражение «бес попутал» точно обозначает суть дела. Вот сейчас Зильбер именно попутал случайно попавшихся ему под руку бедолаг, заморочил им головы, и в результате получился эффектный спектакль, где Зильбер был, во всяком случае, больше чем режиссером.

Как говорил Гелик, очень точно, со знанием дела, заморочка описана Э. Т. Гофманом в повести «Крошка Цахес». Там окружающие, все до единого, вместо уродливого карлика видят почтенного и удачливого министра. Скрипач виртуозно исполняет пьесу — а аплодисменты достаются Цахесу; посол заключает договор — слава опять Цахесу, все очарованы им (в данном случае без всякого переносного значения); действия остаются внешне целесообразными, но меняют адрес и из-за этого обесмысливаются. Причем на расстоянии, удалившись из зоны действия чар, т. е. когда наваждение миновало, придворные не перестают удивляться явной нелепости подмены (и как я мог перепутать?), но сблизившись, вопреки своей воле вновь поддаются чарам.

«Цахес-эффект» в чистом виде и есть результат заморочки; ведь переадресовать можно любую реакцию — как гнев, так и похвалу.

Сходным образом чары описаны и в сказках; в них еще хранится память о магическом периоде, когда сама техника была прежде всего техникой наваждения или наведения чарья для достижения нужного эффекта. Вспомним мотив блуждания или плутания, попадания в заколдованное место, откуда не удастся выбраться, — моги нередко забавляются этим приемом, заставляя какого-нибудь немога часами ходить по одним и тем же улицам и переулкам Васильевского острова и наслаждаясь эффектом, ибо надо признать, что эта разновидность практики достаточно зрелищна. Вспомним Золушку, когда она обнаруживает, во что превратились (или, вернее, чем оказались) ее кони, карета и кучер после того, как развеялись чары, после прекращения заморочки...

Очень часто сказка не сообщает, кто попутал, да и в самом деле, в районах активной практики возможны остаточные явления, «осадки сил чарья», создающие просто повышенный обесмысливающий фон — какое-то «странное место». Один мой знакомый, человек очень наблюдательный, как-то в шутку сказал мне: «Знаешь, когда я попадаю на Васильевский, я всегда делаю не то. Или получается не то, что я делаю». Конечно, насчет «всегда» он несколько преувеличил, но коренные обитатели Васильевского все немножко сталкеры. (Кстати, сходите как-нибудь летней ночью на Смоленское кладбище, Рам живет неподалеку,

а он особенно любит застывшие заморочки. Когда мы ехали вечером к нему в гости, Фань с присущим ему остроумием заметил: «Здесь повсюду чувствуется Рамантизм».)

Наконец, «развязывание чар» может быть и самопроизвольным, произойти ни с того ни с сего. В детстве, когда силы чарья еще не уравновешены, не связаны в узел, самопроизвольная очарованность — вещь обычная. Ребенок, играющий в игрушки, легко и естественно принимает одно за другое — палочку за коня, горсть стеклышек за драгоценности, а нависшую в темноте ветку дерева — за страшное чудовище.

Интересно, что игрушки, моделирующие действительность, — маленькие безопасные копии больших вещей — ограничивают эманацию чар, они провоцируют вполне определенные отождествления, а не какие угодно. Процесс взросления неотделим от процесса связывания чар, и в итоге обычно остаются только узкие каналы очарования, монополизированные искусством... Да и в самом деле, неконтролируемые выбросы чарья не сулят ничего хорошего тому, кто оказался в поле их действия, а специальная техника управления чарами утрачена и даже намеренно репрессирована культурой (причем не только европейской). Моги — едва ли не единственные, умеющие управлять чарами любой интенсивности, причем управлять виртуозно, осуществляя тончайшую регулировку прямо по ходу дела. Все питерские могущества особенно славятся умением «хорошо инсценировать заморочку», что, конечно, невозмож-

но без строжайшего соблюдения ТБ. По мнению Фаня, моги Охтинского и Василеостровского могуществ по технике выполнения заморочек превосходят колдунов средневековой Европы и магов Востока.

Так, наблюдая за инсценировкой Зильбера, продолжавшейся более четверти часа (а точнее, сравнивая с другими заморочками, которые я впоследствии видел не раз), я замечал, что Зильбер держит ситуацию открытой, без полного автоматизма, замыкающего чарья «на себя», что было бы проще.

Ведь после того, как реакция смещена, допустим, когда Вазо ударил своего же товарища вместо Зильбера и получил сдачи, круг можно замыкать, оставив угол изгиба-смещения на фиксированном уровне, — разборка продолжалась бы сама собой (но, конечно, недолго); в замкнутой заморочке наваждение быстро рассеивается. Поэтому Зильбер периодически открывал шлюзы в нужном месте. Допустим, показывая себя тому же Ашоту напрямую, он возбуждал новую вспышку ярости и тут же смещал фокус, подставляя, скажем, лысого, то есть как бы подпитывал заморочку, успевая еще и комментировать происходящее, и сохранять непринужденный вид. Технически это ничуть не проще, чем проводить боксерский поединок и его же комментировать.

Причем главная сложность вовсе не в плотности морока, не в том, какая «порция» сил чарья высвобождается. И даже не в направленном смещении фокуса. Наибольшую трудность представляет контроль воз-

вратных воздействий, погашение и уклонение от реактивных сил, словом, исполнение предписаний техники безопасности. Дело в том, что при определенной концентрации пробужденных сил чарья экранирование не помогает: возвратка в этом случае проходит и через сплошной экран. Поэтому насколько ничтожна опасность того, что какой-нибудь Вазо успеет напасть на мога до смещения фокуса (тут-то экран подействует, да и без всяких экранов и заморочек уложить четверых немогов — плевое дело для того же Зильбера), настолько же реальна опасность резонансного удара возвратной волны. Не говоря уже о том, что при плотном экранировании возможность управления заморочкой ограничена.

Следовательно, класс и техника работы с чарами состоит прежде всего в нейтрализации побочных эффектов, в том, чтобы, выпустив джинна из бутылки, оставить его в упряжке. Судя по всему, именно обуздание возвратки было самым слабым местом первых чародеев, колдунов и волшебников (это можно сравнить с первыми работами с радиоактивным веществом, где техника безопасности появилась тоже далеко не сразу).

Вообще, радиоактивное излучение имеет немало общего по своей форме (но не по природе) с излучением (испусканием) чар; и то и другое в норме рассеяно и уравновешено иными процессами; и «реакция деления», и активизация чарья требуют накопления «критической массы». Создать неуправляемую реакцию (ядерный взрыв) гораздо легче, чем управляемую (ядерный реактор),

взрыв и был осуществлен раньше; с силами чарья дело обстояло примерно так же (кстати, Раму это сравнение показалось любопытным).

Всякое смещение равновесия в мире приводит к появлению реактивных сил. В мире физических макрообъектов их проявление зримо, наглядно, они хорошо рассеиваются, и уклонение от эпифеноменов не представляет особого труда. Но, экспериментируя со всеми центрами равновесия, человечество не раз сталкивалось и продолжает сталкиваться с возвратными волнами большой мощности, футурологи даже предсказывают, что одна из них когда-нибудь накроет человечество с головой. Видно, во всяком случае, что незнание ТБ не останавливает ни самых дерзких, ни самых беспечных. Возможно, в этом и есть смысл, ибо техника безопасности всегда будет запаздывать «на одну фазу» опыта.

Но силы чарья относятся к числу наиболее фундаментальных и туго связанных. Быть может, они составляли самую сердцевину эманации, творческого потока, которым создавался мир, и мир стал таким, каким мы его знаем, лишь тогда, когда могучие потоки чарья улеглись, или «осели». Скажем, строгая причинность возможна лишь там, где чары связаны, где уже миновал самый горячий поток дуновения, самая преобразующая часть божественного глагола «Да будет!». Если же вихрь еще не отстоялся, невозможна не только жизнь, но и «связь явлений», говоря словами Канта, то есть цепь причин и следствий. Человек, однако, способен, в принципе, извлекать чары

из связки, причем техника этого рода даже древнее, чем техника в современном понимании слова. Быть может, тысячелетие назад чары еще не были связаны так жестко, иногда струились сами по себе из неостывших источников — трудно сказать. Во всяком случае, практика чарья была известна многим народам.

— Классные заморочки делали ребята, — так выразился Васиштха о халдеях Вавилонии. По его же словам, «кое-что могли еще не раскусили». Но все же магия древних чародеев и практика могов соотносятся примерно как опыты Беккереля с радием и работы физиков на современных ускорителях. Они гибли тысячами, колдуны и чародеи, не сумев удержать обоюдоострое оружие, пытаясь укротить разбужденную стихию или укрыться от нее; как сейчас пишут в некрологах погибшим при автокатастрофах: «не справился с управлением». Герой известного мультфильма, размахивая волшебной палочкой, случайно задевает себя и устремляется по цепи метаморфоз в бесконечный цикл химеризации; примерно так же «хлещет обрат» (возвратка), силы возмездия, которые хоть и слепы, но могут достать и достают «на ощупь». Нарушение равновесия самых тонких и самых грозных стихий пробуждает эффект бумеранга; противодействие может оказаться на несколько порядков мощнее, чем собственно действие. В фильме о Синдбаде есть эпизод, как «злой колдун» заставляет плясать деревянную фигуру — и тут же на глазах стареет, покрываясь морщинами.

Возможно, поражение магов в споре с последователями Логоса, то есть сторонниками косвенного, дискурсивного знания, — результат неумения укротить возвратку. Чересчур закрытый способ передачи мудрости не мог закрепить отдельные достижения по ТБ — так что ошибавшиеся однажды зачастую уже не имели возможности «не повторить ошибку». Правда, в «трактате» Гелика приводится совершенно иная версия «истребления магов» — причем весьма любопытная. Ясно, однако, что повсеместный запрет чародейства продиктован во многом инстинктом коллективного самосохранения; более длинный и извилистый путь Логоса оказался прежде всего безопаснее. А ведь в Междуречье, центре тогдашней мировой цивилизации, вплоть до завоевательных походов Кира достижения «рацио» были ничтожны в сравнении с достигнутыми уже возможностями магии...

И если сейчас маги, не признающие никаких запретов, инсценируют самые сложные, многоступенчатые заморочки, то за этим скрывается высокоточная техника защиты. В отличие от практик и отдельных приемов, правила ТБ не «патентуются», а сразу доводятся до сведения всех могуществ; более того, тут же проверяется их усвоение. Ученики и стажеры шлифуют ТБ неустанно, при каждом занятии, иначе им никогда не стать могами. «Сначала экран, потом допуск» — гласит популярное изречение, которое я не раз слышал не только у василеостровских, но и у охтинских, сосновополянских, воронежских могов. Это и понятно, если учесть, что и короткая

история могуществ имеет свои печальные страницы. Лагута, Теодорис, Граф, Лама-цзы — вечная память основателям первого в мире Василеостровского могущества...

Не менее печальна участь впавших в немощество: каково тому, кто стал немощом, когда уже был могущим, — об этом приходится только догадываться.

Одним словом, чтобы дать толчок, вскрыть связанные чары, достаточно обычной дерзости Основного Состояния, обычного бесстрашия «Я могу» (конечно же, недоступного немощам), но чтобы отводить от себя возвратку и вновь пускать ее в дело, чтобы устранить побочные эффекты, чтобы руководить кораблекрушением, оставаясь внутри девятибалльного шторма, нужно воистину быть мастером своего дела, воистину могущим.

Кстати, инсценированная заморочка имеет несколько зон. Самая плотная, центральная зона — «кольцо», внутри которого никакой самоотчет невозможен, здесь буквально теряют голову; в кольце мог и держит замороченных немощей или периодически проводит их через кольцо. Ближайшая внешняя от кольца зона называется «гальюн» — находящиеся в этом пространстве испытывают сильнейшие галлюцинации («гальюнчики»), полную дискоординацию движений и физическую слабость, нередко с головными болями и рвотой. Это самая узкая зона, не превышающая полутора метров в поперечнике. Извне вход в гальюн свободен, а выскакивающий сюда из кольца словно бы отшвыривается обратно. Таким образом, возвратка имеет здесь постоянное

направление (без сюрпризов, как выражаются василеостровцы); с точки зрения ТБ управлять заморочкой легче всего именно отсюда. Но Зильбер находился в кольце, где режиссерские возможности могут быть реализованы точнее. Характеристики следующей за гальюном зоны трудноразличимы (я так и не добился разъяснений от могов), а потом, в радиусе десяти метров от центра, идет так называемая «связка», которую я бы определил как «пространство повышенной странности». В связке резко возрастает вероятность необъяснимых событий, не поддающихся никакому прогнозированию. Скажем, никто из посетителей ресторана (а почти все они попали в связку) не бросился вызывать милицию, только один попытался разнять дерущихся, в основном же смотрели «как зачарованные» (разумеется, союз «как» здесь не нужен). Визги и крики стихли уже через три минуты, и создалось впечатление, словно зрители пришли смотреть фильм или пьесу. Сходство вполне понятное, учитывая, что действие происходило «в рамке», в кольце, которое Зильбер слегка перемещал, но старался не мешать зрителям, то есть все-таки «держался в рамках».

Мне тоже «досталось» от повышенной странности — я вдруг обнаружил, что пью шампанское из стакана Зильбера, неторопливо, по глоточку, любуясь классной инсценировкой. Вообще говоря, это было, конечно, фамилльярностью, типом поведения, который в отношении могов вряд ли кому-то придет в голову — ну, примерно так же, как, увидев льва, вышедшего из зарослей,

мало кто испытает желание подергать его за хвост.

Кстати, если мог ведет заморочку из связки, то возвратка получается не такой плотной, «жесткой», как в кольце, зато преподносит больше всего сюрпризов. Поэтому, согласно ТБ, из связки не рекомендуется вести «разомкнутые» заморочки; во всяком случае, требуется подстраховка кого-нибудь из могов.

А закончил Зильбер так:

— Ну все, ребята, а теперь мир. Побаловались — и хватит.

Измочаленные драчуны стояли, переминаясь с ноги на ногу. Один из них попытался что-то сказать вроде «кала...», но тут же прикусил язык. Пожимая плечами, пострадавшие стали подавать друг другу руки. Это почему-то не удовлетворило Зильбера.

— Ну нет, так не пойдет. В бананово-лимонном Сингапуре так не принято. Невежливо просто получается. Вы должны подойти вот к этому уважаемому балыку и подуть ему на лысину. А то он вас не простит. Кажется, он злопамятный.

После ряда неловких движений, открываний и закрываний рта процедура была проделана, после чего Зильбер обошел всех четверых, дружелюбно потрепал их по щекам и пошел к столу.

Компания, не говоря ни слова и не взглянув на девиц, удалилась из зала, делая вид, что ничего особенного не случилось; остальные присутствующие тоже усиленно делали вид. Девушки о чем-то некоторое время сове-

щались, затем одна из них встала и решительно подошла к нашему столику.

— Меня зовут Лена, — сказала она, обращаясь к Зильберу. — Я вами восхищена. Я...

Но дальше Лена сбилась и замолчала.

Последовала долгая пауза, примерно минуту — Зильбер вопросительно смотрел на Лену, потом неожиданно отодвинул стул и сказал: «Присаживайтесь».

Предпочтения могов всегда казались мне загадочными.

Сон мого

В незапамятные времена, когда от Василеостровского могущества еще не отделились даже воронежцы, Вася-Васиштха засиделся у Лагуты допоздна, беседуя о китайских оборотнях-лисах и о только что вышедшем переводе «Иосифа и его братьев». Вернувшись домой, Васиштха вспомнил, что не передал важное известие: завтра в пять часов сбор в котельной у Рама. Лагута, зная о встрече, тоже забыл спросить где и когда. У кого-то из них в те стародавние времена еще не было телефона, но канал ночной почты действовал уже тогда.

Приведя панель связи в рабочее состояние и настроившись на абонента, Лагута лег спать. Ему приснилось, как он плывет на лодочке по широкой спокойной реке и вдоль берегов растет высокий бамбук. Это была река Янцзы. Он плыл долго, наслаждаясь речной прохладой, и уже у самого устья, где

река впадает в море, ему встретился парусник. Под парусами плыл Васиштва. Когда суденышко поравнялось с лодкой, Васиштва сказал: «Завтра у Рама». И показал открытую ладонь.

Лагута вовремя пришел в котельную.

— Понравилось ли тебе путешествие по Янцзы? — спросил он у Васиштки. Но Васиштва видел другой сон: он шел с паломниками в Палестину. Ночью паломники сидели у костра, и мимо в полутьме проходил караван. Верблюды вступали в полосу света и исчезали во тьме. В одном из караванщиков Васиштва узнал Лагуту, успел сказать ему о предстоящей встрече и даже показать открытую ладонь — дескать, в пять, — и вереница верблюдов потянулась дальше.

История эта может показаться красивой легендой, но вместо нее можно было бы привести десятки других случаев коммуникации во сне, притом коммуникации задуманной и осуществленной. Другое дело, что канал ночной почты практически не используют для передачи сообщений — примерно по той же причине, по какой платину не используют для производства лопат. Практика пересекающихся сновидений красива сама по себе, как партия в го или изысканная чайная церемония, но в принципе ничто не препятствует использованию ночной почты для «обмена информацией».

Дело в том, что сон (правда, не всякий) фактически является разновидностью Состояния Приема (СП). Человек, находящийся в СП, настроен на рецептивность, на вслу-

шивание в избранные голоса мира; сон также представляет собой прослушивание (просматривание) того, что не отключилось при засыпании, то есть восприятие слабых импульсов, которые в бодрствующем, заполненном гулом бытия существовании не слышны. Отключение сильных импульсов и приводит ко сну.

Разберем технику «направленного сна», используя историю с Васиштхой и Лагутой. Перед Васиштхой стояла определенная техническая задача — передать во сне конкретное сообщение. Допустим, что было соблюдено необходимое предварительное условие: адресат тоже поставил себе направленную задачу — получить информацию. Васиштха приступает к делу. Он начинает отключать импульсы. Сначала внешнюю сенсорику — зрение (закрывает глаза), слух (можно несколько метафорически сказать — «закрывает уши») и так далее. Затем наступает время для вещей потруднее: производится отключение внутренней сенсорики — избавление от источников психического напряжения, от забот. Для этого уже необходим навык контролирующего сознания — достигаемая в СП способность обзирать внутренний строй души, сигнализацию болевых точек, как привычных, так и вновь возникших. Васиштха одну за другой гасит свечи, погружая храм во тьму ночи. Но тут есть одна важная особенность. Дело в том, что после отключения некоторой части внутренней сенсорики, определенной квоты, безразлично, какой именно, засыпание наступает с неизбежностью.

Обычно процесс угашения и носит стихийный характер — как только импульсация уменьшилась до определенной величины, до величины альфа-ритма, человек засыпает, при этом оставшаяся случайная выборка неотключенных импульсов как раз и задает материал сновидениям.

Сновидение — это выбор из выборки. Но Васиштху не устраивает «лишь бы что», у него есть вполне конкретная задача. Ему необходимо передать импульс, который на фоне общей структуры озабоченности является сверхслабым. Стало быть, требуется как можно тщательнее очистить поле сознания, как бы принять по реестру все имеющиеся источники тревоги, все, что «дает о себе знать», и последовательно выключить, устранить из возможного участия в сновидении. Поэтому после отключения внешней сенсорики и самых заметных внутренних импульсов он «ставит распорку», которая предохраняла бы от неминуемого падения в сон. Это может быть, допустим, легкий болевой заряд, боль, сконцентрированная до порога ощутимости. «Распорка» не дает захлопнуться крышке, пока продолжается чистка.

Наконец, когда тщательно выслеженная импульсация отключена, мог последним движением выбивает распорку (сбрасывает боль) и мгновенно погружается в сон.

Теперь включен (в идеале) только один сторожевой пост СП, в данном случае — стыковка с абонентом ночной почты.

Вспомним, кстати, что гипноз является разновидностью сна — гипнотический сон

отличается от обычного прежде всего глубиной, то есть количеством «обесточенных центров» (это неудивительно, ибо человек устроен так, что отключение извне дается легче, чем «самоотключение»). Остается, в сущности, единственная ниточка, может быть, канатик, уже упоминавшийся *ранпорт*. Потягивая за этот канатик, гипнотизер двигает сомнамбулу, а тот и действует — как во сне.

Самый интересный вопрос, конечно: каким образом они «встретились», Васиштха и Лагута? Как это вообще происходит? Я не раз пытался расспросить могов о механизме ночной почты, но вразумительного ответа не получил; моги не любят теоретизировать. Жаргонный ответ звучал примерно так: «Надо распознать нужное поле <сознания> на встречном и дать сброс в боковой канал, а программу вспышки предварительно записать. Но нельзя идти в след, на попутку — будет только картинка без передачи». Это объяснение, полученное от Зильбера, было самым членораздельным. Васиштха, например, секунду подумав, сказал: «Э нет. Ты лог, ты и объясняй. Я не мастер переводить на любовь с итальянского».

Я и попробую объяснить, раз уж взялся за эти записки. Начать можно было бы с самых общих слов о близости родственных душ. Известно, что некоторые состояния — совместной тревоги, совместной догадки, общей тайны и особенно взаимной влюбленности — могут быть переданы без слов. Происходит вдруг некий обмен, вспышка невербальной

коммуникации — и все становится ясно. *Мы поняли друг друга* — так можно назвать эти мало изученные в психологии состояния. Поэты иногда оказываются проницательнее психологов — вспомним хотя бы строки Петра Вегина:

Я тебя не видел долго,
Я пришел к тебе во сне.
Не застал тебя я дома —
Ты во сне ушла ко мне.

В самом деле, взять курс на встречное движение в волнах альфа-ритма — еще не самое сложное. Куда сложнее — не разминуться в пути.

В любой нормальной психике возникают сверхслабые импульсы избирательного реагирования. Но у немога усилителем их может быть либо любовь, либо смертельная опасность, только тогда можно угадать желание женщины или единственный выход, да и то такое усиление бывает парализовано нетерпением или страхом. Моги, в практику которых входит отработка Состояния Приема, поступают иначе — они убирают помехи, создаваемые более сильными или более непосредственными витальными потребностями, и в первую очередь, конечно же, — общий «шум» работающего сознания. Нечего и говорить, что мог избавлен от обычного удела всех немогов — неуверенности, «вредной привычки» сопровождать всякий импульс контр-импульсом, результатом чего оказывается ничтожный КПД.

Ночную почту перевозит поток воображения, стихия, которая не знает преград.

Во сне Лагуты поток был и в самом деле *рекой*, и она текла *туда* (а для этого достаточно быть уверенным, что она течет туда), так что могу оставалось только неспешно вести свою лодку. В отличие от канатика-раппорта это была тончайшая серебристая нить, ее не то что тянуть, но и разглядеть не мог бы никто, кроме мога, кроме двух, настроенных в унисон сознаний, включенных в могущество равных.

А у Васиштки канал был визуализирован иначе — караван, вереница верблюдов, но и разная символика не помешала им узнать друг друга.

Впрочем, еще Фрейд понимал, что самые причудливые по материалу сновидения могут обладать одним содержанием, но не менее важно и то, что идентичный материал («раскраска») может нести разное содержание...

Кстати, можно добиться как раз идентификации материала («сюжета»), но тогда все сведется к общей картинке, как выразился Зильбер, «расплывется»; совместных грез умеют добиваться и наркоманы — правда, с помощью словесных уточнений. Психоанализ начинался с поисков скрытого содержания сновидений, и Фрейд установил, что многие *мотивы* скрыты достаточно надежно, они могут сохраняться в неизменном виде годами. Психоаналитики по сей день занимаются извлечением скрытого, неких передаваемых во сне посланий из бессознательного. Но до могов никому не приходило в голову воспользоваться естественным каналом

пересылки сообщений как ночной почтой. Психологи лишь распечатывают конверты, пытаясь прочесть зашифрованные письма; моги конверты запечатывают, надписывают на них нужный адрес и бросают в движущийся транспортер сновидения.

Послание напоминает мерцающую лампочку заботы, ту единственную, которую намеренно не отключили — в нужный момент ее надо перевести на режим «вспышки», осуществить своевременный «выброс задания» из плавного *течения* сна, после чего само сновидение идет по затухающей и меркнет. Физиологический ритм сна избавился от частицы произвольности и продолжается уже сам по себе.

Я даже не уверен, что необходимо хронологическое совпадение вспышек; ведь стрелки часов просто не умеют отсчитывать то время, которое течет во сне, они отсчитывают совсем другое, абстрактно-астрономическое время. Кто-то сказал, что сон движется прихотью и что управлять собственным сном труднее, чем собственным ростом. Это так — если речь идет о материале сна, о конкретной «картинке».

Вот волшебница Мэри Поппинс, героиня детской книжки, наливает детям лекарство из одной бутылочки, и у каждого оказывается собственный напиток: лимонный сок, кока-кола, молоко — и именно поэтому у каждого оказывается самое вкусное, то, чего ему в данный момент хочется. Одним и тем же движением волшебной палочки фея может превратить группу людей, скажем, в свору собак, но при

этом каждый превратится в какого-нибудь особенного песика, может быть, особой породы. Превратить в собаку и превратить в болонку — далеко не одно и то же; каждая из этих трансформаций определяется своей собственной причинностью.

Метаморфозы, осуществляемые силами чарья, характеризуются кратчайшей траекторией: как раз с этим и связана мгновенность волшебства, имеющая ту же константу быстрогодействия, что и сотворение мира Богом. Вещные слова «Да будет» не нуждаются в уточнениях с помощью образа, это приводило бы к роковым замедлениям — а создать нечто из ничего можно только мгновенно, сразу. Зато все преобразования, осуществляемые трудом, насыщены замедлителями: образ, который должен быть воплощен, образец, которому надо соответствовать, — все это приводит к медленному и долгому выбору траектории.

Сон — состояние, близкое к очарованности, и картинка составляется из «ближайшего», из того, что рядом, что непосредственно здесь, «под рукой». То есть замысел, завернутый в оболочку сновидения, может пройти только в том случае, когда не надо тратить сил на выбор обертки, когда окончательный дизайн предоставлен стихийному потоку сменяющихся картинок и «сюжетов»: руль управляет кораблем, а не течением реки; поэтому-то кораблик и движется... Стало быть, «картинка» заимствуется из ближайшей данности, а что будет загружено смыслом — караван верблюдов или же скоростной лифт

в небоскребе, — для самого смысла (замысла) безразлично, довезет любой транспорт (и наоборот — никакой транспорт не будет попутным, если не знаешь, куда идти...)

Самое непонятное, однако, вот что: как чужой замысел, проникая в мой сон, использует антураж, декорации моего сна? Почему Лагута не видел верблюдов, а Васиштха — кораблика, что нисколько не помешало взаимодействию замыслов — обмену грузами?

СП

В СП, или в Состояние Приема, моги погружаются часто. СП не просто часть практики могов, это часть их повседневной практики, второе по продолжительности пребывания в нем состояние после ОС. Состояние Приема представляет собой совершенно иной модус бытия, и если девиз ОС — «Я могу», то девиз СП можно сформулировать так: «Слушаю и слышу». Целью СП является достижение глубины восприятия.

Разные могущества и даже отдельные моги трактуют «прием-прием» по-разному.

Но сначала несколько примеров. Мы идем с Фанем по Измайловскому. Фань серьезен и тих, он считывает отовсюду невидимое и неслышимое, его интересуют сейчас те слои сущего, что находятся под поверхностью слов, под маской равнодушия, беззаботности или показной бодрости.

Фань занимается приемом и расшифровкой сверхслабых позывных, иными слова-

ми — работает в СП. Едут машины, спешат по своим делам люди. Вот Фань подходит к одному из немогов, неуверенно остановившемуся у газетного стенда:

— Сейчас направо и до самого скверика. Пройти метров сто, там увидите.

— Что направо? — удивленно спрашивает немог.

— Как что? Туалет.

— А... Благодарю вас. А инте...

— Через десять минут у них перерыв. Советую поторопиться.

Немог уходит, оглядывается, на секунду останавливается, словно пытаясь вернуться. Но, наткнувшись на отрешенный, невозмутимый взгляд Фаня, идет куда ему надо.

Мы тоже идем своей дорогой. Мой спутник тих и сосредоточен, и мне начинает казаться, что мог в Состоянии Приема беззащитен, как рядовой немог, как простой смертный. Ведь все экраны сняты, чувства и интуиция целиком направлены на вслушивание в мир, распахнуты навстречу малейшим колебаниям внутренних слоев. Фань ставит диагноз домам, прохожим, улице, ветру. Находясь рядом с ним, я тоже погружен в какую-то умиротворенность.

Но сентиментальность могам чужда; можно сказать, нет более чуждого для них качества, и в этом я убеждаюсь тут же.

— Стой, надо проверить, — говорит Фань. Мы останавливаемся у автобусной остановки рядом с гастрономом «Стрела».

— Хочешь познакомиться вон с той девушкой? — Фань кивнул в сторону молодой

женщины, которая стояла, прислонясь к дереву, и теребила ремешок сумочки.

— Зачем? То есть в каком смысле?

— Думаю, ей хочется с кем-нибудь познакомиться. Но надо проверить. Будь другом, подойди, ляпни чего-нибудь.

Отказать Фаню в такой просьбе было невозможно. Правда, после отрешенной прогулки я не чувствовал особой уверенности. Поэтому и не нашел ничего лучшего, кроме дежурной фразы:

— Здравствуйте, девушка. Нельзя ли с вами познакомиться?

Кажется, Фань не ошибся. Девушка так же просто, без всякой ритуальной игривости, приветливо назвала свое имя (не помню сейчас какое).

— Вы знаете, — сказал я, — мне ничего другого не приходит в голову, кроме как пригласить вас куда-нибудь. Например, в кафе.

— Так уж сразу и в кафе. А вообще, давайте. На ваше счастье, я ничем сейчас не занята и никуда не спешу.

— Но зато мы спешим. Вы уж извините моего друга. Он так на вас загляделся, что не смог пройти мимо, — произнес неожиданно появившийся Фань. — У него же через час поезд отходит на Стерлитамак.

Когда мы отошли на приличное расстояние, Фань наконец поинтересовался, не обиделся ли я:

— Может, мое вмешательство было некстати? Можешь вернуться и сказать, что решил махнуть рукой на Бузулук. Красавица будет только польщена...

Я не стал ничего говорить, из СП Фань прекрасно прочитывал мое состояние. Зато в отместку через пять минут и я прервал его погруженность:

— Слушай, Фань, а вон с той женщиной можно познакомиться? — и указал на длинноногую блондинку, сидящую на скамейке.

Мог какое-то мгновение оценивал мой выбор, после чего снисходительно сказал:

— Можешь и с той, но в другой раз.

— А почему?

— Ну, потому что придется тебе помогать. Это надо сбрасывать СП и входить в ОС. — Он снова оценивающе взглянул на блондинку. — Да, пожалуй, еще заморочку устраивать долгоиграющую... в связке минут пять постоять придется... Потом опять СП набирать. Так что извини, брат, в другой раз. — Затем, пристально взглянув на меня, Фань улыбнулся:

— Ну давай, рискни. Дело ведь благородное, вдруг выгорит. Да и азарт нельзя терять впустую. Потом брякнешь мне в котельную, какой счет.

С блондинкой я познакомился самостоятельно, используя на сей раз все навыки красноречия. Вечер завершился в кафе — впрочем, без каких-либо взаимных обязательств.

Утром я заглянул к Фаню в котельную, он как раз был на смене и вновь в СП.

— Поздравляю, — сразу же сказал Фань, не давая мне рта раскрыть. — Много лапши пришлось повесить?

— Не без этого, конечно, — признался я, не теряя, однако, ощущения торжества.

Состояние Приема имеет много разновидностей и стадий. В прогулке по Измайловскому, например, Фань использовал так называемую «СП-переноску», когда при глубокой погруженности сохраняется возможность общения и внешняя непринужденность. Прогуливаясь по городу и ведя какой-нибудь непритязательный разговор, мог способен оставаться в СП, отслеживая при этом «гамму» — набор основных созвучий экстрасенсорного диапазона.

Но есть более чистые и элементарные практики, тоже входящие в СП и вполне доступные каждому после элементарного психотренинга. Например, медитация — состояние тихого сосредоточенного размышления и интеллектуальной отрешенности, — она широко практикуется и вне могуществ.

Суть медитации прежде всего в устранении фона, обычно сопровождающего всякое бодрствующее сознание. Этот фон состоит из непрерывно рождающихся, помимо нашего желания, мыслей, мыслишек и мыслят — которые приходится «мыслить», то есть становиться переносчиком паразитарных продуктов сознания просто потому, что от них некуда деться. Фоновая суeta препятствует как истинно творческому мышлению, так и желаемой пустоте созерцания. Медитация и представляет собой попытку избавиться от суety, устранить шум сознания.

В наступившей тишине возникает нечто более существенное, чем гонка сменяющих друг друга «мыслят». Медитация позволяет расслышать зов из глубины (не случайно

в медитацию именно погружаются), оставляя позади всплески и бурление поверхности. Различные школы йоги, а также многие течения христианства и ислама, издавна культивирующие медитацию, достигли в ней хороших результатов.

Сами моги относятся к возможностям классической медитации довольно скептически и практикуют ее в основном в исторических экскурсах, а также в виде системы подготовительных упражнений для учеников и стажеров. Дело, видимо, в том, что достигаемая в традиционной медитации духовная сосредоточенность перекрывает слишком много каналов, и в этом смысле имеет мало общего с Состоянием Приема, разве что схожесть первоначальной техники вхождения. Джер выразился примерно так: «Вместо того чтобы закрыть щели и оставить ворота, они затыкают все подряд и оставляют только одну щель — да и то в подполье. Да, еще дыру в крыше».

С точки зрения могов погруженность в медитацию дает возможность прислушаться к трансперсональному ритму (атману), но звучание внутренней мелодии, основная формула самовосприятия остаются нерасслышанными. И тем более не удастся распознать скрытые позывные стихий, в чем и состоит главная задача СП. Несколько ближе к Состоянию Приема подходит японская техника «моно-но-аварэ», то есть умение «различать чары вещей». Знаменитое созерцание кончика сосновой иглы, подготавливающее к восприятию вещи как таковой (а не

ее полезности, престижности или характера препятствия) — входит составной частью в СП. В текстах Сэнъесю сказано: «Навык любования открывает истину. Полюбишь человека, и получишь доступ в его сокровенное. Все вещи покрыты зеркальной поверхностью (симэй-иоко, буквально — «темное зеркало»); куда бы ты ни взглянул, везде увидишь себя. Поэтому — смотри долго, испытывай нежность и терпение, тогда и покажется сама вещь, и о ней нельзя сказать «похожа» и нельзя — «непохожа», ведь сравнение — то, что между вещами, в пустоте, в темных зеркалах. Когда же вещь откроется тебе, ты сможешь подчинить ее: ты отвернешься, а она не исчезнет».

Я помню, как мог Баврис, тогда еще стажер из Воронежа, рассматривал цветок. Это было на Елагином острове, он присел возле клумбы и долго смотрел на розу. Потом подставил ладонь, и на ладонь упал лепесток. Почему-то эта мелочь осталась в памяти. Сейчас Баврису принадлежит штук пять патентов по СП. Во многом благодаря ему, да еще Блюме, у Воронежского могущества появился свой собственный стиль, то есть техника (практика), которая не может быть усвоена в виде отдельных трюков. Питерские могущества сами пока не смогли ее воспроизвести, и охтинцы уже пошли на обмен пакетами, остальные еще надеются расшифровать.

Конечно, возможности, которыми обладает сегодня мог в СП, несравненно шире, чем «моно-но-аварэ», но что-то общее осталось,

какая-то примесь эстетизма, никогда, впрочем, не переходящая в сентиментальность.

По своей значимости СП идет для мога сразу после ОС. Достижение осязаемости мира, прослушивание его тайных частот имеет множество измерений, и не все они одинаково важны. Некоторые диапазоны, в том числе «любование», являются делом вкуса, другие — частью повседневной практики могов.

Сюда относится диагностика, умение переходить от вещей-вершин к их скрытым в невидимости фундаментам. Мог диагностирует точки напряженности окружающего мира и зоны пустоты, провалы. Он вычисляет (или предчувствует) место, где скрытая сущность подходит ближе всего к поверхности; это и есть диагноз.

Многие школы восточных единоборств имеют свою диагностику, тщательно изученную первыми могами и впоследствии превзойденную. Например, как нужно ударить по стопе кирпичей, чтобы расколоть именно девятый кирпич или, допустим, четвертый и шестой, все это видно из СП так же, как через подзорную трубу видно то, что без нее невидимо (неразлично).

Мне запомнился один пример со стаканами. Само по себе это упражнение очень простое и распространенное, но воистину везде возможны свои шедевры.

Дело было опять-таки в котельной у Фаня, на Васильевском. Я заглянул к нему раньше обычного, мне как раз удалось раздобыть английский перевод «Двахри-сутры», кото-

рым Фань интересовался. В котельной присутствовало несколько учеников, недавно приступивших к занятиям. Фань собирался оставить не более трех человек («Хочу еще Юрика взять в стажеры, способный парень, да и давно ему обещал»), и, видно, был какой-то экзамен.

Поздоровавшись со мной, Фань взглянул на часы и сказал присутствующим: «Так и быть. Даю еще шанс — тащите стаканы».

Ученики отправились по знакомому маршруту к автоматам с газированной водой, Фань поставил чайник (так я и не спросил ни разу, как называется это устройство вроде запала, на котором операторы газовых котельных разогревают себе чай). Минут через пять ребята вернулись и принесли два десятка стаканов.

Взглянув на стаканы и взяв один из них, Фань сказал: «Показываю». Еще раз осмотрев стакан, он тубиком губной помады провел на нем ломаную линию и поставил на стол. Затем, сняв с огня кипящий чайник, плеснул кипятку в стакан, и тот раскололся точно по нарисованному контуру.

— Теперь давайте выбирайте себе стаканы и рисуйте, потом я проверю. Не торопитесь.

Пока Фань листал книгу и слушал мое резюме, ученики сосредоточенно выполняли контрольную работу. Помню, я еще поразился, как одинаково волнуются абитуриенты независимо от того, предстоит ли им сдавать органическую химию или черную магию... Воистину, во все века и времена...

Наконец соискатели выбрали по стакану и нарисовали на них «линию фронта». Одна из работ Фаню понравилась.

— Ну что ж, Леха, неплохо чувствуешь стеклышко, — давай наливай.

Обрадованный Леха полил стакан кипятком, и тот раскололся довольно близко к нарисованному контуру. Еще троих Фань похвалил за то, что сумели найти стаканы, которые все же лопнут от кипятка.

— Ну-ка, сотрите свои каракули и давайте сюда губнушку.

Мог нарисовал на каждом стакане контур разлома и, поймав мой заинтересованный взгляд, сказал:

— Предоставим роль контролера ОТК нашему уважаемому гостю.

Пока я наливал кипяточек и демонстрировал осколки с красными краями, Фань приговаривал что-то вроде: «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас...»

Зато пятый соискатель попал впросак, что Фань констатировал следующим образом:

— А ты, браток, наверное, по принципу жаропрочности стаканчик подбирал. Из такой тары можно десять лет чаек пить...

Бедняга вылил на свой стакан полчайника, покраснел, буркнул что-то вроде «извините» и ушел. Оглядев остальных, Фань сказал:

— Ну ладно, беру. Следующее занятие послезавтра, здесь же, в полпятого. На дом — имитация Основного Состояния по длинному графику, начнете сегодня с вечера. Ну, пока.

Ребята радовались, как защитившиеся диссертанты, хотя, кажется, могом никто из

них пока не стал (Леха сейчас стажирруется у Крейцера в Охтинском могуществе).

Вечером к Фаню заглянули Гелик, Теодорис и Рам. Когда стали пить чай, Гелик машинально взял в руки стакан с зигзагообразной красной чертой — тот самый. И почему-то заинтересовался.

— Скверная работа, — оценил Рам, мельком взглянув на забракованную контрольную.

Пока могли беседовали, Гелик рассматривал стакан — вертел его в руках, пощелкивал ногтем. Потом поставил на стол и попросил у Фаня гвоздь — «желательно сотку». Такого гвоздя в котельной не нашлось, и Фань предложил отвертку.

Гелик взял ее, подержал на весу — примерно так, как хирурги держат скальпель, — склонился над стаканом... Остальные могли, набрав СП, молчали и тоже всматривались в стакан, заинтересовавший Гелика.

Затем каким-то неуловимым движением Гелик ткнул по краю стакана, и тот раскололся — точно по контуру. Собравшиеся оценили этот факт как маленькое чудо — крайне редко доводилось мне видеть на лицах могов такую заинтересованность.

И тогда я подумал вот о чем. Когда рядовой немог видит вещи, которые мог делает совершенно непринужденно, он может испугаться или не поверить своим глазам. Может, наконец, безоговорочно решить: раз такое возможно, то в мире возможно все. Труднее всего дается немогу иерархия чудес. Если мог способен из Основного Состояния без

всякого труда, скажем, «замкнуть человека на повтор» — так, что тот будет бессмысленно повторять любую обращенную к нему фразу, или, набрав ПСС, мог идет по пустым спичечным коробкам, а те не ломаются, а лишь сгибаются, как от нажатия ладонью, — то расколовшийся стакан после этого покажется сущей ерундой.

В свое время Дени Дидро заметил, что для слепого от рождения все могущество, приписываемое Богу, есть просто маленький несущественный придаток к поразительным возможностям, доступным каждому зрячему... Или другая аналогия — дилетант попадает в какую-нибудь суперсовременную физическую лабораторию. Он видит необычные приборы с непонятным предназначением, светящиеся табло, мигающие лампочки, слышит загадочный гул. Все это поражает его и, возможно, ввергает в священный трепет. Но вдруг он замечает физиков, склонившихся над маленьким дисплейчиком и напряженно следящих за синусоидой... «Странные люди, — подумает дилетант, — кругом так много удивительного, а они уткнулись в этот крошечный экран...» Самое удивительное для дилетанта — непостижимость разницы между привычным для профессионала и тем, чему профессионал удивляется.

То, что Гелик заставил расколоться забракованный Фанем стакан точно по контуру, проведенному незадачливым учеником, было сродни необычному очертанию синусоиды на маленьком экранчике, и моги, которые могли бы спокойно пройти по коробочкам

из-под канцелярских кнопок, не сломав их, — удивленно склонились над чудом, произошедшим здесь, на столе...

Вернемся к Состоянию Приема. Как говорит тот же Гелик, мир каждую секунду передает полный репортаж о себе, да вот только ни у кого нет Абсолютного приемника, чтобы выслушать всю информацию, прослушать все частоты сразу. Даже могам для того, чтобы настроиться на определенную волну, требуется некоторое время, и переключение диапазона — труднейшая часть практики из СП. Пребывая в Состоянии Приема, моги слушают мир по регистрам, хотя глагол «слушают» является, в данном случае, просто удобной метафорой экстрасенсорного считывания гаммы.

Приведу рассказ Зильбера, дающий представление о практике СП.

— Входя в СП, я первым делом слушаю наш островок (*Васильевский — А. С.*). Расщепляю на составляющие: Балтика, атмосфера, тектоника, архитектура. Потом сбрасываю их и слушаю остаток — тонус наших обитателей. Как им там сегодня неможется? Локализую точки перегиба и иду их смотреть: где-то воду в домах отключили, где-то товар привезли, очередь на километр (*время действия — конец 1970-х годов. — А. С.*). Есть непонятные точки. Тогда перехожу в узкий диапазон, обследую. Интересно, если что-то новенькое попадает. Один раз классного деда вычислил. Понимаешь, еще не успел тектонику сбросить, уже перебои в ритме — вызывные отличаются от эталона минимум на

два звонка. Как дошел до тонуса, вообще Васькин остров не узнаю. Армавир какой-то. Чего, думаю, стряслось?

Звоню Раму. Давай, говорю, набирай СП и иди сюда. Пока Рам шел, я все слушал — может, так, случайные колебания? Ничего подобного, не восстанавливается картинка. А тут, значит, Рам пришел и говорит: «Ты знаешь, через легкий экран даже прослушивается». Я экранировался минимальным — точно. А ведь через экран, пусть самый прозрачный, только общий тонус Питера можно уловить, — Островок вообще не дает отдельной картинки.

Ну, пошли, конечно, исследовать. Рам держит общий диапазон, координирует, а я локалки перебираю — для быстроты поиска. Пару очередей вычислили, аварию на Большом — так, чуть-чуть фонит — не то, словом. И вот, стало быть, вышли на одного мужика — натурального деда с бородой. Он, оказывается, из Витебска приехал и внучкин адрес потерял — ходит, дом ищет.

Поскольку я, видимо, не оценил всей парадоксальности ситуации, Зильбер счел нужным добавить:

— Ты чувствуешь? Дед, значит, ходит и беспокоится. И оттого, что он беспокоится, сменяются позывные всего Острова и даже города — ну как будто Охтинское могущество совместную катапраксию устроило. Или уровень Балтики понизился на полметра. Мы с Рамом минут десять смотрели на это чудо — как он ходил по скверу, оглядывался. Рам еще сказал: «Ну, патриарх! Вот

бы кому молитвы возносить — дойдет до астрала». А тут, смотрю, Граф из-за угла выходит, в глубоком СП. Молодец! Живет на Обводном, а деда вычислил. Подтянулись еще кое-какие сосновополянские и заневские ребята... Потом я набрал ОС, подошел к мужику, посочувствовал насчет внучки. А тот, даром что немог, — нисколько не удивился: «Уважаемый, — говорит, — помню, что где-то здесь. Живет на втором этаже, на подоконнике кактус в пол-окна». Помогли ему, конечно. Я хватаю ближайшего мента — давай, говорю, чеши, узнавай по селектору, где живет такая-то... Чтоб через полчаса был здесь, — и привязываю ему ниточку. Мент за двадцать минут управился. Сообразительный попался.

После короткой паузы Зильбер еще добавил: «Потом всю неделю, что дед в городе был, мы его прослушивали. И стажерам повезло — ходячее наглядное пособие по СП, — они его стайкой целыми днями сопровождали. Редкостный дед, что и говорить».

Вообще, «прием» в глобальных диапазонах — Островок, Город, Побережье, Планета — составляет довольно скромную часть практики из СП. Насколько я понимаю, нынешние возможности позволяют могам сличать «сегодняшнее состояние дел», «позывные» с соответствующим эталоном и сразу делать общий вывод: что-то случилось, эталон «планета» не совпадает с обычной картинкой. А вот что именно фонит — наводнение, массовая паника или чемпионат мира по футболу — узнать можно лишь при допол-

нительном исследовании, при «прослушивании на месте». Но, как заметил Баврис на Третьем конгрессе, «технология сверхдальнего приема сейчас на пороге больших перемен». Почти все могущества ведут регулярные наблюдения за колебаниями картинок, фиксируют отклонения. У Василеостровского могущества есть что-то вроде графика, согласно которому ежедневно хотя бы один из могов должен в определенные часы входить в СП и прослушивать сверхдальние диапазоны. В других могуществах службу наблюдения постоянно несет один из могов (или несколько). Помню, за день до падения Чаушеску Васиштха сказал: «Сегодня шарик гуляет. Но с природой, похоже, в порядке, скорее всего какой-нибудь Гондурас беспокоит».

Основная часть практики СП относится к средним и малым диапазонам. Сюда входят выявление «странных мест», «чтение мыслей», обнаружение ритмических анизотропностей в природных процессах, объектная перлюстрация. О ней нужно сказать несколько слов. Отцом объектной перлюстрации считается Гелик — мог, которому принадлежит треть патентов всех питерских могуществ и четверть вообще всех патентов, имеющих хождение.

По профессии физик, работавший когда-то в ЛИЯФе, Гелик принес с собой высокую культуру эксперимента и из состояния «Я могу» ухитрялся каким-то образом решать чисто физические проблемы. Несомненный привкус физики имеет и перлюстрация объектов.

Благодаря Гелику и разработанной им технике сначала Василеостровское могущество, а затем и остальные питерские моги овладели практикой обнаружения в любом объекте *слабейшего звена* или «точки перегиба». Называется это — «найти слабую струнку» или просто *взять струнку*. Самые различные предметы — стаканы, стулья, двери, здания и даже горы — поддаются вещественной диагностике. Исследуя дома старой постройки, мог узнает, где пройдет трещина, где фундамент осядет, где посыплется штукатурка. С помощью объектной перлюстрации можно «на глаз» безошибочно определить усталость металла.

Помню, в гардеробе Публички, когда мы сдавали пальто, Рам-Охотник задумчиво сказал гардеробщику: «Отец, советую тебе перевесить вон ту тяжелую шубу с тридцать второй вешалки. А то через полчаса шуба окажется на полу».

Владыка гардероба посмотрел на нас с крайним презрением и ничего не сказал. Зато когда мы выходили из библиотеки, взгляд его был совершенно другим. Нагнувшись к своему коллеге, он что-то ему прошептал и кивком указал на Рама. Но Рам был уже в ОС и, кажется, забыл про вешалку.

Состояние Приема отличается от большинства других состояний мога огромным простором для совершенствования. Индивидуальный опыт позволяет ускорять диагностику, особенно диагностику штучных материальных объектов, до каких-то мгновений. Моментальная диагностика может быть включена даже

в состав ОС, на чем как раз и основывается катепраксия, но о ней будет особый разговор. Пока же следует сказать несколько слов о чтении мыслей и угадывании намерений — практиках, требующих глубокого приема и больших затрат.

Как на ладони

Известно, что чужая душа — потемки и обшаривать ее потаенные уголки — дело трудное и тягостное. Даже сам обладатель души не имеет обычно понятия, что хранится в тайниках. Он и сам не желает этого знать и тем более не желает, чтобы это знал кто-то другой. Пациент, у которого психоаналитик добивается признания в чем-то запретном, обычно сопротивляется до последнего, ему легче сознаться в придуманных мерзостях, чем в действительной слабости; вполне невинной, вот почему с таким трудом дается распознавание «сокровенного» — даже мог в глубоком приеме считывает лишь символы, требующие дополнительной расшифровки.

Впрочем, нужно сразу же указать на две совершенно противоположные вещи, результат которых может показаться постороннему наблюдателю одинаковым. Первую, в ослабленном, профанированном варианте, многим доводилось наблюдать на сеансах гипнотизеров, или, как говорят маги, «на чумаковании». Тут тоже речь идет о «чтении мыслей», но считываются именно те мысли,

которые предварительно были внушены (тем же способом угадываются многозначные числа, имена и так далее). Любопытные параллели этому можно найти даже у Гегеля: «Выясняется, что за так называемой завесой, которая должна скрывать «внутреннее», нечего видеть, если мы сами не зайдем за нее — для того, чтобы было видно, да и для того, чтобы было на что смотреть» (*Феноменология духа*. С. 92). Таким образом, и в чужом сознании можно считывать свои собственные мысли, предварительно вложенные туда, причем безразлично, считывать их своими устами или устами владельца, низведенного до роли обычного громкоговорителя. Эта практика не имеет отношения к СП, а делается из ОС, что, вообще говоря, с точки зрения техники гораздо проще. Мог «угадывает» у первого встречного имя, возраст, профессию, сокровенное желание, и немог восхищенно соглашается, поражаются и стоящие рядом знакомые — надо же, так сразу угадать. Да. Еще бы им не поражаться, если они тоже стоят в заморочке. Потом, когда чары рассеются, они будут долго удивляться наваждению — но могут и остаться в полной уверенности, что все было названо точно, — это зависит от программы. Ведь запрограммировать амнезию может и хороший гипнотизер.

Васиштха, по моей просьбе, таким образом «угадал» имя и все анкетные данные моего знакомого (разумеется, называя первое попавшееся). Тот, однако, сохранил уверенность, что было названо его действительное

имя, настоящие данные биографии, — он был уверен, что все это сообщил Васиштхе я.

Иное дело — настоящий прием из глубокого СП, без всяких заморочек. «Трудно могу понять немога, но еще труднее немогу понять самого себя», — гласит популярный во многих могуществвах афоризм. «Хотение» кажется всегда чем-то простым и безусловно известным — но это так только кажется.

Во-первых, человек очень редко спрашивает себя: «Чего я хочу?», предпочитая этого как бы не знать. На всякий случай имеется дежурный перечень моральных и материальных благ, какое-нибудь беспорядочное перечисление. Но если всерьез задуматься над каждой из перечисленных ценностей, будь то отдельная квартира, любовь женщины, редкая марка для коллекции; если спросить себя: хочу я именно этого или я *этим* хочу чего-то иного, — то, пожалуй, ответ найдется не сразу, да и неизвестно, найдется ли вообще...

Неопределенность собственных желаний — сюрприз, который ожидает едва ли не каждого, решившегося на честный самоотчет. «Немог хочет того, чего ему хочется, а говорит то, что говорится» (Гелик). Внушить желание даже легче, чем какую-нибудь мысль, и это явление широко используется при всякого рода чумаковании. Угадать же неспровоцированное желание, не имеющее точной вербальной формулы самоотчета, наоборот, очень трудно, тем более что надеяться на подтверждение догадки, как правило, не приходится. Как заметил еще Фрейд:

«Активное возмущение пациента чаще всего и убеждает меня в правильности предположения». Могги пришли к тому же выводу.

Прием «внутренней картины мира» немога мало того, что труден и длинен, но, в каком-то смысле, еще и не безопасен. Некоторые могущества вообще его не практикуют.

Беседуя с могами, я пришел к следующему выводу о причинах небезопасности.

Осуществляемая в Состоянии Приема диагностика высвечивает, подобно странному рентгену, какое-то внутреннее устройство вещи, ее «невидимое». Иногда это невидимое можно, в принципе, задать длинным описанием, скажем, целой книгой — чем и занимается, например, наука. Но для высокой практики СП такой слишком косвенный (мягко говоря) метод непригоден. Ведь тут все дело в том, чтобы увидеть все концы и начала сразу, в едином мгновении внутреннего взора, — и притом увидеть еще места, где концы с началами не сходятся или вот-вот могут разойтись. Все дело в этом «сразу»; если его нет, нет и приема, — есть что-нибудь другое, крохоборство рассудочного мышления, например. Я не знаю, как выглядит эта картинка невидимого, наверное, в ней еще меньше сходства с привычной визуальной данностью мира, чем в рентгеновском снимке. При том что есть «слои», которые в принципе не поддаются описанию, даже сколь угодно длинному.

— Чем больше практикуешь, тем больше различаешь слоев, и не путаешь их друг с другом, — сказал мне однажды Баврис и неожиданно пояснил: — Видишь тополь?

— Ну.

— Ты видишь *этот* тополь?

— Да...

— Так. Через *этот* тополь надо увидеть Тополь, потом Дерево. Потом что-нибудь живое и требующее воды, или солнца, или селитры, или неизвестно чего — но зато известно где; есть такие странные места в картинке, где видна ненормальность состояния. Ну, там, центр тяжести ветвей — видно, какая ветка обломится от ветра. И какое дерево засохнет. И все такое. (Я вспомнил в это время известный пример Платона, когда он говорил, что нужны разные органы зрения, чтобы видеть лошадь и видеть «лошадность»). Словом, набираешь это состояние и сам как бы *становишься тополем*. Поэтому надолго не рекомендуется, и никаких эмоций, чистый прием. Потеряться легко, не вернуться на то же самое место. Поэтому надо перелистывать

Баврис улыбнулся.

Могли достигают уподобления какому-то избранному объекту — но не вынужденной форме, которую тот должен принимать под воздействием всего остального мира, чтобы оставаться среди прочих объектов, а, как сказал бы Гегель, достигают уподобления «в-себе-бытию». Это «в себе» полностью пронизуемо только для Бога — но может быть пронизуемо и для человека, если он мог, из особых состояний типа СП.

Насколько я понимаю, уподобляться далеким вещам не слишком опасно, хотя и в них можно «потеряться». Тем не менее

выигрыш, с точки зрения могов, здесь очевиден, ведь богатство восприятия для них — одна из безусловных ценностей. К тому же прослушивание гаммы и перлюстрация объектов являются несомненными множителями могущества, а мог по определению есть тот, кто непрерывно расширяет и углубляет свое «Я могу». То есть человек становится могом, когда его предельное желание сходится с предельной волей, ибо единство абсолютной воли и абсолютного желания в пределах одного «Я» — это страшная сила, способная создавать поле влияния космических масштабов.

Если верно утверждение древних даосов: «Чтобы понять рыбу, надо быть рыбой», то становится ясно, чем грозит проникновение в психическую подноготную ближнего своего — немога. Тут действительно велик риск потеряться, ибо «познать немога» — а сия вещь все-таки посложнее флейты, да и рыбы тоже, — познать его вплоть до темных закоулков души — значит, отчасти, *стать им*. Между тем для любого мога лучше принять гибель от им же самим вызванной бури, чем стать немогом, «впасть в неможество». «Самое любопытное в нашем положении то, что назад отсюда дороги нет, только вперед», — сказал однажды Гелик, ходячее самосознание всех питерских могуществ.

Можно добиваться идентификации с другим из чистого любопытства или за деньги, как психоаналитики, но безопасность этих «знатоков людей» гарантирована поверхно-

стностью и неточностью познания (лучше даже сказать, «познания»), а также страховочным взаимным лицемерием. Но если бы кому-то было дано проникнуть до самых глубин другого, а потом вынырнуть — ни за какие деньги он не бросился бы в эту пучину вновь.

Интересно, что писатели, которым «по долгу службы» приходится проникать в души своих персонажей, обнаруживают (если они настоящие писатели) упрямство чужой воли, которая стремится подчинить их себе, отщипнуть частицу живого бытия, — и это несмотря на то, что души «придуманы» — то есть вполне прозрачны и в принципе подконтрольны. Может быть, и сам Бог вынужден оставлять потаенные уголки души человека *без проникновения*, возможно, и Ему полнота воплощения не проходит даром... И тогда дарованная человеку свобода есть просто результат вынужденной, страховочной поверхностности Творца: каждый может познавать себя в Боге, но не в каждом Он растратит себя на познание, только в избраннике.

Отгадка истории

(записки Гелика)

Во что я никогда не верил. В то, что на смену глупым людям приходят все более умные. В то, что понять прошлое легче, чем настоящее. Не верил в роль безличности в истории и презирал культ безличности.

Чего не было. Очень скучны рассказы о производительных силах, о балансе государственных интересов, а впрочем, и о сословиях, не исключая сословие царей. Поинтереснее сведения о самозванцах и пророках.

Удивительно, однако. Удивительно, какая ничтожная горстка людей пыталась вырваться из неможества. Немоги не могут — это ясно по определению. Труднее понять, в чем тут первопричина. Когда-то я считал, что она — в неспособности хотеть. Мелочность желаний, присущая подавляющему большинству людей, просто поразительна. Как можно не хотеть власти над собственным телом и телами других, не хотеть бессмертия, не хотеть того, чтобы материя была покорна твоей воле, — а ведь не хотят. А чего хотят — просто уму непостижимо — какой-то ничтожной прибавки к тем пустякам, которые уже имеют. С точки зрения мога, скучно не то что обладание этими пустяками, их даже лень желать, не хочется тратить драгоценную субстанцию воображения, концентрат желания на перераспределение скудной наличности немогов. А ведь немочи обсаивают эти крохи желаемого часами. Днями, месяцами и годами. Поколениями и столетиями.

Ткань истории. Конечно, уважительное отношение к всплескам собственной воли, культура желания воспитывается в могуществе. Если уж появилось желание принять участие в игре, именуемой историей (а почему бы и нет, задача не лишена интереса), — так уж и надо играть на самую большую став-

ку, в крайнем случае на первенство в иерархии. Человек дерзкий, которому надоело собственное неможество, может выбрать ставку и покрупнее — играть на максимальную яркость отпечатка. Но все это, в сущности, игры «по ветру». Интереснее всего играть на «изменение течения». Правда, тут уже надо быть могом, владеть, во всяком случае, практикой из ОС.

Методология истории. И все же остается кое-что необъяснимое, к чему я не сразу подобрал разгадку. Подавляющее большинство людей укладывается в пределы своего крошечного хотения, да еще и с солидным запасом.

Но что самое интересное — это поразительное приспособление, придуманное для тех, кто не укладывается. Для фанатиков веры и фанатиков искусства, для пассионариев вроде какого-нибудь Карла Маркса. Для тех, чья интенсивность воли имеет достаточно высокую пробу, придуман косвенный падеж — *безопасный для состояния неможества способ самореализации.*

Концентрация воли и желания не допускается до Основного Состояния, а рассеивается в сторону, по одному из каналов сублимации. «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы». Или посвятим душевный подъем классификации бабочек. Или песню сложим — а заодно построим дом и посадим деревце, таким образом и послужим «благу человечества» (а на поверку все «блага» — только способы продлить пребывание в неможестве). Вот и выдохся прекрасный порыв,

слегка потрепав заранее натянутые ветхие паруса.

Отсюда ясно, что главный вопрос методологии истории — не вопрос «как?» и не вопрос «почему?», а вопрос «кто?». Кто и зачем отводил человечество от резервуара прямой энергетики сознания? Кто подобрал посильную головоломку для каждого и иллюзию на любой вкус?

Страницы истории. Историки листают сто раз перелистанные страницы, чтобы уточнить годы жизни какого-нибудь султана или пересмотреть роль монетарной системы в упадке Венеции. В истории столько всего произошло, что найдутся факты для подкрепления любой теории. Однако все теории основаны на предположении, что человек в истории, как и в повседневности, действует на основании единственного известного ему принципа — принципа «не могу». Но если знать о существовании другого, противоположного принципа, тем более если его реализовать, открывается угол зрения с иными очертаниями возможного и невозможного. В частности, законы всеобщего неможества перестают казаться убедительными хотя бы потому, что результат, для объяснения которого они придуманы, проще и надежнее может быть объяснен другим путем.

Достаточно допустить, что Основное Состояние уже реализовывалось в ходе истории — иногда в виде главного содержания целой эпохи, иногда отдельными индивидами. Короче говоря, история представляется мне следующим образом.

В начале было... Пусть себе даже и слово, если так назвать то, что всколыхнуло инерцию бытия. Во всяком случае, в том мире, который застал человек, это «что-то» уже не звучало. Но отзвуки, отголоски доносились. Скажем так, эхо творящего слова еще раскатывалось повсюду. Человек застал бытие, когда оно еще не успокоилось, не улеглось в рамки причинности и иногда лучше поддавалось заклинанию, чем физическому детерминизму.

Перед ним лежало два пути: 1) попытаться расслышать и повторить вещее слово и 2) узнать из контекста готового мира, каким был тот импульс, благодаря которому мир стал таким, каким он стал.

Девиз первого пути — «могу». Девиз второго — «знаю». И вот, стало быть, если и есть в истории загадка, то она такова: почему человечество избрало второй путь, почему победил не «ОС», а «ЛОГОС»?

Прошлое в общих чертах. Меня не интересуют ни даты, ни критика источников. Авеста и Атхарваведа, в том виде, в каком они записаны, мало достоверны; быть может, потому, что изощренность письма странным образом обратно пропорциональна прямому могуществу. И все же они описывают практику, хотя и ушедшую в глубокую оборону. Но той практики уже нет, а Василеостровское могущество способно сохранять и приумножать Могос без письменных инструкций. Думаю, что многие из тех, кто составлял мантры или писал книгу «Зогар», могли бы быть приняты в наше Могущество. После короткой

стажировки... Ясно, во всяком случае, что и на рубеже истории человечество подразделялось на те же основные категории, что и сегодня, только с иным численным соотношением. А именно: на магов (могущих), логов (знающих — от первых «ведунов» до всевозможных других «логов»: теологов, физиологов) и на пребывающих в неможестве и невежестве. Маги исчезли, но возник десяток могуществ, которым удалось превзойти большинство их смелых дерзаний. Немоги остались при своих, а логи размножились, причем немало им удалось добиться в косвенном падеже, в расшифровке Формулы. Я все-таки вижу в этом величие человека, способного добиваться совершенства даже в беге в мешке с завязанными глазами. Правила могуществ запрещают ставить им подножку.

До появления зороастризма множество магов практиковали в Иране, Индии, Передней Азии и Египте. Они могли называться и называть себя иначе, но это были люди, способные сублимировать энергетику желания и воли по прямому назначению «Я могу». Похоже, что им было легче с подкреплением, ибо дистанция между замыслом и осуществлением была короче. Чары легче извлекались из неостывшего еще слоя сил чарья, в пространстве-времени было больше странных провалов, где прерывалась цепь причинно-следственных связей и был возможен беспричинный метаморфоз людей и предметов (превращения). Страх заставлял подавляющее большинство людей держаться подальше от этих, как сейчас принято гово-

ритель, «странных аттракторов», но ведь маги, как и маги, бесстрашны по определению — они смело вклинивались в заморочки и сами их вызывали. Иные из магов не ведали и горнего страха; их я могу считать нашими непосредственными предшественниками. Из анализа обрядов и практик становится ясно, что они подбирались к принципу обратной связи с Демиургом. Речь идет не о бессильной и униженной мольбе (молитве), а о перехвате элементов управления. В честь одного из тех магов я написал свою единственную мантру.

Маг и Бог

Что правит миром?
Грозная стихия.
А что стихией?
Прихоть божества.
А прихотью?
Моих обрядов сила
и слов моих.
Есть вещие слова.
Скажу я: «Ом»
и левый глаз прищурю,
и Всемогуший пойман на крючок.
Он хочет солнца,
но пошлет мне бурю.
Таков завет.
Здесь милость ни при чем.
Одной ногой я встану на опору
и в этой позе месяц продержусь.
И тот, Всевышний,
отодвинет гору —
чтоб я прошел.
Пожалуй, я пройдуся.

Я страх и лезть прочту на ваших лицах.
Кто хочет в магии?
Но они молчат,
поскольку знают:
стоит ошибиться —
и неминуем страшных следствий ряд.
В одном лишь слогe —
и повтор не нужен.
Один лишь раз за десять тысяч лет.
И Всеблагой меня рассыплет тут же
на свет и тьму.
И заберет мой свет.
И будет рад.
Но омрачится снова.
Жив юноша, удачный выбор мой.
Я научил, как управляем словом
Всевышний.
Всемогущий.
Всеблагой.

Персонажи мифологии и истории. Могущие весьма отличались друг от друга пределом своих возможностей. Многим было достаточно периодически являть свое превосходство над простыми смертными; их компактный заряд честолюбия успокаивался, «гасился» от рутинных почестей ближних своих. Понятно, что и фокусников, и имитаторов было не меньше, чем сегодня. Закон человеческой повседневности гласит: там, где возможен сбыт фальшивой монеты, со временем вся монета станет фальшивой. Но были и те, кто имел такую волю к могуществу, что никакое почтение и поклонение немогов не могло ее успокоить. Они изобрели отключение, зомбирование, обнаружили способ транспортировки чарья (сосуды, перстни, пресловутые «волшебные палочки»),

нашли защиту от неуправляемого метаморфоза и овладели элементами управляемого превращения. Высокого уровня достигла техника миражирования. Способ, каким продуцировались массовые галлюцинации без создания заморочек, нами до сих пор не освоен и даже не понят.

Хуже всего дело было с экранированием и, по-видимому, со статическим (непринужденным) удержанием ОС. Маги набирали ОС экстатически, через экстаз, то есть слишком затратным путем и под постоянной угрозой срыва.

Обычный маг практиковал «через не могу», как хороший стажер, не владея достоверностью спокойного могущества. Не было и речи о том, чтобы поделиться находкой с коллегами, вражда друг с другом была правилом среди магов. С сегодняшних позиций это вполне объяснимо: чтобы набрать первоначальный заряд до концентрации «Я могу», необходимо противопоставить себя «остальному миру» — или освоить технику вхождения под руководством наставника. И все равно кто-то должен быть первым. Немоги часто говорят: «Тут я собрался с духом» или: «Набрался наглости, чтобы...», не подозревая, что это всего лишь прибавка к их убогой застенчивости, всего лишь тысячная доля звенящей дерзости, необходимой для Основного Состояния.

Разумеется, как маги, так и, тем более, маги — абсолютные самозванцы в самом прямом смысле этого слова. Никто не позовет тебя к могуществу, и второе рождение человек

избирает себе сам, просто выходя из очереди «званных и призванных», руководствуясь принципом: «Если гора не идет к Магомету, я тем более не пойду». Могущество человека определяется мощью и неподатливостью тех сил, которым он бросил вызов. Верно также и другое изречение: «Чем выше забрался, тем больнее падать», и ясно, что испытывающий головокружение от высоты никогда не станет могом.

Практика и культ. Явления мира соотносятся друг с другом как причина и следствие. Причинное управление миром замкнуто и хитро закручено. Его можно изучить, чем и занимаются логи, но через причинную цепь невозможно обратное воздействие на Демиурга, это модус автономии творения. Иное дело беспричинное управление, или первоначальный импульс, символически выраженный в творческих словах «Да будет!» Следы беспричинного управления остались в мире, и по ним возможно обратное воздействие на Всемогущего. Вот простая аналогия: если человек сделал какой-нибудь прибор или хотя бы завел часы, то сколько потом ни переставляй пружинки и шестеренки, воздействовать на «творца» уже не удастся, зато можно понять, как *устроены* часы... Но если человек что-то сказал, есть шанс «поймать его на слове» и через этот канал воздействовать на его поступки.

Практика магов — это попытка «поймать на слове» Господа Бога, обратное восхождение через линию прямой связи. Понятно, что пребывание в тех слоях, по которым воз-

можно воздействие на самого Демиурга, в высшей степени опасно, поэтому *практика* предполагает строжайшую дозировку и последовательность действий, отсюда — незыблемость ритуала, отсюда же — невозможность изменить при произнесении мантры даже интонацию. Нет сомнения, что малейшая ошибка в технике работы с силами чарья влечет страшные кармические последствия.

Но такова практика — и ее изящная архитектура действий напоминает чайную церемонию.

Что касается культа, то он первоначально представляет собой воспроизводство внешней формы практики. Культ — это подражание практике магов, подражание «невсамделишное» и потому безопасное. Участники культа похожи на детей, которые играют во взрослых, — они лепят куличики и «варят кашку», копируя действия взрослых до мельчайших подробностей. Но каша получается «условная», есть ее нельзя. Любой мог также легко узнает и производимый немोगами в процессе культа продукт — очень похожая «каша» из мокрого песка... Чего же не хватает? Продолжая аналогию, можно сказать: огня и ответственности. Но кто же доверит детям такие вещи?

Не хватает Основного Состояния, вещей силы «Я могу». Вся архитектоника практики, которая имитируется в культе, — как бы модель реактора по преобразованию ОС, и без «Я могу» она не имеет никакого смысла. Как образно сказал некий мог своим стажерам:

«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет и ничего не будет невозможного для вас».

Ну а песочный куличик, с каким бы усердием его ни замешивать, не станет от этого съедобным.

Нашему Могуществу удалось расшифровать по портретам (по культам) многие практики и восстановить из символической, искаженной и эстетизированной формы действительную. Вполне возможно, что ряд искажений был внесен самими магами для безопасности копирования, уж слишком явно видна подмена крупы «песком». Была ли тут причиной «зависть», опасение появления новых магов? Вряд ли все маги соблюдали непреложное правило могов: «Могущий вместить да вместит», но, во всяком случае, связанная с магией опасность охраняла чистоту рядов куда надежнее. Так что я склонен объяснить подмены или явные искажения, внесенные основателями в культ как модель практики, той причиной, по которой игрушечный нож из комплекта детской посуды не затачивают, а модели свирепых хищников делают «некусаящимися». Впрочем, сохранились культы и с незначительными искажениями и множество вторичных *пустых культов*, которые принято именовать религиями. В религиях логоцентризм оттеснил на второй план даже моделирование Основного Состояния.

Искусство утаивания. Внешнее разнообразие религий и поразительная одинаковость

их внутренних «религиозных практик», специфические формы их остаточной духовности становятся понятными, если признать их последствиями примененного искусства утаивания. Вещая сила воздействия подверглась утаиванию. Создатель спрятал концы в воду, чтобы никто не мог подергать за них и оказать обратное воздействие на Творца.

Искусство утаивания было высоко оценено немощами и воспринималось как эталон игры в прятки — «пути Господни неисповедимы». Верующий откладывает желаемое на потом, ученый познает *предъявленное к познанию*, философ берется отличить одно от другого. Мог ставит себя на Его место и спрашивает: как поступил бы я? Ведь именно так мы ищем спрятанную вещь, и человек представляет собой существо, для которого вещь, спрятанную другим, легче найти, чем потерянную. Поэтому первое, что нужно сделать, — это спрятать факт спрятанности, представить *истину* как *непотаенное* (а точнее, непотаенное как истину). Придет философ, который так и скажет: истина есть непотаенное, «*aleteia*» — вот почему так трудно найти (обрести) ее. Сформулировав этот тезис, Хайдеггер, однако, не задался вопросом: а почему мы вообще ищем истину? Даже если истина предстает как «нечто сущее», она не сама по себе предстает, а вполне может быть кем-то специально представлена в этой *форме сущего*, например, как приманка. Есть великолепный афоризм: важно докопаться до истины, но еще важнее понять, кто и зачем ее так глубоко закопал.

Глубже всех глубин, в непотаенности. Человек становится могом, когда не довольствуется поисками «истины» или даже Истины, а овладевает непосредственно могуществом; обретает know how, в том числе и know how истины.

Тяга к присвоению мощи (другой философ довольно приблизительно определил ее как волю к власти) дана человеку с той же степенью насущности, как и поиск истины. Поэтому спрятанность спрятанности сама по себе не в состоянии гарантировать утаивание. Наиболее проницательные находят истину; из них самые дерзкие догадываются: это еще не все, — так философски, на уровне Логоса обозначается выход из неможества.

Траектория обходного пути. или наука. Как бы я еще мог поступить на Его месте? Я бы расставил неверные указатели, снабженные для убедительности приманками. Операция пересоздания человека осуществлялась с помощью Логоса. Сбить с прямого пути легче, если указан путь косвенный, к тому же достаточно убедительный. И вот, вместо выхода в Основное Состояние, вместо опробования других сфер непосредственного могущества, немоги устремляются по специально приоткрытому косвенному пути, возглавляемые логам, лучшими расшифровщиками знаков. Растет число знающих (знающих знаки); их подлинные и мнимые успехи сокращают пополнение могущих. Науку можно представить себе как траекторию самого длинного обходного пути, и в этом плане ее отличие от

религии не слишком существенно. Наука — это религия нетерпеливых, тех, кто не способен ждать Откровения, зато готов довольствоваться открытиями, а вернее, при-открытиями сокровенного; сокровенных, чаще всего срамных частей. Никто не видит Бога в лицо; в лучшем случае Иегова показывает себя со спины, а то и вовсе подсовывает горящие кусты и другие *знаки*.

Наука и религия в равной мере заняты имитацией настоящего: им доступны в основном макеты и чучела. Обманки, разбросанные на обманном пути. Игра, в которую играет Иегова, противоположна игре в «горячо-холодно»: чем дальше отклоняется ученый с повязкой на глазах от ниточки управления, тем громче подсказывают ему: горячо, горячо! — *hic Rhodus, hic salta!*

Ката

«Ката» по-японски буквально означает «танец». В карате и некоторых других единоборствах так называется совокупность движений во время разминки или поединка. Эти движения (существующие и в боксе) могут показаться лишней тратой энергии или простым заполнением промежутка между ударами; на самом деле ката — могущественный усилитель практики, позволяющий осуществлять переброску реактивных сил, подбирать сопротивления противника, подключая их к энергии нового удара. Непринужденность и изящество каты отличают

мастера единоборств. «Танец» — это текучая субстанция состояния готовности, обладающая даже внешней притягательностью и способностью очаровывать зрителя. Не случайно этот момент всегда усиливается в кинобоевиках, где герой расправляется с противниками, как бы отталкиваясь от прежнего удара к новому и совершая своеобразные танцевальные движения. Ката проходит большее пространство, чем нужно для прямого попадания, но движения в пустом пространстве только кажутся лишними — они привораживают противника, заставляя его раскрыться. В движениях каты мастер «подбирает» полезные вибрации (резонансы) и ускользает от вредных, заставляя попадать в них противника; у исполняющего кату словно бы открывается новое зрение.

Ката, используемая в практике могов, отчасти похожа на танцевальные движения восточных единоборств. В ней есть и высокие прыжки, и подкрутки, и движения сопровождения, есть и ритмический рисунок, столь же, а может быть, и еще более зачаровывающий. Отличается она прежде всего отсутствием видимого противника. Нельзя увидеть прямо, с кем противоборствует мог в яростном танце. По косвенным признакам догадаться нетрудно: дребезжат стекла в ряду стоящих домах, ломаются ветки деревьев, скрипят тормоза машин, искрит электропроводка. В этом танце мог наносит удары в слабые точки близлежащей вселенной, создавая резонанс или вихрь, где каждая микрорекатастрофа не поглощается инерцией сво-

его окружения, а переносит разрушительный потенциал дальше по эстафете, поскольку мог успевает «подставить» другую слабую точку или перебросить в нее энергию распада. Прыгающее, танцующее тело мога работает как скоросшиватель катастроф, будто катализатор, направляющий и сводящий трещины в единый разлом, в общую картину обвала ветхих вершин вещественности. Это и есть практикуемая могами ката, она очень зрелищна, и я не знаю, с чем ее можно сравнить. Но догадываюсь. Кажется, ката-практику можно сравнить с вещим танцем шамана, в результате которого потом идет дождь или враг, готовящий нападение, теряет уверенность — изнемогает.

Я видел кату в исполнении всех могов Василеостровского могущества — видел и их совместное действо, Большую кату... Запомнилась самая первая ката, танец мога Лагута.

Лагута жил на Васильевском, и внутренний двор дома, куда мы с ним вошли, граничил с детским садом.

— Вчера я здесь хорошо поработал в СП, провел диагностику. Так что ката пойдет чисто концертная, без неожиданностей... Ну а на счет импровизаций — посмотрим.

Мы прогулялись по типичному питерскому двору, грязному и запущенному, перешагнули через заборчик.

— Потрогай мухомор, — сказал Лагута.

Я потрогал детский грибок, прикрывавший песочницу, и произнес: «Шатается».

— Вот видишь, — удовлетворенно сказал Лагута, — может свалиться прямо на деток.

Вообще-то, у него есть по крайней мере три точки, где можно тюкнуть, и он рассыплется. Но это нам неинтересно, я лучше около него станцую. Если хочешь, можешь сам исполнить увертюру.

— Какую увертюру?

— Ну, надо же от чего-то оттолкнуться.

Взять разгон, так сказать.

На секунду задумавшись, Лагута спросил:

— Спичечный коробок у тебя есть?

Я достал из кармана коробок со спичками и подбросил на ладони.

— То, что надо. Продолжай.

— Что продолжать? — не понял я.

Лагута объяснил: подбрасывать и ловить спичечный коробок.

— Надеюсь, это тебя не затруднит, — добавил он, улыбнувшись.

Недоумевая, я приступил к нехитрому упражнению, смущаясь под неожиданно пристальным взглядом мога. Лагута тем временем медленно поднял руки над головой, соединив ладони кончиками пальцев. Я понял, что он набирает ПСС. Коробок вдруг выскользнул у меня из рук, от неловкого движения я чуть не упал. А мог в упругом прыжке взмыл вверх, развернувшись в полете, как танцовщик балета. Зашелестела вытоптанная трава, задребезжали стекла. Из подвала выскочила кошка, шмыгнув в подворотню. Лагута, вдохновенный танцовщик, продолжал свою кату, причем ощущение было такое, словно отталкивается он не от земли, а от упругого батута. По мере того как разворачивался танец, во дворике нарастала волна «микрокрушений» —

ломались и падали ветки, разбилось стекло в парадной на пятом этаже, лопнула веревка, на которой висело одинокое покрывало. Потом я спрашивал у Гелика, не происходит ли «ката» от слова «катализ», ведь под действием прыжков разрушительные процессы ускоряются до предела, выявляются все потенциальные трещины и разломы, а главное — крушения естественным образом активируют друг друга. Это движущая сила каты сводит концы с концами, совсем как фермент-катализатор в химической реакции. Идет взрывное расщепление, разложение вовлеченных в реакцию «реагентов».

Гелик, автор большей части моговской терминологии, нашел мою аналогию забавной.

— Только, — возразил он, — лучше говорить не о расщеплении, а о реакции синтеза. Идет синтез катастрофы из микрокрушений, так сказать, через направленную концентрацию несчастных случаев. Физика тоже занимается такими вещами, но на другом материале...

Но тогда, в тот первый раз, я только стоял, как зачарованный, и смотрел на Лагуту и происходящее вокруг него. Первоначальное желание присесть и прикрыть голову руками прошло почти тут же — магическая красота и притягательность зрелища пересилила.

Я и в дальнейшем всегда испытывал легкое сердцебиение, когда мог, живой центр вихря, ткал из нитей разрушения ажурное полотно, перемещаясь как челнок от одного края к другому.

Треск и хруст усиливались по мере того, как Лагута проделывал свои па. И, наконец, грибок треснул и упал, расколовшись надвое, а спичечный коробок в тот же момент взлетел на воздух. Лагута поймал его и протянул мне.

— Представление закончено, — сказал он.

И хотя слово «представление» прозвучало в кавычках, в этом было нечто большее, чем метафора. Во всяком случае, из всех практик магов ката, бесспорно, является самой зрелищной. Отчасти она похожа на движения каратиста, но по своей «графике» и пластике явно напоминает балет.

Это подтверждает высказанную в записках Гелика мысль о том, что вообще культ и, в частности, искусство, представляют собой копирование внешней формы грозной практики магов — но копирование «невсамделишное», похожее на игру в «куличики».

Дети варят кашу почти как взрослые, «но каша получается условная, и есть ее нельзя», — писал Гелик. Искусство в том и состоит, чтобы «накормить понарошку», сшить изящное платье для голого короля. Вместо практики немногие практикуют искусство — ведь оно так безопасно предается «полной гибели всерьез». Между танцем шамана и танцем солиста Большого театра может существовать сколько угодно различий в технике, пластике и так далее — но все они незначительны, второстепенны по сравнению с главным различием смысла: танец шамана является вещим, и его результатом

оказывается феномен природы, нечто онтологическое — дождь, смерть, укрепившееся мужество. Танец солиста балета изначально представляет собой копию, подражание (мимезис), а результатом является образ — специфический, замыкаемый в душе резонанс без всяких онтологических последствий. Отсутствие немедленных последствий, принципиальная невещественность танца приводит к большей раскованности и свободе движений, в нем есть символическое пространство свободы, возникающее на «пустом месте», там, где перемещения танцующего нисколько не провоцируют сущее. В танце мога нет такого пустого, безразличного пространства, он изначально вещественный или вещей, поэтому и причинный ряд, соединяющий отдельные движения, тяготеет больше к физике, чем к эстетике. И даже странная притягательность каты для случайного или преднамеренного зрителя может иметь физическое (или на нынешнем этапе хотя бы квазифизическое) объяснение — неизбежное высвобождение связанных чар в результате провоцирующих па, синтезирующих катастрофу. Вокруг мога, практикующего кату, наверняка возникает хотя бы легкая связка, погружающая в очарованность всех, стоящих в этой связке.

Исполнению каты зачастую предшествует диагностика (перлюстрация объектов), предварительная проверка на прочность разных слоев сущего. В этом случае в голове мога уже имеется карта предстоящих разломов,

сразу известно, куда отводить энергию разрушения. Что же касается «веса» или ощущения «тяжести» перемещаемого заряда, тут все зависит от интуиции и опыта; сколько нужно «гонять и ускорять» «мячик», чтобы сломать грибок, — это нельзя решить *a priori*.

Если говорить о мифологии экстрасенсов, то одной из самых расхожих мифологем, частенько воспроизводимых в американском массовом кино, служит картинка, когда мутант (экстрасенс, сканнер etc.) пристально смотрит на стоящий стакан и начинает двигать его взглядом, подталкивать, пока стакан не падает и не разбивается. В своих стилизациях-развлечениях моги частенько обыгрывают эту мифологему, но, возможно, с каким-то подвохом. Дело в том, что прямой физический эквивалент энергии психополя незначителен; конечно, можно выжать нужную порцию для подталкивания стакана — но тут будет нечто от трюка, что-то вроде удержания десятка спичек на реснице. Использовать энергию ОС для примитивного «телекинеза в упор», в сущности, еще глупее, чем забивать гвозди микроскопом: затраты колоссальны, а эффект ничтожен. Но я не раз видел, как, используя кату в качестве ускорителя (или усилителя?), мог «последним броском» буквально сметал стакан со стола, и тот со звоном разбивался о стену.

Нередко моги практикуют ката-импровизации без предварительной рекогносцировки местности, просто по настроению, по-

сколько «ОС имеет тенденцию переходить в ПСС» (Фань). Легкость сама продуцирует сверхлегкость — в принципе, это знакомо каждому, кто испытывал когда-либо состояние приподнятости духа. Тогда приподнятость сама вытанцовывается как бы на едином дыхании. «Душа поет — тогда и появляется настроение чего-нибудь разворошить и пошибать», — говорил мне Джер. Помню, я спросил его (скорее, в шутку): не может ли мне, как зрителю каты, свалиться на голову черепица, какой-нибудь обломок дерева, кирпич...

Неожиданно пристально посмотрев на меня, мог сказал странную вещь:

— Чудак-человек. Ты ведь рискуешь, а боишься пустяков. Представь себе, что бегущий в атаку под пулями боится подхватить простуду. Так же и ты насчет обломков.

— Что-то не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

— Сердечко-то у тебя стучит. Пульсирует, как ударник.

— Ну и что? Это просто признак захватывающего зрелища.

— Захватывающего, говоришь? А мне-то каково? Меня тоже захватывает.

— Что захватывает? — вновь не понял я.

Джер, помолчав немного, ответил:

— Если бы ты знал, маэстро, какое сильнейшее искушение замкнуть кату на сердечной мышце. Вон коты, те прекрасно понимают — дают деру, чуть только запахнет жареным. А немогам все до фени, они, видишь ли, зрелищем любят... Так

что мы с тобой, брат, как Вильгельм Телль с сыночком.

Только теперь мне вспомнилась повышенная, необычная нежность могов ко мне после исполнения каты — они-то, оказывается, гордились, что «не удавили». По правде говоря, я был ошеломлен, но, впрочем, как это ни странно, зрелище каты по-прежнему доставляет мне удовольствие.

Помимо классической каты могов, с ее эффектным внешним рисунком, есть еще и мини-ката, которой владеют только питерские могущества. По смыслу мини-ката мало чем отличается от развернутой каты, она также представляет собой телекинез с применением реактивных сил и адресовкой импульсов в критические точки, вычисляемые из СП. Обе эти практики (а вернее, обе разновидности одной практики) делаются из ПСС. Отличия прежде всего в резкой редуцированности самого танца. По существу, танцевальные движения как таковые отсутствуют, они сводятся к еле заметным сопровождающим движениям руки или даже пальца, да еще к изменению походки. Походка становится развинченной, немного подпрыгивающей.

Могги исполняют мини-кату, гуляя по улицам города в ПСС — в Предстартовом Состоянии. Предварительно маршрут подвергается диагностике, чтобы «взять струнки» — исчислить все оптимальные точки нанесения удара и хорошие физические экраны для отталкивания разогреваемого импульса. А затем мог идет своей легкой, пры-

гающей походкой — позвякивая окнами, шестя листьями деревьев и спотыкая прохожих.

Видно, как он купается в ПСС, омываемый мягкими волнами могущества. Вероятно, мини-ката и нужна для продления ПСС и для полноты проживания в этом состоянии, обладающем определенной самодостаточностью и внутренней ценностью.

Из-за редуцированности движений общий урон миру, наносимый в практике мини-каты, несколько меньше, чем в обычной катапраксии, и завершающий удар (сброс, замыкание), как правило, отсутствует, распыляясь по всему маршруту движения.

Но и здесь есть свои шедевры, уникальные, штучные образцы практики. Сосновополянский мог Мангул разработал и отполировал до блеска особый стиль катапраксии, получивший название «ката под градусом». По внешнему рисунку и некоторым принципам организации это калька с шаолиньского «пьяного стиля». Имеется в виду специфический набор приемов, когда мастер единоборства, имитируя движения пьяного и используя возникающие реактивные закрутки, ведет эффективный бой.

«Ката под градусом» очень зрелищна, особенно в исполнении Мангула. Вот он идет, пошатываясь и делая нелепые движения руками, — так и кажется, что сейчас упадет, наткнется на урну или столкнется с прохожим. Но фактически происходит обратное. Урна почему-то успевает упасть и откатывается прежде, чем об нее запнется

нога Мангула, — с опережением на долю секунды... Прохожие, пытающиеся поддержать, оттолкнуть или просто пройти мимо «шатающегося пьяницы», сталкиваются друг с другом, падают, проявляя чудеса неуклюжести; Мангул же преодолевает препятствия, как слаломист на стремительном спуске, оставляя после себя следы разрушения и полосу «разборок» различной степени тяжести.

Все это смотрится как дивная фантазмагория, если наблюдать с тротуара по ту сторону дороги. Блистательная иллюстрация к народной песне «Улица, улица, ты, брат, пьяна...»

Санкция

Трудно однозначно определить тип отношений между могами и немогами. Он довольно существенно различается у разных могуществ и, я бы даже сказал, подвержен моде. Когда-то доминировала установка на пофизм, ярым ее последователем был, например, Лама-цы (его отношение к материалу до сих пор считается классическим). Затем охтинцы продиктовали «готическую вязь» — стиль, при котором практика изобилует многочисленными попаданиями, наставлениями и прочими причудами. В последнее время под влиянием Василеостровского могущества возобладала легкая снисходительность в отношении к немогам — впрочем, непитерские могущества, например Воронежское и Риж-

ское, в шутку называют василеостровский уклон «ересью логоцентризма».

Итак, в целом безмятежность и олимпийское спокойствие. Есть, однако, совершенно особая сфера, где о спокойствии не может быть и речи. Ниточка самой живой и трепетной связи между могом и немогом пролегает через *санкцию*. Мне не удалось установить, кто же из могов первым дал санкцию, избрал себе немога и заключил с ним завет. По-видимому, практика санкционирования возникла одновременно с обретением настоящего могущества как некая потребность — можно даже рассматривать ее как атрибут всякой власти, достигающей определенной ступени.

Я знаю, что практика санкционирования сформировалась независимо в разных местах и, появившись однажды, приобретала с тех пор все большее значение. Ею занимаются все могущества и едва ли не все моги персонально — исключения крайне редки.

Перехожу к описанию сути дела. В один прекрасный день кто-нибудь из немогов — избранник — получает вдруг чудесный дар — милость мога. Мог каким-то образом является перед ним и заключает завет — если речь идет о «заветной санкции». В случае же «беззаветной санкции» мог без всяких предварительных условий, и часто даже не обнаруживая себя поначалу, находит себе немога и берет его под персональную опеку. Человек, получивший санкцию, вовсе не становится сразу же счастливей-

шим из смертных — но, несомненно, получает значительные преимущества в делах. Тотальная помощь мога, будь то в рамках завета или по беззаветной санкции, дорогого стоит.

Но поддержание санкции недешево обходится и могоу. Не говоря уже о непосредственном соучастии в делах избранника, то есть о «сопровождении», немало времени занимает обдумывание благодеяний, инсценировка «явлений», разработка стратегии дальнейшей помощи и коллекционирование успехов подопечного. Непосредственная работа с избранником и относящиеся к ней заботы обладают приоритетом перед многими другими разделами практики — правда, поддержание санкции, или, как обычно говорят в могуществах, *везение* намеченного объекта, требует от мога постоянно быть во всеоружии, находиться в хорошей форме.

Вот Джер везет своего избранника, Эдика Кулькова. Кульков, плюгавый мужичонка лет сорока пяти, спешит к гастроному на Большом проспекте В. О. — ему нужно купить какие-то продукты. Он подходит, дергает дверь — увы, не успел: пять минут как начался перерыв. Эдик матерится про себя и останавливается в раздумье. В это время Джер, сопровождавший него «на поводке», то есть на дистанции визуального контроля, уверенно стучится в запертую дверь.

Открывает дверь исполинских размеров продавщица. Ее лицо отнюдь не преисполнено доброжелательности.

— Нам нужно у вас кое-что купить, — говорит Джер, замедляя темп речи к концу фразы: «ку-пить...» и смотрит.

— А, — открывает уста необъятная женщина, но вдруг замолкает и пожимает плечами, — ну, покупайте, раз надо, что с вами поделаешь...

Мы втроем входим в магазин, и Кульков думает, наверное, что ему «повезло», и думает, в общем-то, правильно, хотя и неправильно употребляет глагольную форму: не ему повезло, а *его повезли*, и причем довольно давно, как я понимаю, уже с месяц назад началось *везение*. В тот момент, когда Джер дал немогу санкцию.

С тех пор процент мелких удач, определяемых обстоятельствами, резко повысился. Бессовестный сосед вдруг вернул долг; пару раз останавливались машины и предлагали подбросить куда надо — бесплатно, просто так; в строительном техникуме, где немог что-то преподавал, женская половина коллектива стала обращать на него повышенное внимание, а директор перестал склонять по всякому поводу. Похоже, что Эдик уже отметил свой изменившийся внешний статус, в связи с чем и внутренний статус должен был вот-вот повыситься. Обратил ли он внимание на пересечения с Джером — трудно сказать. Во всяком случае, взаимосвязь этих пересечений с везением немогом пока не установлена.

Дело в том, что везение объекта могом отнюдь не сводится только к сопровождению, тем более «на поводке». Мог всесторонне

изучает объект и проводит активную санобработку прилегающих территорий. Джер, например, обстоятельно исследовал типичный маршрут своего подопечного, расставил нужные акценты в кафе-мороженом, куда Кульков, как выяснилось, любит заходить, посетил, разумеется, техникум, причем неоднократно, — там ему, кажется, пришлось «отключать громкость», делать еще какие-то штуковины — хорошо прикрытые (то есть с запрограммированной амнезией «потерпевшего»), — расчистка маршрута требует времени, изобретательности, и даже сама по себе, как я думаю, является для мога интересной формальной задачей.

С явным самодовольством Джер рассказывал Фаню про «классную инсценировку», как Эдик, страстный филателист, получил вдруг в подарок редкую марку, о которой давно мечтал, — причем получил от своего главного соперника и конкурента.

Два момента удивили меня сразу же, как только я познакомился с феноменом санкции: 1) совершенно необычный с точки зрения всего диапазона характер отношений между могом и немогом — далекий от равнодушия, я бы сказал, страстный или, еще точнее, — ревностный и 2) невозможность установить зависимость санкции от «моральных качеств» избранника.

Ну ладно, Эдик Кульков, для характеристики которого больше всего подходит слово *неприметность*, способен, в конце концов, вызвать сострадание. Хотя ясно, что подобное чувство, малозаметное у могов, едва ли могло

оказать влияние на причину выбора. Но среди избранников, среди довольно многочисленной «паствы» (иные из могов ухитрялись везти по пять-шесть избранников сразу) попадались и личности, на мой взгляд, совершенно отвратительные: какие-то картежники, чиновники-функционеры — словом, сущие моральные уроды.

На мои осторожные расспросы по этому поводу моги обычно пожимали плечами. Порою удавалось услышать в ответ что-нибудь из ходячих прибауток. Пожалуй, в своем пристрастии к этим мимолетным выражениям, отличающим одну микроэпоху от другой, в умении извлекать и вовремя цитировать их моги походили на митьков — и те и другие своего рода подземные жители, обитатели котельных, блистательные порождения Питера семидесятых годов. Джер, например, отделался цитатой из знаменитого детского стишка (не помню автора):

— Призрак в белой простыне,

ты зачем пришел ко мне?

— Вот пристал: зачем? зачем?

Попугаю — да и съем...

Зато ответ Зильбера на вопрос, почему он дал санкцию некоему, мягко говоря, малосимпатичному гражданину, меня поразил. Ответ оказался исчерпывающим объяснением сути дела. Зильбер (несколько задумавшись) вдруг процитировал строчку из песни Высоцкого:

И мне захотелось — пусть будет вон тот,
одетый во все не по росту.

Я вдруг понял, что для мога и не может быть более сильной мотивации, чем прихоть

воли. Ведь обусловленность некоторой причиной, особенно доступной пониманию, является формой зависимости. Вхождение в состояние могущества радикально подрывает зависимость от всего иного, расширяя территорию, на которую распространяется суверенитет Я. Многие привычные для него ряды обусловленностей, причинные цепочки могут разрываться (собственно, с этого и начинается Основное Состояние «Я могу», с разрыва цепей, заставляющих *изнемогать*) — натяжение других существенно ослабляется, и они провисают. Зависимость от мнения окружающих, от их власти и властных установлений, от уз морали, рассчитанных на немощных, зависимость от законов природы и прежде всего от собственного тела — по степени обусловленности или, наоборот, необусловленности этими параметрами надежнее всего можно отличить немощного от обладателя могущества.

Между спокойной, ежедневно гарантированной достоверностью ОС и точкой воли «пусть будет вон тот» существует кратчайшее расстояние. Когда любой из встречающихся может «изъявить желание» оказаться тебе полезным, распределение заслуженных наград становится делом весьма скучным. Только вручение незаслуженной награды может понастоящему порадовать всемогущего дарителя.

Пока еще не изучен феномен фаворитизма у королей и вообще у сильных мира сего, я думаю, он подтвердил бы прямо пропорцио-

нальную связь между полнотой неоспариваемой власти и влечением к капризу (капричио — прихотливый ход в музыкальном произведении).

Архетипом санкции для мога является лаконичное библейское изречение: «И возлюбил Господь Иакова, а Исава возненавидел».

Из этой точечной мотивировки разворачивается сложная геометрия воли — желания, ревностное везение своего подопечного через пороги и преграды. По ту сторону экзотической прихоти стоит сверхрациональная необходимость; знакомство с практикой санкционирования у могов убеждает, что нет ничего более объективного, чем пристрастность Иеговы.

Далеко не все избранники, носители санкции, мне известны. Но у тех сравнительно немногих, о ком я знаю, результат («осененность») впечатляет. Кажется, кальвинисты были правы, полагая, что богоизбранность непосредственно влияет на земные дела, включая профессиональные и денежные успехи. Санкция, подобно благодати, универсальна — захудалого учителя она делает не только асом своего дела, но и удачливым любовником (через сложнейшие многоэтажные заморочки, через высочайшее искусство Гелика и Фаня), спивающегося футболиста возвращает в основной состав «Зенита» и так далее. По известным причинам мне не хотелось бы называть имена. Но как раз здесь уместно будет вспомнить всевозможных экстрасенсов, йогов, колдунов и прочих, несть им числа, занима-

ющихся чумакованием. Естественно, среди подобной публики нет ни могов, ни стажеров: ни один из чумакователей, имеющих в моей картотеке, не владеет ни ОС, ни техникой чарья. Зато среди них есть носители санкции, избранники, которым покровительствует тот или иной мог. Есть те, с которых *снята* санкция (поскольку все чумакующие, имеющие дело с могоми, связаны заветной санкцией) — нарушившие завет, сотворившие мерзость пред могом — они довольствуются имитацией, ну и, конечно, худо-бедно работают, поскольку всякий, назвавшийся экстра-сенсом, уж как-нибудь заработает на хлеб с маслом.

Беззаветная санкция — это результат неспровоцированного выбора, высшее проявление свободы воли, можно сказать, объективный показатель достигнутого могущества. Как редкий по щедрости дар для избранника и как уникальный тип отношений, украшающий скудость бытия, беззаветная санкция ценна сама по себе. Кое-кто из могов настаивает на преимуществах именно беззаветной санкции, но в целом среди избранников носителей беззаветной санкции не так уж и много. Труднообъяснимый, но совершенно объективный закон практики порождает переход к заветной санкции, к заключению завета. Беззаветность чаще всего оказывается стадией предварительной или подготовительной, хотя уже и на ней немог порой становится свидетелем *явлений*. Ну а уж заключение завета сопровождается явлением в обязательном порядке.

Фактура явлений весьма разнообразна — зримая манифестация мога и его силы зависит от цели, от условий завета, от вычисленных точек уязвимости в воображении немога-избранника и, не в последнюю очередь, от стиля или способа присутствия практикующего мога. Среди явлений есть очень сложные патентованные феномены, такие, как «хождение по радуге» — изобретение Графа, освоенное далеко не всеми, или знаменитый «полуночный голос», достижение Рама.

Весьма впечатляют зеркальные эффекты, результат сложной конфигурации чарья и особой техники миражирования.

Сергей С., которого Васиштха вез целый месяц, впервые увидел олицетворение своего везения именно в зеркале. До этого Васиштха просто повышал процент удачливости и тщательно изучал повадки избранного немога. Как уже отмечалось, экология желаний в неможестве — достаточно сложная и трудоемкая дисциплина. Диагностируется из глубокого СП структура ближайших предпочтений осененного немога — чего ему хочется «здесь и сейчас». Тепла, денег, друга, собеседника... Определив предмет желания или (в случае крайней расплывчатости, например, когда «хочется счастья») сформулировав за невразумительного желателя некий похожий предмет, мог отпускает поводок и переходит на дальнейшее сопровождение, предварительно закидывая в поле сознания немога горсть поплавок. Затем на некотором расстоянии организует предмет

желания или его заменитель и натягивает поплавки. В таких случаях немог (не знающий о санкции и не заключивший завета) обычно говорит: я чувствую, что меня влечет какая-то сила... внутренний голос подсказывает...

Вывозя носителя санкции на предмет желания, моги обычно посылают знамения — внутренние, вроде подергивания мизинца на правой руке, или внешние — всякое разное. Самое главное — связать исполнение желаемого с присутствием невидимого покровителя и тем самым довести до сознания немога факт его внезапной, но очевидной «могоизбранности».

Судя по всему, Сергей отличался ярко выраженными пристрастиями, доходящими до уровня навязчивости, то есть был благодарным объектом для везения. Гипертрофированное влечение к вуайеризму и фетишизму заставляло Сергея часами подглядывать за влюбленными парочками, его можно было назвать неистощимым коллекционером интимных сценок, причем это пристрастие непременно требовало натуры, не успокаиваясь в символическом замещении (в порнофильмах и индуцированных фантазиях). Наблюдатель был неоднократно бит и, вероятно, в один из таких моментов попался на глаза Васиштхе. И мог восхотел дать ему санкцию.

Через некоторое время, пытаясь незаметно приблизиться к девицам, сидящим на уединенной скамейке, Сергей нашел кольцо. Надев кольцо на палец, немог ощутил легкий шум

в ушах и, повинувшись наплыву, прошептал: «Сбереги меня, всевидящий покровитель». Шум в ушах прекратился, а девушки завели разговор о колготках, плавно переходящий в демонстрацию предмета разговора. Охваченный странной уверенностью Сергей выбрался из своего укрытия и, выйдя в зону прямой видимости, направился к «объекту». Уверенность не подвела него, собеседницы его не замечали, непринужденно продолжая эротическое шоу. Иными словами, сработала организованная Васиштхой заморочка с обратным Цахес-эффектом.

Можно себе представить блаженство вуайериста, столкнувшегося с фактом осуществимости затаенной эротической утопии! Немудрено, что Сергей быстро запомнил *порядок знамения*: кольцо, шум в ушах, обращение — и гарантированный выход к объекту.

Васиштха несколько раз брал меня на везение, чтобы продемонстрировать понятливость и верность своего избранника.

— Ну, как тебе мой козленочек? — спрашивал он с нежностью.

Я отвечал единственно возможным в этом случае образом:

— Да, удивительно резвый агнец, так и купается в благодати...

Про себя я, однако, подумал: можно было бы ублажить и обладателя более пристойных желаний. Васиштха тут же опроверг мои невысказанные сомнения:

— Очаровательный, скажу тебе, немог. Редко встретишь, чтобы такие искренние

и глубинные желания были бы такими безобидными.

Почувствовав мое недоверие, Васиштва добавил:

— Вообще-то подноготная наиболее интенсивных желаний у так называемых *приличных людей* оставляет желать лучшего. Тут Тарковский в своем «Сталкере» был прав, но, кажется, он думал, что у праведников дело обстоит иначе. Да. Посмотрел бы он из глубокого СП на этих столпников и пустынников, питающихся акридами...

Неожиданно в голосе Васиштки послышалась крайне редкая для могов интонация просьбы:

— Слушай-ка, брат Альфер, мне хочется, чтобы ты *искусил* моего немога.

— Как это?

— Да вот, на днях я собираюсь заключить с ним завет, а потом тебя проинструктирую. Сделаешь?

Понятно, что я согласился и стал с нетерпением ожидать назначенного дня. Явление мого Сергея состоялось, как уже было сказано, в зеркале. По-видимому, Сергей воспринял все правильно, ибо в тот же день был заключен завет, вручены культовые предметы, и таким образом беззаветная санкция перешла в заветную. А вскоре я получил от Васиштки подробную инструкцию, которую точнее всего было бы назвать сценарием искушения.

Я встретил Сергея в назначенное время на одной из аллей Крестовского острова. По-видимому, он был полон впечатлений от очередного эротического созерцания и не сразу

откликнулся на мое приветствие. Пришлось повторить еще раз:

— Здравствуйте, Сергей. Я хотел бы с вами поговорить.

— Что-то я не помню, где мы с вами встречались. Но я вас слушаю.

— Видите ли, у меня к вам есть предложение. Насчет работы.

— Работы?

— Да, Сергей. Работа в администрации Госконцерта, в Москве. Отдельный кабинет, заграничные поездки. Ну и, конечно, квартира в Москве. Что скажете?

Как и предсказывал Васиштха, Сергей не особенно удивился моему предложению. Могоизбранность, удостоверенная заветной санкцией, уже успела произвести некоторые изменения в психологии немога.

— Допустим, что я согласен: предложение, конечно, заманчивое.

— Не то слово — просто роскошное. Но оно потребует от вас, Сергей, одного условия: вы потеряете свой маленький дар.

— Какой дар? — тут же спросил «козленочек».

— Речь идет о недавно обретенной вами способности безнаказанного созерцания. Ленты-бантики, ну и все такое. Вы понимаете, о чем я говорю?

Сергей задумался. Некоторое время он переминался с ноги на ногу, потирал подбородок, трогал кольцо. Наконец решительно произнес:

— Нет. Пожалуй, я лучше останусь при своих.

Следуя сценарию искушения, я похвалил агнца Васиштни за отсутствие мелочности и предложил «местечко в политике». Узнав, что и это предложение сопряжено с роковым условием, Сергей столь же решительно отказался.

Таким образом, избранник благополучно преодолел искушение, что вызвало у меня неподдельное уважение к нему. Но это чувство, конечно, не шло ни в какое сравнение с той радостью, которую испытывал Васиштха, стоявший неподалеку без всяких экранов и прочей моговской атрибутики.

Насколько мне известно, содержание завета никогда не бывает для негома слишком обременительным. Как правило, в «контракт» входит только одна заповедь и ряд ограничений, а также способы связи и процедуры благодарения, так называемый *фимам*.

Видимо, история всей практики санкционирования и везения убедила могов, что исполнение даже одной-единственной заповеди представляет колоссальные трудности для негомов, введение же таких жестких ограничений, как «не лги» или «не пожелай жены ближнего своего», неизменно оказывается пустым сотрясением воздуха, равносильным запрету «не дыши». Санкции, где содержались подобные пункты, были почти сразу же сняты из-за грубейших нарушений завета избранником.

Единственная универсальная заповедь, входящая во все заветы (ибо без нее заветная санкция теряет всякий смысл для мога), пре-

дельно проста: «Не ищи себе иного покровителя». Она может формулироваться и вводиться по-разному, но суть одна: не сотвори себе кумира. Всякая попытка со стороны избранника, носителя санкции, «подстраховаться» — заручиться поддержкой иных «высших» сил, в том числе институтов любой из традиционных конфессий, карается, как правило, немедленным снятием санкции. Поразительно, но часто бывает так, что прежнее полное равнодушие к религии сменяется у немога после получения санкции и заключения завета странной вспышкой интереса к «горнему» вообще; возникают вдруг поползновения «покадить Иегове» — навещать в церковь, носить крестик, образок. А потом — запоздалые стенания, страшные клятвы в попытках вновь вернуть снятую санкцию — словом, немог есть немог, ессе homo.

Я видел* всего четыре явления, из них два закончились заключением завета, а двое избранников «усомнились», несмотря на предъявленные знаки могущества.

Рам явился своему объекту, которого предварительно вез около месяца, белой ночью на набережной у Горного института. Явление было хорошо обставлено предшествующими микроявлениями (знамениями). Немог попал в связку обширной и очень сложной заморочки (Рам работал изо всех сил), начиная с какого-то момента сгущения чар все прохожие вдруг стали здороваться с ним, называя по имени-отчеству и произнося какой-нибудь комплимент («Рад видеть вас, Юрий Василь-

евич...»). Затем Рам, набрав ПСС или даже СС по методике Гелика, вышел из сопровождения, приблизился к стоявшему у Невы немогу и очень красивым, каким-то плавным прыжком поднялся на двухметровую афишную тумбу, стоявшую тогда у здания Горного института.

— Подойди, — сказал Рам негромко, но Юрию Васильевичу его голос показался, вероятно, раскатом грома, — он даже на секунду закрыл уши ладонями. И приблизился.

Рам вывел его из заморочки, стряхнул чары, поскольку завет может заключаться только в состоянии свободы воли, а иначе он ничего не стоит. И сказал:

— Ты чист душой и незлобив. Я дам тебе силу, и будешь ею силен.

— В-вы кто, извините?

— Я мог и пребываю с тобой уже некоторое время. Мое имя Рам.

Последовала пауза, видимо, немог вспоминал и осмыслял происходившее с ним за последний месяц и прикидывал варианты.

— Почему я? — спросил он наконец.

— Ты мне подходишь, и я возвышу тебя, — сказал Рам. — Вот мои условия: нельзя служить двум покровителям. Только ко мне ты должен обращаться и взывать. Не стриги ногти на мизинце левой руки. Не ешь свеклу. Не носи ничего зеленого в одежде своей, ибо все это мне противно.

— Хорошо, — ответил немог, почти не раздумывая.

— Услышанное запомни хорошенько, это завет, — продолжал Рам. И вручил предметы

культа, необходимые для контакта: какую-то сплетенную из тонкой проволоки овальную рамочку и табличку с формулой взывания-заклинания, что-то вроде: «Волей мога, волей Рама, точной верностью завету». Рамочку следовало держать двумя пальцами левой руки — большим и мизинцем — и произносить словесную формулу, чтобы в трудную минуту обрести помощь мога-покровителя... Ну а появится желание поблагодарить, всегда можно взять в руки овальный предмет и произнести раз-другой имя мога... Насколько мне известно, многие моги вручали в дополнение ко всему ароматические палочки, которые следовало возжигать — если захочется поблагодарить.

Каким образом вручаемые предметы могли способствовать контакту между носителем санкции и покровителем, мне не совсем ясно. Возможно, они имели чисто ритуальный смысл, а мог следил за состоянием объекта-избранника благодаря горсти заброшенных поплавков и СП-диагностике. Тем более что личный контакт, даже между немогом-избранником и могом, — вещь очень редкая. Ни в одной из практик, за исключением практики санкции, мог не называет себя немогу и вообще ничего не объясняет, разве что наставляет кого-нибудь правоучительной попаданой. Но даже и в случае санкции непосредственное явление мога — «лицом к лицу» — выглядит скорее исключением, чем правилом. «Негоже немогу видеть мога живого», — как выразился Бет.

Полагаю, что основная причина тут кроется в психологии немогов. Все, что увидено «живьем», воочию, в особенности неоднократно, теряет для человека часть своей ауры. Нужный эффект улетучивается, даже если даваемая санкцией сила реальна и ощутима.

Быть может, знаменитый Фома, требовавший возможности вложить свои персты в раны Христовы для надежного уверования, не получил желаемого подтверждения еще и потому, что вложение перстов привело бы, конечно, к «убедительности», но не привело бы к вере. Насколько мне известно, опыт практики санкций полностью это подтверждает. Активное личное соучастие неизменно уменьшало поступление фимиама (производство благодарственных ритуалов и жестов) и нисколько не способствовало сохранению завета.

Именно поэтому постепенно стали преобладать косвенные явления; показы знамений и себя через знамения.

Интенсивная ката подготавливает площадку для знамения. Трещат и ломаются ветви деревьев, дребезжат стекла; иногда находящийся в катапраксии мог осуществляет часть сброса (очень незначительную) в полость сердца избранника, вызывая аритмию сердечной мышцы, непосредственно производя тем самым подобающее ситуации волнение.

Если у избранника нет под рукой культового предмета, катапраксия может затянуться, принять более «грозный» характер и, на-

конец, заканчивается собственно знаменiem, например завихрением столбика пыли, который на какое-то время зависает в воздухе, приближается к нему и рассыпается у его ног. Предварительно из глубокого СП мог считывает желание подопечного и теперь доводит до сведения избранника свою волю, придвигая в вихревом столбике записочку («письмена»), направляя посланца с изъяснением воли мога, — тут чаще всего используется стажер, но бывает, что зачаровывается и подсылается первый попавшийся немог, являющийся в таком случае «ходячими устами мога живого». Практика санкций вообще и, особенно, явлений овейна духом театрализации. Эстетическое измерение, переставшее быть монопольной огороженной площадкой для творчества, тем не менее входит в окончательное оформление готового продукта, будь то санобработка, заморочка или заключительное наставление для него (попадана).

Красивы явления Гелика: он поджигает куст или траву, используя «дальнобойный пирокинез» (весьма сложная практика, осуществляемая катой из ПСС), и так является немому в знамении сухой горящей растительности, окутанной дымом. Поскольку состояние неможества характеризуется тем, что очевидности предпочитается до(по)казательство, то есть нечто, предъявляемое по частям, и соответственно лицемерию предпочитается умозрение, практика санкции обычно оставляет зазор для толкования.

Как уже отмечалось, состав завета выглядит достаточно странно. За исключением требования о несотворении кумира, объясняемого вполне понятной ревностью дающего санкцию, все остальные условия контракта касаются сугубых мелочей наподобие «не носить зеленого в одежде». Но и в данном случае некий архетип заветной санкции выкристаллизовался из опыта практики.

Во-первых, требования, акцентированные произвольно, снабжены надлежащей мерой абсурда. Они несут на себе личную печать, завиток воли мога, дающего санкцию. Исполнение полюбившейся могу мелодии жестов и ритуалов является своего рода пересозданием мира по прихоти, вписыванием в картину бытия какого-то персонального «да будет так». То есть происходит чистая манифестация именно собственной воли, а не какой-то «высшей воли», которую предстоит познать и принять как задачу. Стало быть, дающий санкцию ставит свою неповторимую монограмму на глине — при этом, конечно же, мир, о котором было сказано «хорошо весьма», низводится до уровня полуфабриката, сырья, то есть глины. Ясно, что для чистоты желания, как оно проявляется в Основном Состоянии, не может быть более сильного мотива, чем запечатлеть уникальность своего присутствия и тиражировать его вдоль по измерениям Вселенной. Отсюда все экзотические выборки или выдиры из набора равновозможных человеческих установлений типа «не есть свинины», «осенять себя перстом» и тому

подобное. И можно представить себе, как резонирует душа мога-покровителя, когда носитель санкции распространяет выборку среди своих присных. Проповедничество и миссионерство напрямую не указываются в завете, но получивший санкцию и уже знающий о покровительствующей силе склонен и сам воспользоваться частью моральных процентов, вербуя себе адептов. Так личная монограмма мога, отпечатанная на нем, расходится концентрическими кругами и возвращается к могу как незримая, но очень важная составляющая фимиама. Завиток воли, размножающий себя в орнаменте прилегающих будней.

У меня есть давняя задумка, очень дорогая для меня и утвержденная внутренним решением воли. Друзья и знакомые, с которыми я делился «завитком», посмеивались или пожимали плечами. Однажды по какому-то нитию я изложил суть дела Раму:

— Если я когда-нибудь разбогатею — ну, скажем, получу Нобелевскую, я обязательно создам фонд Бу-поощрения.

— Чего?

— Ну, знаешь, у шведов и, кажется, у датчан есть имя Бу, кстати, довольно распространенное. Вспомни такие специфические сочетания — Бу Юхансон, Бу Карлсон...

— Угу.

— Так вот. Я желаю видеть сочетание этого имени с русскими фамилиями. Хочу, чтобы появился Бу Петров, Бу Иванов, Бу Сидоров — и так далее, и чем больше, тем лучше. Для этого мне и понадобится солидный фонд

поощрения. Фонд будет предусматривать выплату специальных премий всем гражданам, имеющим фамилии, оканчивающиеся на «ов», «ев», «ин», которые при этом являются обладателями имени Бу. Я рассчитываю, что немало родителей захотят таким образом обеспечить будущее своим деткам. Понятно, что на всех не хватит, получают первые — но импульс сработает, — а дальше уже можно рассчитывать на простое воспроизводство...

Проект Раму понравился: «Одобряю, круто берешь». При этом Рам несколько не удивился — думаю, потому, что траектория воли мога часто пересекает подобные перекрестки.

Однако странный состав завета объясняется не только пригодностью иррациональной выборки для воплощения причудливого завитка воли. Дело в том, что даже самые непритязательные запреты, если они оформлены в виде обязательства, становятся для немогов тяжелы. Припоминаю несколько случаев, когда немог утрачивал санкцию из-за сущего пустяка, вроде появления «зеленого» в одежде.

Вообще, практика санкций может с успехом выполнять роль экспериментального человековедения. Любопытно (и поучительно) наблюдать, как культурные и культовые установления, имеющие многовековую историю, вновь возникают, будто впервые, в отношениях между носителем санкции и могом-покровителем. Постепенно, как бы сама собой, вырабатывается детальная практика культа:

избранник, демонстрируя силу, привлекает новых адептов — или, что бывает реже, глубоко утаивает источник силы даже от самых близких. Что касается могов, заключивших завет, то, вероятно, первый вариант для них предпочтительнее, но есть любители и второго; Лагута даже включал в завет условие хранить откровение в тайне.

Тем более что искушения для негома появляются в обоих случаях, хотя возникающие здесь проблемы не имеют ничего общего с кантовскими императивами. Извлечение личной выгоды, разного рода моральных процентов на дарованную благодать, разумеется, не может пресекаться покровителем, поскольку везение, удача, вообще успех в любой избранной деятельности как раз и является практическим следствием избранничества, непосредственно вытекает из дарования санкции. Какая-либо реакция на моральный кодекс своего избранника для мога также абсолютно нехарактерна. Действительно опасным искушением в этом случае является гордыня — слишком велик соблазн заявить: «Я и Отец мой небесный единосуть». Негом, пользующийся благодатью, привыкает к почти даровому источнику; ему начинает казаться, что можно обойтись своими силами, и вот в неумемной гордыне он нарушает завет — и, естественно, лишается санкции.

Другое искушение, или грех, ведущий к утрате милости, чаще сопутствует тайному культу. Удивительно, как легко внедряется в психику негома комплекс «золотой рыбки» —

синдром непрерывного возрастания хотений. А мог не в состоянии везти подопечного непрерывно — случаются паузы, порой длинные. Словом, немог начинает роптать на того, с кем заключил завет. А если немог возроптал, то это уже достаточное условие для снятия санкции.

По логике вещей, было бы естественно считать снятие санкции необратимым — по большей части так оно и есть. Но мне известны и случаи прощения, свидетельствующие — как это еще назвать — о простой человеческой слабости мога... Избранник Фаня, успешно чумаковавший и даже удостоившийся внимания прессы, впал в гордыню и утратил санкцию. Бедолага ужасно переживал, но не смирился: чуть ли не каждый день он ходил на места явлений, возжигал ароматические палочки и по сто раз повторял одно и то же шизофреническое заклинание: «Нет Бога, кроме мога, я пророк твой, Фань, Фань!» — и добился своего! Фань простил нечестивца и вернул ему благодать, возобновив заветную санкцию.

Появление шугов

Объединившись в могущества, моги достигли высокой степени автономии от окружающей среды. Разработанная техника безопасности включает в себя надежные гарантии по сохранению занимаемой экологической ниши, а экзистенциальное и психологическое экранирование завершает прочный

«социальный экран», который ни разу не удалось пробить ни органам МВД, ни системе социального обеспечения, ни отчаянным следопытам-одиночкам. Да я и не представляю себе, как они могли бы это сделать. Любая опознанная угроза, вторгающаяся в экологическую нишу могуществ, наталкивается на экран и кончает «членовредительством».

Каждое могущество имеет собственного *квартирьера* — мога-куратора, решающего задачи житейского обустройства. Насколько я понимаю, эта обязанность не доставляет особых хлопот, «поплавок заботы» натягивается не чаще, чем раз в месяц. Если уж футболист, играющий в основном составе высшей лиги, может быть уверен, что жилье как-нибудь приложится к его мастерству (при любом режиме), то могу тем более беспокоиться не о чем. Бет, квартирьер Василеостровского могущества, на мой вопрос ответил с некоторой рассеянностью:

— Ну, воспитываешь какого-нибудь мента покрупнее... или, там, военкома, опять же, начальника халявы. Вообще-то у нас в городе они и так достаточно воспитанные — не враги же самим себе. Разве что, бывает, с перепугу в долю приглашают войти.

Учитывая, что никакого интереса к так называемой «общественной жизни» моги не проявляют (за исключением *везения* избранника), область их пересечения с царством кесаря следует считать ничтожной. Несмотря на обилие абсолютно конкретных реалий, могущества обитают в собственном

времени, не похожем ни на сорное время повседневности, ни на осевое время истории немогов.

Непробиваемый панцирь защищает могущества от возможных репрессивных мер социума, существуют опробованные защиты даже от тех мер, которые еще не придуманы, но могут прийти в голову властям. И все же могли столкнуться с реальной опасностью, пришедшей, разумеется, совсем не с той стороны, где были воздвигнуты экраны. Имя этой неожиданной напасти — шуги. Как возник термин «шуг», никто не знает, известно лишь, что слово пришло из Москвы, где проблема шугов оказалась самой острой и даже отчасти трагической. Для объяснения явления в доступных мне пределах попробую воспользоваться историей в духе средневековых фэнтези.

Представим себе обширное королевство с его городами, рыцарями, актерами, разбойниками, алхимиками и прочими атрибутами, пригодными для авантюрно-мистического романа. В королевстве случаются войны с соседями, неурожай и бунты — но в один прекрасный момент все эти неурядицы отступают на задний план. В пределах государства появляется огнедышащий дракон, прилетевший с острова на другом краю Земли — юный, полный необузданной ярости и не знающий пощады. С ним в бой вступают отважные рыцари и целые армии, возглавляемые опытными полководцами, но во всех, отнюдь не легких для себя сражениях, дракон побеждает. Он обходит искусно ус-

троенные ловушки, сжигает поля и деревни, разрушает укрепленные замки. Его действия непредсказуемы, дракон отвергает дань, но не спешит уничтожить столицу. И никто из подданных не знает, настигнет ли его смерть днем или ночью, сегодня или завтра.

Понятно, что вид дракона и даже одно ощущение его близости вызывает у каждого из смертных хтонический ужас. Этот ужас ни с чем не спутаешь, ибо он является первым признаком приближения чудовища.

Однако коллективная мобилизация народной памяти заставляет вспомнить похожую историю, случившуюся несколько столетий назад. Сведения, впрочем, скудные: страну спасли шуги. Теперь никто не помнит, кто они такие и чем занимаются, но гонцы разосланы повсюду в поисках последнего средства. В конце концов «спецслужбам» удастся обнаружить несколько представителей, казалось бы, вымершей профессии. Узнав, в чем дело, один из них берется за работу.

И вот дракон лежит в чутком сне на выжженной площадке — по опыту известно: никто не может приблизиться к нему незамеченным. Группа вооруженных всадников останавливается на приличном расстоянии; среди них высокий худой человек, без оружия и головного убора. Это шуг. Он спрыгивает с коня и дальше идет один.

Через несколько минут дракон открывает глаза, потом лениво шевелит лапой. Комья земли сыпятся на идущего, но шуг продол-

жает путь. Дракон вздыхает, жар дыхания опалает путнику брови и волосы, и тогда шут останавливается. И приступает к работе.

— Я приветствую великого воина, славного потомка Шруви-Гаруды. Ты последовал своему пути, который привел тебя сюда, чтобы в окружении ненависти и страха свершить свою миссию. Этот мир не создан для таких, как ты, потому что ты одинок. Люди, живущие здесь, умирают от страха смерти чаще, чем от самой смерти — и ты, как никто другой, причиняешь им этот страх. Но я знаю, что ты прилетел не за этим. Здесь есть и рыцари, готовые бросить вызов и способные причинить тебе вред — и ты сражаешься с ними в ожидании равного тебе. Я знаю, что ты справишься с равным и не отступишь ни перед кем. Ты, вселяющий страх, сам не ведаешь страха.

Но есть в этой стране девушка, прекрасная принцесса, в сердце которой ты должен вселить любовь. Она станет избранницей великого крылатого воина...

По мере того как разворачивалась речь шуга, голова дракона склонялась к земле, когти втягивались, дыхание становилось ровнее и спокойнее. В голосе шуга все отчетливее проступала интонация уверенности, он подошел к дракону совсем близко:

— Принцесса уже знает, что будет твоей, но она еще не знает, как ты прекрасен. Как и все прочие, она приблизится к тебе в страхе — но ты не причинишь ей вреда. Ты возьмешь ее с собой в полет и будешь показывать, как выглядит мир, если смотреть на него твои-

ми глазами. Она увидит и почувствует тот трепет, которым пред тобою трепещут. Пройдет немного времени, и принцесса начнет гордиться тобой. А потом в ней проснется любовь, и когда она признается тебе в этом, на твоём далеком острове произойдет главное событие: в подземной пещере расколется скорлупа еще одного яйца из Великой Кладки. Ты обрешь себе младшего брата и исполнишь миссию Шруви-Гаруды...

Так или примерно так говорил шуг, и дракон уже ничего не слышал, кроме его завораживающей речи. Длинный язык дракона растлился по траве, вздрагивая при каждом слове. Мастер сделал свою работу — *зашугал* дракона.

Далее возможен двойкий поворот событий. Если перед нами шуг-избавитель, он условным жестом подзывает кого-нибудь из притаившихся вдалеке рыцарей — и тому останется лишь пронзить копьём стелющийся по траве язык дракона; потомок Гаруды тут же погибнет. Но, возможно, мы имеем дело с шугом-перехватчиком — и тогда горе и притаившимся рыцарям, и всей стране в целом. Шуг подчиняет себе волю дракона (ибо обладает навыком причинения *сладчайшего*) и начинает использовать ее в своих интересах.

Такова притча, указывающая, хотя и косвенно, на суть дела. Форма иносказания избрана по нескольким причинам. Во-первых, я имею лишь самые приблизительные представления о действительном механизме воздействия шугов на волю мога. Во-вторых,

речь все-таки идет о наиболее уязвимом месте в совокупной практике могуществ. Как бы там ни было, первые сведения о шугах пришли из Москвы.

Вообще, Московское могущество всегда было немногочисленным и эпигонским, насколько мне известно, москвичам не удалось застолбить ни одного патента. Думаю, что здесь сказалась та же причина, которая определила и общую блеклость московского андеграунда: в то время как Ленинград отапливался множеством маленьких котельных, столицу отапливали несколько огромных ТЭЦ. На первых порах, когда проходила консолидация андеграунда, фактор наличия обширной и надежной «экологической ниши» в Петербурге оказался, видимо, решающим. Тем не менее именно в Московском могуществе разыгралась драма, последствия которой, возможно, еще не устранены до конца.

Первым пострадавшим стал мог Беолис, впавший в неможество по неизвестным причинам. Точнее говоря, установление причин заняло много времени и фактически произошло задним числом, когда угроза приобрела вполне реальные очертания. Я полагаю, промедление стало возможным из-за общего снисходительно-насмешливого отношения «больших могуществ» к москвичам: незадолго до этого охтинцам пришлось даже посылать своего квартирьера в помощь «братьям нашим меньшим.» Пока шло неторопливое расследование, ход событий был пущен на самотек, и вскоре произошло новое ЧП: московский мог Долго-

ногий грубо и необъяснимо нарушил важнейшие положения устава...

Сразу же бросилось в глаза совпадение: стажером у обоих могов числился некто Ющевский (Вьюн). Вьюна вспомнили: когда-то он стажировался в Ленинграде у Теодориса, но программу не осилил (по словам Теодориса, «хиленький был стажер»). Кроме того, выяснилось, что все санкции Московского могущества завязаны на несколько человек — кое-кого из них тоже вспомнили. Дальше медлить было нельзя, и события развивались стремительно. Увы, сначала не в лучшую сторону. Фань и Теодорис выехали, чтобы разобраться на месте, а через два дня Фань вернулся. Один, без Теодориса. Свой печальный отчет Фань начал словами: *«В Москве все могущество зашугано...»*

Содержание закрытого отчета и последующего консилиума мне известно лишь в самых, общих чертах. Действительно, Вьюн однажды случайно набрел на неожиданную возможность проходить (при определенных обстоятельствах) через все экраны. Такая возможность могла быть реализована даже из разового (экстатического) Основного Состояния, доступного стажеру. Делиться своим открытием Вьюн не пожелал и, таким образом, стал первым шугом. Беолис, соответственно, стал его первой жертвой. Вслед за Вьюном появились и другие шуги, сумевшие достигнуть друг с другом что-то вроде консенсуса: внутри Московского могущества сформировалось сообщество паразитов, исключительно эффективное и опасное. Следует

признать, что по своей дерзости шуги не уступали могам, хотя так и не смогли самостоятельно освоить ни одну из практик, доступных могам. Но навыки приспособительного паразитизма (собственно шугования) им отшлифовать удалось — вплоть до *восхищения беззаветной санкцией* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Очень быстро произошло и разделение на две специализации: на шугов-терминаторов и шугов-перехватчиков; используя как инструмент зашуганное могущество, Вьюн и его партнеры в течение недели установили контроль над криминальными группировками столицы.

Консилиум продолжался несколько часов: моги никогда еще не сталкивались с такой опасностью, и план операции требовалось обсудить во всех деталях. Вечером того же дня сводный истребительный отряд питерских могуществ под командованием Гелика отбыл в Москву.

Санобработка такой огромной территории продолжалась в течение суток — и это при том, что работа велась без малейшего пижонства: никаких испепелений и наставительных попадан. Судя по отрывочным сведениям, в качестве основного орудия санобработки использовался «боевой волейбол» (так называемая *катанульта*) — большинство намеченных мишеней было поражено с помощью обширных кровоизлияний в мозг. Имели также место инфаркты и другие несчастные случаи вроде падений с моста. Из-за нехватки времени на избирательную амнезию часть бандитов-телохранителей были

введены в замкнутую заморочку и погибли во взаимных разборках. Впрочем, оказать сколько-нибудь существенную помощь шугам в противодействии истребительному отряду немоги-телохранители, конечно, не могли. Самая трудная и печальная часть задачи была связана с ликвидацией остатков Московского могущества. Увы, зашуганность оказалась необратимой, и, как только сработали первые охранные поплавки, зашуганные моги встали на защиту своих паразитов-поработителей. Собственно, для этого и понадобился целый истребительный отряд: ибо одно дело обезвредить немога или организацию немогов, и совсем другое — справиться с могом, владеющим важнейшими практиками (хотя и утратившим автономию воли). Как и предсказывал Гелик, наибольшую эффективность показала тактика тройного удара: сначала легким выпадом причиняется боль шугу. Реагируя на натяжение поплавков, зашуганный мог покрывает своего перехватчика дистанционным экраном и тем самым неизбежно ослабляет свою собственную защиту. В этот момент он сам становится доступной мишенью, и заранее подготовленная катапульта наносит уничтожающий удар. После чего шуга достаточно просто «тюкнуть» — например, завершить обычную индивидуальную кату вмешательством в его сердечно-сосудистую систему. Выбор наиболее простых и безопасных методов санобработки диктовался еще и тем, что необходимо было исключить «опознавание» и тем самым не дать возможности шугу

применить его грозное и тогда еще не до конца исследованное оружие. (Впоследствии выяснилось, что если мог «знает врага в лицо», попытка шугования заведомо обречена на провал.)

Таким образом, операция «Пепел Теодориса» была проведена без потерь и в намеченные сроки. Отдельный фрагмент операции, за который отвечал Зильбер, состоял в наказании Вьюна. Первому шугу была уготована персональная участь: в соответствии с планом Вьюн был *поставлен на крекер*. Название этой редкой практики образовано от американского значения глагола *to crack* — «тронуться», «свихнуться»; речь идет о максимальном психогенном воздействии, результатом которого является тотальная амнезия и разрушение интеллектуальных функций вплоть до уровня, располагающегося где-то между имбецилом и идиотом. Снять с крекера уже невозможно, но можно сохранить заранее намеченный «участок программы». Зильбер замкнул Вьюна на подвернувшуюся ему в тот момент попадану: «жил-был поп — толоконный лоб». И эти единственные оставшиеся в его распоряжении слова наказанный шуг повторял как попугай... По окончании операции моги захватили его с собой, для коллекции, и поместили на Пряжку. Это известное заведение находится под патронажем Василеостровского могущества, и Вьюн некоторое время использовался как наглядное пособие для стажеров — пока не почил в бозе.

Урок не прошел для могов даром: свод правил ТБ пополнился новым разделом, а в уставах всех могуществ появилось важное положение о том, что попытка шугования немедленно пресекается крекером на месте.

Кроме того, появление шугов ускорило подготовку Белого Танца.

Белый Танец

Кому принадлежит термин — неизвестно; сама же идея принадлежит Гелику. На последнем, Четвертом конгрессе могов, специально созванном для этой цели, Белый Танец был признан официальной эсхатологией могуществ — и с этого момента все могущества так или иначе работают над идеей Белого Танца. Быть может, выход в свет данных записок совпадет с генеральной репетицией последнего и окончательного события.

Поскольку Белый Танец является разовым действием, понятно, что в отличие от других фрагментов практики воочию видеть его я не мог. Однако суть его достаточно проста; технически Белый Танец слагается, как из кубиков, из остальных элементов практики могов.

Ядром Белого Танца выступает Большая Ката — если растянуть ее во времени и задействовать совокупные силы всех могуществ: «построить и запустить ускоритель» (Гелик). Свидетелем (и, в сущности, даже участником) Большой Каты мне приходи-

лось быть; это, бесспорно, производит впечатление.

Действие имело место год назад и проводилось под Зеленогорском, близ поселка Рошино. Устраивалась Большая Ката совместно Василеостровским и Сосновополянским могуществами, «дирижировал» сам Гелик.

В результате «половецких плясок» было переломано множество деревьев, окружавших лесную поляну, на три градуса понизилась локальная температура (что я и зарегистрировал вместе с опекавшим меня Зильбером), поднялся ветер и, наконец, пошел дождь. То есть была произведена небольшая природная катастрофа местного значения. Иными словами, моги применили, причем в высшей степени эффектно и эффективно, позабытую древнюю технологию вызывания дождя (помнится, Мангул предлагал одеться во что-нибудь этнографическое для пущего кайфа, но Гелик предложение отклонил).

Следующая Большая Ката, с привлечением еще двух могуществ, прошла совсем недавно в Воронежской области. Прошла без моего участия — из-за несовершенства ТБ, как заявил Рам. В Воронеж притащили множество разных приборов, целую походную лабораторию. В том числе и сейсмограф, который показал отклонение на несколько баллов по шкале Рихтера. То есть моги станцевали-таки землетрясение, о чем мечтал Гелик, как я помню, еще пару лет назад.

Большая Ката является моделью Белого Танца примерно в том же смысле, в каком

лабораторно-компьютерные испытания служат моделью настоящего ядерного взрыва. Задача модели — в домашних условиях дать представление о том, что моделируется. Основные элементарные составляющие уже описаны вкратце в этих записках — ката, СП, объединение индивидуальных практик в единый ускоритель-усилитель, примерно как в игре в выбивалочку, но, разумеется, совершенно в иных масштабах. Машина, которая получается в результате сборки и последующей регулировки отдельных узлов и систем, не только в принципе работоспособна, но и прекрасно работает, производя конечную продукцию, а именно — катаклизмы. Понятно, что здесь, так же как и в случае других машин, внешний вид устройства — пританцовывающие в едином ритме фигуры — ничего не говорит о производимом на машине изделии, ведь и машина, изготавливающая зефир в шоколаде, вовсе не обязана быть сладкой... В таком квазимеханическом смысле сборный ускоритель есть тело Белого Танца. Или, если угодно, усталая перламутром раковина, в которой вызревает жемчужина Катастрофы.

Белый Танец, как и индивидуальная ката, исчисляет линии скрытого напряжения мира и наносит по ним удар. Высвобождаемые реактивные выбросы энергии отводятся к возникающим (тоже высвобождаемым, но, как правило, в другом месте) «слабинкам», что позволяет делать разгон, то есть выстраивать разрушения по нарастающей, инициировать собственно катастрофу, катаклизм

как таковой. Как я понимаю, с расширением контура катастрофы число слабинок стремительно нарастает — при том что интервал переброса высвобождаемой энергии разрушения очень мал и одному могу не по силам осуществить «скоросшивание» фрагментарных разрушений в единство Апокалипсиса; это не под силу даже отдельно взятому могуществу. Танцевать Белый Танец должны все моги вместе, только тогда блеск жемчужины может затмить сияние мира и погрузить его во тьму.

За пределами машинных аналогий Белый Танец воспринимается как апофеоз уничтожения — даже для постороннего наблюдателя. Возникает почти неодолимая тяга, некий объективный drive, и все устремления сходятся в водовороте «еще». Понятие экстаза приобретает здесь вполне буквальный смысл, ибо ex-stasis, выхождение за пределы «стазиса», состояния уравновешенности, является необходимым рабочим моментом процесса. У танцующего «захватывает дух»; расшифровывая это выражение, мы получаем точное описание происходящего: дух захватывает себе окружающее пространство, динамизирует его как автономная движущая сила, для чего приходится частично покидать собственное тело — стационарного носителя. Это и есть ex-stasis в строгом смысле слова, захватывающий, ритмичный вихрь разрушения.

Теперь можно вспомнить общее индоевропейское предчувствие, эксплицитно выраженное в ведической мифологии. Имеется

в виду последний акт Бытия, смертоносный разрушительный танец Шивы. Обратимся вновь к этому удивительному прозрению, где так точно расписаны роли каждого из соучастников триединства. Создатель мира Брахма был прорабом богов, работавших в поте лица: мир создавался непрерывным трудом, пахтанием Первичного Океаноса. Но мир создающийся и мир созданный принципиально отличаются друг от друга и потому не могут иметь одного и того же гаранта — функцию сохранения мира исполняет Вишну, и ему тоже требуется перманентное усилие, непрерывность присутствия для того, чтобы все существующее продолжало быть.

Мне не совсем ясна природа этого гарантирования, природа, так сказать, «санкции Вишну». Но во всяком случае очевидно, что покоить мир ничуть не легче, чем его создавать. Если «щадить усилия», ничего не выйдет.

И наконец, гибель всего созданного — функция, за которую ответствен Шива. Мне всегда казалась красивой идея о том, что Вселенная, создаваемая трудом, должна быть разрушаема в танце — но лишь после знакомства с Большой Катой, так сказать, с аурой Белого Танца, я увидел, насколько эта идея истинна. Внутренняя достоверность Шивы, танцующего на развалинах мира и производящего танцем сами эти развалины, не может вызвать сомнения у приобщенных к Белому Танцу. Ведь даже экстаз шамана, вызывающего дождь, и боевые пляски воинов раннего неолита, производящие ярость,

обладают притягательностью, затягивают, как воронка.

Есть вещи, порождаемые усилием возникновения, есть те, что порождаются усилием сохранения, есть, наконец, и специфическая продукция машины катастроф. Я даже склонен высказать следующее предположение: как только дух набирает должную мощь, достигает определенной концентрации, в нем все явственнее прослушиваются позывные разрушения. Раньше я думал: отчего это замысел всеобщего уничтожения с такой настоятельностью приписывается злему колдуну? В чем тут сумма его выигрыша, кто же будет выплачивать ему «гаввах», дань страха и восхищения? Чем он сам будет подпитываться, если вымрут потенциальные источники корма? Но, по мере общения с могами, до меня дошло, что мотивировка действий разрушителя не имеет никакого отношения ни к психологии, ни к морали.

Типичное детское восприятие сказок предполагает линейную шкалу добра и зла, что является очередным проявлением наивного логоцентризма. Между тем этическая шкала для «колдовства» нехарактерна и принципиально вторична; направленность же интенции за пределы неможества определяется просто достигнутым рангом могущества, притом совершенно объективно. В этом смысле нет и не может быть добрых и злых колдунов (разве что в переносном значении, как мы говорим, например, о «хорошем» и «плохом» ветре). Речь может идти лишь об определенной концентрации достигнутого могущества.

И если это могущество достаточно велико, то не заставят себя ждать и соответствующие последствия: производство заморочек, длинные вхождения в предстартовые и стартовые состояния, различные формы заключения заветов, на скрижалях или без таковых, раздача санкций и так далее.

И чем дальше будут продвигаться могущества в обретении мощи, тем слышнее им станет музыка гибели, под которую они и станцуют Белый Танец. Поначалу один только Гелик говорил об этом, остальные моги, даже из Василеостровского могущества, относились к его речам с некоторым недоумением, но по мере совершенствования практик и обживания состояний были приняты и совместная катапраксия, и Большая Ката. Моги и целые могущества одно за другим втягивались в неизбежную эсхатологию, свыкаясь с идеей предстоящего рукотворного Апокалипсиса. Фраза, которую Васиштха назвал самым точным философским утверждением, звучит так: «Человек не стремится к гибели, это мир стремится к гибели через человека». И для того, чтобы распознать и вразумительно выразить это стремление, не нужно даже быть могом.

В последнее время уже Гелик был сдерживающим фактором, отстаивая необходимость кропотливой технической подготовки. Главная трудность, насколько я понимаю, вовсе не в обнаружении «узких мест» прилегающего Космоса и не в нанесении по ним ударов путем отвода освобожденной энергии разрушения — ограничителем пока служит

совсем другой параметр. Гелик называет его «проблемой площадки» и говорит, что по сути своей она более всего напоминает фундаментальную трудность Архимеда. Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю... Речь идет о технике безопасности в самом предельном смысле, то есть о поддержании «на плаву» плацдарма до тех пор, пока синтезируемая Катастрофа не достигнет некой «точки Омега», пока не наберет планетарный масштаб.

Традиционным способом, путем наращивания линейной силы удара, добиться этого невозможно. Задолго до достижения точки Омега будет уничтожен сам центр уничтожения, и дело даже не в том, что мы погибнем от неумения справиться с грозной стихией развязанных сил чарья. Даже бешеные волны возврата можно замкнуть в кольцо и поставить нескольких «сторожей». Но сама площадка под влиянием нарастающих разрушений неизбежно превращается в подобие жерла вулкана — синтезируя катаклизм, приходится рубить сук. Точка опоры проваливается, ее не на что опереть. Похоже, мир надежнее всего защищен отсутствием абсолютных точек, на которых мог бы расположиться агент разрушения. Все трансцендентные позиции такого рода либо уже заняты Демиургом, либо надежно изолированы непробиваемым экраном.

Но похоже, что Гелику удалось обойти эту фундаментальную трудность и разработать уникальную, единственно возможную хореографию Белого Танца. Чтобы понять,

в чем суть проекта, придется обратиться к далеко отстоящему виду практики могов — к методике направленного погружения в сон. Вспомним, каким образом мог отправляет в ночную почту нужную ему мысль, образ или состояние. Он последовательно удаляет из поля сознания все лишнее, производит чистку, оставляя только предмет будущего сновидения. Но при этом мог «ставит распорку» — подвешивает какой-нибудь trouble, источник беспокойства, — иначе спонтанное погружение в сон произойдет задолго до завершения полной «чистки». И уже последним движением он выбивает распорку, мгновенно засыпая.

Хореография Белого Танца, придуманная Геликом, основана на принципе, отчасти сходном с приемом установления распорки. Вот Машина Апокалипсиса запущена, моги начинают свой Белый Танец. Динамический танцующий ускоритель сразу же разбивается на две тесно взаимосвязанные, но принципиально различные подсистемы. Сначала почти все танцующие работают в режиме Подсистемы-I, отслеживая линии потенциального разлома, воздействуя на них и переадресовывая возвратку в очередную ахиллесову пятую бытия. Ускоритель набирает разгон, танец красив в эти минуты, он завораживает синхронизацией и единством ритма. Но возвратка нарастает как снежный ком, ее направленный сброс легко сшибает автомобили, способен выкорчевывать деревья и разрушать дома. Одновременно возникают все новые пустоты, «слабинка» распростра-

няется в двух направлениях: во внешнее пространство и, одновременно, во внутренние слои. Тогда из ускорителя вычленяется Подсистема-II, предназначенная для решения «проблемы площадки». Сначала один танцующий, затем второй, третий «встают в распорку». Они принимают на временное хранение вновь возникающие «струнки» — в основном потенциальные разломы во внутренних слоях. Они как бы становятся зажимами в цепной реакции «разъезжания по швам», приостанавливая распространение аннигиляции вовнутрь.

Соответственно, Подсистема-I, занимающаяся разгоном, часть струнок-швов переправляет в Подсистему-II (где на них надевается «зажим»), выискивая для сшибания как можно более дальние точки-слабинки, работая на максимизацию масштаба итоговой катастрофы. На этом этапе «чистая ката» без распорки, без защитной Подсистемы-II была бы уже невозможна, запредельная энергия разрушения просто смела бы центр.

Как я теперь понимаю, Большая Ката, на которой я присутствовал в Рожино, прежде всего имела целью научиться держать площадку, и похоже, я выступил в роли «контрольного датчика». По мере развертывания Белого Танца число охранников площадки нарастает, ибо держать распорку, куда добавляются почти непрерывно очередные гирьки и разновесы, становится все труднее.

Танец могов, использующих Подсистему-Н, представляет собой балансирование

тяжелейшим экраном. Он, конечно, не слишком эстетичен. В какой-то момент становится ясно, что танец необратим, то есть танцующие уже не могут бросить свое дело и удалиться — момент, когда можно было уйти живыми, упущен. Хранители площадки теперь напоминают атлантов (как в известной песенке: «Один из них качнется, и небо упадет»). Упавшая распорка придавит их первыми, невзирая на все их могущество, ибо к этому моменту на ускорителе уже готова катастрофа планетарного масштаба. Фактически зона защиты простирается над Петербургом и его окрестностями, что касается остального мира, то там создается «сверх-заморочка», — происходит непрерывное нарастание странностей, характер которых не поддается точному (и даже приблизительному) расчету. Крепления уже расшатаны, и всеобщий обвал сдерживается лишь потому, что смещенный центр тяжести, пуп земли, все больше облакачивается на «головы атлантов».

К этому времени единственный, специально оставленный в Питере мог (по либретто — Рам) оповещает избранных, с которыми заключен завет, и ведет обладателей санкции на Дворцовую площадь. Здесь они должны танцевать какой-то свой вариант танца, повторять заключенные с ними заветы и декламировать имена своих могов. Ученики, стажеры и сам Рам охраняют «сцену» от возможного вмешательства (впрочем, времени отпущено не слишком много, и серьезное вмешательство маловероятно).

Далее музыка гибели вступает в последние такты. Ускоритель почти полностью перешел на режим работы Подсистемы-II. Только Гелик исполняет свою индивидуальную хореографию, заканчивая плетение кокона Катастрофы. Словно бабочка Чжуан-цзы, летает он в запредельном СС и наконец великолепным па завершает роль спускового крючка Апокалипсиса: последним движением ухватив на лету сверхнормативный груз, он выбивает распорку.

И пиздец.

*(Альфер, носитель коллективной
беззаветной санкции
Василеостровского могущества.)
1990–1997*

ШПИОН И РАЗВЕДЧИК: ИНСТРУМЕНТЫ ФИЛОСОФИИ

1. Парадокс шпиона

Разведчик сидит у камина, в своей конспиративной квартире, время от времени шевеля угли кочергой. В кои-то веки он наедине с собой, но диалог с этим любимым собеседником не клеится. Из глубин души подступает знакомая мелодия — *Стень да стень кругом* — и всячески мешает подведению промежуточных итогов. Штирлиц (это, конечно же, он) пытается стряхнуть наваждение — без особого успеха.

Он думает тяжкую думу шпиона. Если прислушаться к интересующему нас фрагменту самосознания разведчика (обобщенного разведчика), можно услышать примерно следующее: двадцать лет я свой среди чужих — достаточно, чтобы начать путать тех и других. Двадцать лет конспиративной жизни и ни единого прокола. Внедрение прошло успешно, «легенда» сработана лучше не придумаешь. Маскируясь и внедряясь, я стал лучшим из лучших в своем деле; меня ценят в рейхсканцелярии как прекрасного специалиста, порядочного человека и великолепного семьянина. Для пущей конспирации пришлось в свое время жениться, и ничего не подозрева-

ющая жена стала верным спутником жизни, родила двух чудных деток, Ганса и Фрица. Каждую неделю я выхожу на связь с Центром, передаю разведданные, указываю стратегические объекты, которые следует разбомбить, и лучшее время для бомбардировок. Там меня тоже ценят — присваивают очередные воинские звания и награждают орденами. Но стратегический объект «Х» я в шифровках не указываю — ведь рядом дом моей тещи, а у нее часто гостят детишки. В остальном я, конечно, патриот своей страны, и напрасно наши с ней воюют, — *стенъ да стенъ кругом*.

Перед нами описанное еще Гегелем «несчастное сознание, пребывающее в абсолютной разорванности». Но глубина коллизии в данном случае такова, что никакое самосознание не в силах перебросить через пропасть мостик *Aufhebung*. Уже здесь, на уровне буквального понимания, парадокс шпиона ставит проблему, неразрешимую, как и апории Зенона.

Способ взаимодействия разведчика с враждебным окружением принципиально отличается от взаимодействия воина с врагом. Шпион есть существо, сущность которого противоположна видимости (явлению). Легко ли ему жить в этой раздвоенности, устранение которой означало бы самоуничтожение? Ответ не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. Более того, начиная с этого пункта, аналитика шпионажа приобретает общетеоретическое значение. Разгадывая простую загадку, почему шпион шпионит и

что, собственно говоря, он при этом делает, мы подходим к тайне бытия субъекта и далее к тайне самой тайны как особой степени реальности. Достаточно перечислить атрибуты шпиона, чтобы получить категориальный аппарат для описания экзистенции: маска, открытая улыбка, черный плащ, готовность слушать, явка, пароль, вербовка, провокация, диверсия... Ряд не полон, в нем представлены лишь некоторые очевидности шпионской жизни, но даже перечисленного достаточно для формирования языка описания с мощной разрешающей способностью, не уступающего, по крайней мере, языку строительной метафоры с его «основаниями», «базисами», «постановлениями», «установлениями» и т. д. Удел шпиона не менее важен, чем удел строителя, он находится в самой сердцевине вопроса об аутентичности, без разведки вообще невозможно понять природу «подлинного-во-мне», поскольку другой принципиально лишен доступа на эту территорию — только свой. Или шпион.

Наконец, интерес к теме шпиона задан в качестве эстетической универсалии: устойчивый спрос на детектив во всех его видах позволяет говорить о встроенной шпионологической составляющей фигуры читателя (реципиента текста в широком смысле). Если эротика адресована инстанции чувственности (либидо), точке ее представительства в Я, благодаря чему и возникает телесно-символический резонанс, то и детектив имеет своего постоянного адресата — «шпиона-во-мне», причем идентификации с разведкой

и контрразведкой даются одинаково легко — а это значит, что они равномошно представлены в шпионологическом пространстве психики. «Шпионить» и «обезвреживать шпиона» нам приходится чаще, чем «исправлять и наказывать».

Но вернемся к реальным шпионам, вновь задавшись вопросом: легко ли им шпионствуется?

Ответ таков: сладость и тяжесть шпионства по-разному распределены во времени. Вся сладость отнесена к началу карьеры разведчика, а горечь, наоборот, к ее концу. Мечта «стать разведчиком» входит в структуру подростковых грез, но, не получая буквальной реализации, откочевывает в сферу эстетического, где и формирует соответствующий резонатор, внутреннего «штирлица» и «матахари». Когда Башляр говорит о своеобразных «эйдосах» в сфере внутреннего символического, позволяющих припоминать то, что было не со мной, приводя в качестве примера экзистенциал Дома или Очага (именно наличие этих внутренних эталонов позволяет нам проверить точность предъявляемого писателем «художественного образа»), то, конечно, эйдосы «штирлица» и «матахари» должны быть упомянуты едва ли не в первую очередь. Как мы увидим в дальнейшем, они отражают не только заимствованный из символического межсубъектного пространства, но и сугубо персональный опыт. Однако, прежде чем перейти к его описанию, обозначим еще раз коллизию, именуемую парадоксом шпиона: первоначальный энтузиазм раз-

ведработы, связанный с уникальным позиционным преимуществом прижизненного инобытия, с эротизмом неопознанности и ролью человека-невидимки, сменяется сначала недоумением, а затем полной потерянностью. Время размывает ориентиры, и то, что было усилителем индивидуальности — глубокая законспирированность, — оборачивается своей противоположностью — так работает Иллюзион Времени, первоисточник всякой превратности в этом мире. Практика разведок учитывает данный фактор, один из бывших чинов ЦРУ недвусмысленно указывает, что «в оценке агентурой информации, поступающей от разведчика с большим стажем, следует обязательно вводить поправку на время».¹ Ту же цель имеет в виду неписаное правило обновления дипломатического корпуса, согласно которому дипломат может находиться в стране пребывания не более десяти лет. Ибо наступает момент, когда опыт работы, знание страны, круг знакомств из положительного фактора становится отрицательным.

Парадокс шпиона (пока речь идет о реальном разведчике) имеет несколько альтернатив развития, но все они связаны с глубоким психическим потрясением: 1) превозмогание все более частых наплывов (типа *степь да степь кругом*), отнимающее время и силы; 2) постепенное затухание диверсионно-разведывательной работы из-за утраты ориентиров — внутренняя «явка с повинной»;

¹ Horovitz D. Rules of Intelligence: How to Make a Spy. N.Y., 1976. P. 96,97.

наконец, 3) переход к «двойной игре» — тяга к ней в какой-то момент начинает действовать с непреодолимой силой. Главная причина возникающего влечения — в том, что первоначальная сладость смены идентификации требует повторения. Поменяв однажды ряд важнейших экзистенциалов, определяющих человеческий удел, — имя, родину, биографию и т. д., выпутавшись из связки, которая для простого смертного завязана мертвым узлом, агент вступает в пространство свободы, знакомое лишь настоящему номаду — одинокому кочевнику, пирату, транссексуалу. Его настоящей родиной становится не какое-то конкретное отечество людей, а сама среда шпионажа: так рождается Супершпион. Подавляющее большинство прославленных шпионов относятся именно к этой категории. В ведении двойной, а то и тройной игры так или иначе были заподозрены Мата Хари, Азеф, Парвус, Сидней Рейли — всякий интересующийся историей разведки легко продолжит этот список. И здесь, уже на следующем диалектическом витке, мы достигаем новой развилки парадокса: именно они, супершпионы, подозреваемые в измене, сохранили верность однажды сделанному и вновь возобновляемому выбору — чему-то (или кому-то) оказавшемуся для них внутренне подлинным — штирлицу в себе. Достаточно лишь представить себе, в какие головоломные комбинации и захватывающие перипетии вовлекает супершпиона его двойная или тройная игра, чтобы матахари нашей души

затрепетала от восторга.¹ Такого рода тотальный шпионаж является могучей преобразующей силой общемирового масштаба. Поскольку Супершпион не стеснен никакими узами, ничто и не сдерживает его диверсионно-агентурную мобильность. Ему не нужно ограничивать шпионаж интересами чужого дяди, постороннего субъекта — в равной мере отпадают и все прочие проявления остаточной сентиментальности. Только чистая траектория приключения увлекает Супершпиона, именно поэтому ему доступен жанр «провокация как шедевр».

Шпионаж «в себе и для себя», образующий сферу автономного законодательства чистого авантюрного разума, позволяет собрать уникальную коллекцию приключений, драгоценное ожерелье из локальных конфликтов, дипломатических скандалов и более мелких «кризисов». Воистину мастер двойной игры после очередной головоломной комбинации, изменившей градус самочувствия мира, смотрит на верноподданных всех времен и народов глазами Заратустры:

Все философы мира и все пророки
Казались мне маленькими детьми...

(Ю. Левитанский)

¹ Особую инстанцию психики, отвечающую за соблазнение к шпионству, я предлагаю в честь выдающихся шпионов называть, соответственно, «штирлицем» и «матахари». Можно было бы, конечно, назвать внутренний шпионологический эйдос «комплексом Штирлица», но такое умножение сущностей загромождало и даже искажало бы смысл. Вполне достаточно писать штирлиц и матахари с маленькой буквы, чтобы было понятно, о чем идет речь.

Однако, если шпионов по профессии не так уж много (впрочем, кто их считал), то число шпионов по призванию включает в себя практически весь род *homo sapiens*. Послушаем Хайдеггера.

2. Агент Dasein ВЫХОДИТ НА СВЯЗЬ

«Dasein вступает в мир, отпадая от самого себя как настоящего в смысле чистой возможности, Dasein всегда заброшен в мир, попасть в который означает одновременно и пропасть, заброшенность в мир подразумевает растворение в совместности бытия, которая реально конституируется болтовней (Gerede), любопытством и двусмысленностью. Но быть вне собственного ощущаемого настоящего вовсе не значит собственно не быть — напротив, пребывание в несобственном составляет положительную сторону существования и даже нечто замечательное в мире»¹.

Хайдеггер, один из самых проницательных философов XX столетия, словно бы воспроизводит уже знакомый нам внутренний монолог шпиона. Любопытно, что хотя текст «Бытия и времени» непосредственно повествует о многочисленных приключениях Dasein после его «заброшенности в мир», о собственно биографических данных агента нам известно немного — прежде всего, две ве-

¹ Heidegger M. Sein und Zeit. F/a M., 1978. S. 114.

щи: Dasein отвечает на вопрос «кто?» и представляет собой «подлинное-во-мне». Остается лишь выстроить рабочую версию, держась, по возможности, ближе к тексту.

Ощущение заброшенности в мир и «обреченности» обнаруживается первой вспышкой самосознания. Хайдеггер, в отличие от Гегеля, не приписывает эту коллизию «несчастному сознанию» как некоему промежуточному этапу образованности, справедливо полагая, что сознание вообще производно от несчастья и если и может быть другим (например, счастливым), то лишь тогда, когда обладатель не пользуется им, довольствуясь советами чужих сознаний. Именно в брошенности находится колыбель самостоятельной мысли и самостоятельного бытия, и им требуется длительная конспирация, чтобы выжить — в противном случае неминуемо приведение к общему знаменателю. Точно так же требуется и надежное прикрытие (соответствующая «легенда») — иначе разоблачат — классифицируют, воспитают, т. е. заставят *принести пользу* — попросту говоря, воспользуются тобой.

Рассмотрим подробнее акт десантирования в мир. Решение — судьбоносное для подлинности и аутентичности Dasein принимается, когда штирлиц (матахари) практически сформированы и проявляются уже вторичные шпионологические признаки. Подросток обнаруживает вдруг чужеродность окружающей его вселенной как пространства лицемерия и лжи. Принять всерьез законы изолгавшихся обитателей этого худшего из

лучших миров значило бы утратить себя. Dasein осознает (точнее, пред-чувствует и пред-понимает, как говорит Хайдеггер) смертельную опасность прямого отождествления с царством болтовни и двусмысленности. Идентификация с das Man, с «одним из них» со всей очевидностью ведет к измене чему-то самому важному — замыслу Бога обо мне... Но, как уже было сказано, засветиться не менее опасно.

И вот в этой сверхкритической ситуации принимается единственно возможное решение als ob: имитировать законы заставляемой раскладки бытия, не принимая их всерьез, сохраняя дистанцию свободы. Стать разведчиком и диверсантом в этом пустотелом универсуме, оставаясь «себе на уме», т. е. обретая непроницаемость в себе и для себя, как и положено самосознанию. Так осуществляется заброска в мир, первая инициация к подлинности бытия, фиксируемая затем аналитикой Dasein.

Теперь можно бестрепетно слушать напутственные речи школьных директоров и прочих учителей жизни, зарабатывающих хлеб свой произнесением наставительных слов. Теперь, когда есть фи́га в кармане. Девиз юного шпиона — конспирация и еще раз конспирация; пока главное — внедриться, сделать вид, сойти за своего... Трудно не разделить радости начинающего разведчика — его тонкую, филигранную игру принимают всерьез, даже не подозревая о двойном дне. Периодически в самосознании прослушивается отчет штирлица: пусть думают, что я на

самом деле играю в их игры, учу их знания — это пустяки. Сейчас важно пробиться наверх — в ставку, в Генштаб, а уж там... и далее отчет штирлица становится все более неразборчивым, угасая в сладостной истоме. Уже на этом уровне проявляется дифференциация, отчет матахари звучит несколько иначе: «Раз всех этих лицемеров так интересует тело, я тоже буду играть на повышение. Пусть себе гоняются за фетишем, набавляя цену, — последнее слово все равно за мной. Меня им все равно не получить, зато я их как следует поймею... Пусть пока ублажают мою чувственность, реагируя на отвлекающий маневр (тоже мне, обладатели), — я же над ними и посмеюсь...»

В отличие от штирлица инстанция матахари устроена сложнее и изначально ведет двойную игру. Связного с далекой родины, призывающего время от времени блудных агентов, она легко снабжает дезинформацией и с самого начала старается выпытать у штирлица его пароль, пытается узнать явки и подделывать шифровки.

Но, конечно же, факт заброшенности в мир, как источник самодоверности Dasein, не зависит от доминирующего резонатора.

Сущностное одиночество агента не абсолютно: вопрос «кто?», поднимаемый в «Бытии и времени», можно переформулировать в интересующем нас аспекте. Кто составляет шифровки и передает директивы? Кто находит нужный экзистенциальный диапазон, частоту (Ruf) оставленной родины и выходит

на связь?¹ Агент может быть законспирирован так глубоко, что никакие исповедники и психоаналитики, никакие детекторы лжи не выведут его на чистую воду. Одно для него невозможно — не откликнуться на зов того, кто знает пароль. Услышав пароль, окопавшийся штирлиц немедленно выдает отзыв (что-то вроде «слушаю и повинуюсь»), и с этого момента «сам себе шпион» становится чьим-то *агентом влияния*.

С заброшенностью Dasein (на данном этапе) дело обстоит прямо противоположным образом, чем с агентом в узком смысле слова, засылаемым спецслужбами в тыл врага. Ведь Dasein приступает к внедрению и шпионажу, не собираясь ни на кого работать, поэтому задача резидента или его связного состоит в том, чтобы выбрать из бесконечного списка заброшенных тех, кто откликается на пароль. Задача имеет два решения:

1) создается некая «мудрость» произвольной формы и предъявляется всем и каждому методом проб и ошибок (по принципу «ищите и найдете; стучите, и отворят вам» — Матф. 7, 7). Поскольку, согласно Монтеню, «нет в мире такой глупости, которую хоть кто-нибудь не счел бы истиной», некоторое количество агентов влияния удастся таким образом завербовать;

2) «пароль» подбирается индивидуально на основе предварительного изучения объекта.

¹ Проблема действительного первоисточника зова, адресованного Dasein, подробно рассматривает Авитал Ронелл (Avital Ronell. *The Telephone Book*. Nebraska Univ. Press. 1989).

Второй способ решения задачи, конечно, надежнее и, разумеется, дает больше попаданий. Однако точная реконструкция формулы, *текста пароля* относится к разряду труднейшего — еще знаменитый агент по кличке Гамлет верно заметил, что «сей инструмент посложнее флейты». Иммунная система сознания (внутренняя таможня и контрразведка) обеспечивает многоступенчатую защиту внутреннего мира от чужеродных влияний.

Чаще всего ее удастся ввести в заблуждение лишь на короткое время, и в этом состоянии очарованности, раскрытости миру Dasein начинает «работать на прием», подвергается прямому инструктированию — но затем страта спохватывается и обезвреживает проникшие влияния, происходит отторжение вживленного передатчика, и сущностное одиночество шпиона восстанавливается.

3. Забвение бытия

Соглашаясь с Хайдеггером в том, что заброшенность есть экзистенциал, т.е. условие подлинности человеческого бытия, и что без матахари и штирлица невозможна достоверность Я, невозможен такой ранг реальности, мы вправе задать вопрос: почему мир, в который заслано столько диверсантов, до сих пор не обрушился и пребывает, как говорят англичане, «still in one place»?

На это возможен единственный ответ: мир уже устроен так, что круговой шпионаж его

не разрушает — более того, повседневность, сфера *Weltlauf*, явно подпитывается возобновляемой заброской, извлекает из нее материалы для своих построений и импульс скорости для собственного круговорота. Похоже, что *Weltlauf* защищен от вреда, наносимого шпионами, самой лучшей контрразведкой: на каждого шпиона приходится столько контрразведчиков, сколько не снилось не только Гиммлеру, но и всемогущему НКВД. Дело обезвреживания шпионов предоставлено самим шпионам.

Любой социум пронизан стихийной контрразведкой, и эта стихия легко может быть актуализована простым попустительством. Установление атмосферы недоверия, всеобщей подозрительности, доношительства не требует никаких дополнительных усилий. Однако задачи инстанции СМЕРШ¹, ответственной за поддержание *Weltordnung*², вовсе не сводятся к простому санкционированию стихии. Ведь выявить шпиона — это, в сущности, не проблема, ввиду обреченности *Dasein* на заброшенность в мир. Главная задача СМЕРШ как тотальной контрразвед-

¹ Группировка НКВД, созданная специально для разоблачения и устранения шпионов (буквально аббревиатура СМЕРШ означает «смерть шпионам»), в данном случае рассматривается как подсистема социального субъекта.

² *Weltordnung* — «мировой порядок» — неотъемлемая часть *Weltlauf*, «течения событий». И то и другое, согласно Гегелю, поддерживается путем самонастройки, независимо от усилий самости. *Weltordnung* может выстраиваться и из целенаправленных усилий по его разрушению, именно потому, что «мир уже устроен так».

ки состоит в том, чтобы *не дать шпиону расконспирироваться*.

Ибо, возвращаясь на этом глобальном уровне к «парадоксу шпиона», следует отметить: агент на стадии внедрения, пока он глубоко законспирирован, не приносит никакого вреда. Скорее те же Штирлиц и Иоганн Вайс даже полезнее для страны обитания, чем рядовые граждане, — ведь им нужно, чтобы все прошло без сучка и задоринки. Они энергичные и добросовестные работники, сплошь примерные семьянины с характером нордическим и стойким — до тех пор, пока не начнут передавать разведданные в Центр и не приступят к выполнению других заданий помимо внедрения. Поэтому, в отличие от ЦРУ, КГБ и Моссада, спецслужбы Weltordnung, имеющие дело с массовой заброшенностью в мир, устроены иначе, более тонко: они продлевают первый этап заброшенности (стадию внедрения) вплоть до срабатывания Иллюзиона Времени и проявления эффекта мегапаузы.

И вот — уже знакомая картина: Dasein, стремясь сохранить свою подлинность, скрыться от разоблачения и даже, если удастся, от подозрения, кропотливо выстраивает свое самоотчуждение в их мире, тратит дни, месяцы, годы, чтобы освоиться на малоприспособленной для жизни планете, где все неподлинно, упиваясь невидимостью своей сокрытой сущности, сладчайшим нектаром шпионствования. Между тем, жизнь по придуманной легенде продолжается со всеми вытекающими отсюда последствиями, мало-

помалу легенда обрастает плотью, бытие погружается в забвение. Экзистенциал заботы (Sorge) растворяет обреченность заброшенности, и остается лишь удивляться пронизательности Хайдеггера, назвавшего «заботой» эту часть траектории Dasein в честь замечательного разведчика Рихарда Зорге.

Всмотримся еще раз в происходящее. Dasein, переводимое иногда на русский как «здесьбытие», под воздействием времени начинает испытывать величайшие трудности в различении «da» и «dort», «здесь» и «там». Подлинное (da) укрывается от контрразведки, и выстраивается «false self system», по выражению Рихарда Лэйнга; Я наигрывается в некотором другом месте — «там» (dort), и в эту наигранность, в эту ложную самопрезентацию постепенно переносится центр тяжести Я. Мое «da» незаметно мигрирует, и я внезапно оказываюсь «там» — ничего не поделаешь, «ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф. 6, 21). Обретение Dasein в Dortsein, будучи предельным выражением парадокса шпиона, есть коллизия гораздо более глубокая и запутанная, чем разборки господина и раба. Мир переполнен агентами, с которыми никто так и не вышел на связь¹, — но именно это обстоятельство прочнее всего связывает их друг с другом. Или, иначе, прочнее всего люди связаны друг с другом как враг с врагом.

¹ Хотя попытки наладить связь с Центром предпринимались неоднократно: «...войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Матф. 6, 6).

Можно было бы подумать, что, проникшись заботами инопланетян, лазутчик все же становится одним из них и со спокойной душой перестает осуществлять миссию, реализовывать призванность и т. д., одним словом, прекращает агентурную деятельность. Это верно лишь отчасти — матахари постепенно атрофируется, если не переходит к двойной игре, штирлиц усыхает, переставая получать шифровки из Центра. Тем не менее о достигнутом душевном спокойствии говорить не приходится. Хайдеггер справедливо предостерегает: «Это успокоение в ненастоящем бытии не соблазняет, однако, к бездеятельности и застойности, а вовлекает в разнузданность “хода событий” (Weltlauf). Обреченность миру, таким образом, не обретает покоя. Искусительное успокоение усиливает обреченность пропадания»¹.

Одной из тем самосознания становится тема предательства Духовной Родины, не заглушаемая никаким фармаконом. Остается, правда, надежда, что хотя бы после смерти через своего Резидента (Мессию) призовет нас назад Отец наш небесный — ведь мы столько раз пытались выйти с ним на связь, — но передатчик не отвечал или передавал слишком неразборчивые инструкции. Психология религии всегда пыталась описать это состояние, справедливо полагая, что именно

¹ Хайдеггер М. Бытие и время // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. М., «Гнозис», 1993. С. 42. Пер. А. В. Михайлова.

здесь срабатывает «естественное религиозное чувство» (в отличие от религиозной мысли).

Известное выражение «пора позаботиться и о душе» (о спасении) вполне может быть интерпретировано как явка с повинной. Шпион, загнавший себя в угол, добровольно сдается властям — притом, ввиду полной наступившей неразберихи между *da* и *dort* (окончательной запутанности своих и чужих), сдается *первым попавшимся властям* — хоть «Отцу, который втайне», хоть спецслужбам *Weltordnung*. Спецслужбам такой материал, в принципе, не нужен (или нужен как выжатый лимон), у них есть задача и поважнее — удерживать еще активных агентов в состоянии законспирированности, т. е. воспроизводить самое динамичное, работоспособное подразделение общества. Есть основания полагать, что и горним властям пропавший лазутчик не слишком нужен; скорее всего, в Центре его давно уже списали. При такой массовой заброске агентуры могут потеряться целые поколения. Ведь одно дело, когда связному (скажем, пастырю) удастся отыскать заблудшую овцу и наставить ее на путь истинный — тут есть повод для радости, поскольку речь идет о шпионе, еще пригодном для диверсий и передаче разведанных; и другое дело, когда овца (а точнее, загнанная лошадь) ни на что больше не годится...

По-видимому, раскаяние или покаяние, осуществленное в состоянии полного душевного упадка, выгорания всех движущих сил от эроса (либидо) до штирлица, ни одну из

Инстанций уже не интересует. Агент попросту дезавуируется, вычеркивается из всех анналов. Это вовсе не значит, что его оставят в покое (тут, конечно, Хайдеггер был прав) — напротив, теперь никто не пошлет связного, который бы мог его успокоить. Дезавуирование означает полное отключение передатчика, а значит, и прекращение передачи успокоительных позывных. «Покой нам только снится» — так вправе сказать о себе шпионы всех времен и народов, предпоследняя нота в гамме полного забвения бытия всегда трагическая.

Мы научились без труда распознавать голос Эроса в многоголосом хоре искусства — было бы крайне любопытно идентифицировать мотив экзистенциального шпионажа во всем спектре его проявлений (сублимаций). А ведь переход из «заброшенности в мир», в безысходность сопровождается пронзительная песнь матахари, в которой говорится о безвозвратной утере связи с Центром. Вот как озвучивает ее Уолт Уитмен:

Мы по жизни идем
Как на похороны к себе
Завернутые в собственный саван.

Степь да степь кругом.

4. Исходы из заброшенности

Невыход из конспирации нельзя, собственно говоря, назвать поражением *Dasein*, ведь феноменологически здесь получается

В

сч

обман обманщика — важнейший узловый пункт круговорота всеобщей аферистики, первоисточника динамизма Weltlauf. Мы убедились, что мир подготовлен к заброске агентов, готов оказать им должный прием — ибо этот мир и сложился как постоянный двор (Дом Бытия) для засланных и непрерывно за-сылаемых лазутчиков.

Вопрос, «откуда» заброшен агент, относится к числу самых запутанных. Хайдеггер уклоняется от ответа, понимая, что придется так или иначе пересказывать миф Платона о пребывании души в сфере чистых эйдосов: «Отпадение Dasein нельзя поэтому рассматривать как “падение” из некоего более чистого и более высокого “первородного состояния”. Об этом у нас не только нет никакого онтического опыта, но и онтологически мы не имеем никаких возможностей и направляющих нитей для интерпретаций»¹. Впрочем, какой-то опыт все же есть — но он расположен принципиально за пределами бодрствования, вне поля активного сознания. Далекая родина вспоминает-ся (вспоминает себя) в наплывах сновидений и грез². Да еще штирлиц направляет искусству экзистенциальный заказ, можно сказать, объявляет конкурс на лучшую картинку с абрисом далекой родины. Произведения, отправляемые на конкурс соискателями, обычно узнаются по названию: «Другие берега», «В поисках утраченного времени», «Детство Люверс». В запис-

¹ Там же. С. 42.

² Об этом хорошо написано у Башляра в «Поэтике пространства» и «Поэтике грез».

ках о потерянном рае процессы воспоминания и воображения ничем не отличаются друг от друга с точки зрения подлинности результата — вообще визуальный образ еще более расплывчат, чем тени на стене пещеры. Акустическая связь с Центром несомненно прочнее — поэтому в конкурсе, объявленном штирлицем, Музыкант превосходит Писателя и Художника. Как известно, Юстаса связывала с Центром *русская пианистка*, в ее отсутствие Штирлиц слушает Эдит Пиаф, получая при этом надлежащую подзарядку. На самых ранних стадиях заброшенности роль музыки особенно велика. Последние два-три десятилетия через позывные рока осуществлялась массовая самоидентификация начинающих агентов. Универсальный пароль — «Yellow Submarine» — придавал силы для противостояния и диверсий, «Taste of Honey» напоминал о сладости невидимой отчизны. Но различить истинный зов бытия среди акустических имитаций ничуть не легче, чем опознать визуальный образ, — пожалуй, степень соблазна даже выше ввиду особой задействованности канала. Вот и агент по кличке Dasein попался на имитацию — не помог даже тренаж в разведшколе Хайдеггера¹. Однако в момент написания «Бытия и времени», одной из самых честных и героических книг нашего столетия, Хайдеггер еще

¹ Помимо книги Авитал Ронелл можно обратиться и к Лаку-Лабарту: Lacoue-Labarthe P. La fiction du politique: Heidegger, l'art et la politique. Strasbourg. 1987.

не подозревал, что сам будет пленен на вражеской территории — и даже не доктором Sorge, а все теми же пресловутыми спецслужбами Weltordnung — стража времени заставила его опознать в качестве послания с родины Dasein лесные тропки, размеренную речь крестьян Шварцвальда. Чаша и башмаки, представленные в качестве вещественного доказательства, сыграли свою роль. Что поделаешь, такова уж тяжкая шпионская доля — даже лучших связных, даже Резидентов, не отозванных своевременно в Центр...

Как знать, возможно и Ницше, проживи он еще в здравом уме пару десятилетий, «разглядел» бы по-настоящему фальшивомонетчиков, нашел бы свою прелесть в слишком человеческом и воспел бы сельского пастора, музицирующего соседа, торговца зеленью (он уж точно сделал бы это лучше Честертона и Сент-Экзюпери) и прогнал бы своих зверей. Но героическое безумие уберегло великого разведчика от явки с повинной.

В общих чертах вывод Хайдеггера верен: мы не имеем ни «онтического опыта», ни «онтологической возможности» для идентификации Далекой Родины, первоисточника подлинности. Dasein действительно отвечает на вопрос «кто?» (§25) — но не отвечает на вопрос «откуда?». В отличие от буквального шпиона, который под влиянием времени постепенно *забывает*, «откуда он», экзистенциальный шпион погружен в забвение бытия с самого момента заброшенности, и даже допрос с пристрастием не заставит его вспом-

нить ни географию (или небографию) духовного отечества, ни имени Резидента. Вопросаемый знает только «здесь бытие» — самая пристальная феноменология бессильна расширить это знание. За левым порогом «здесь бытия» начинается сфера абсолютной фальсификации, за правым порогом, именуемым смертью, — зона молчания. Обладает достоверностью лишь сам факт происхождения «не от мира сего»¹, входящий в определение подлинности, но редко кому сообщаемый. Гадалки всегда используют эту точечную достоверность для вхождения в доверие — достаточно сказать «вы попали не в тот век, вы предназначались совсем для другого мира, разминулись со своим временем», вляпать про какую-нибудь эпоху испанских грандов — и после такой «проницательности» можно смело собирать дивиденды. Хотя очевидно, что человек, вообще не знакомый с ощущением своей заброшенности в мир, просто не добывает *мерности* для бытия в ранге субъекта (личности). Для того чтобы «здесь бытие» (Da sein) могло быть, оно (он, она) должны быть «не отсюда» — в противном случае мы имеем дело с формальным присвоением определенностей первого лица, без обретения «подлинного-во-мне». Без пульсации

¹ Подобным же образом определяется понятие «вещи-в-себе» у Канта: мы знаем, что за явлением стоит нечто, но не можем сказать, что именно. Гегель попытался отменить «вещь в себе» за «ненужностью», но фактически лишь удалил ее из сферы самоотчета. Дело в том, что вердикт о сосуществовании выносится не интенцией чистого разума и не законодательством практического разума, а «отдельной способностью души».

штирлица и матахари бурный поток Weltlauf мелеет и обращается в болото, но для инициации экзистенциального шпионажа вполне достаточно самого факта заброшенности: чтобы произошел взрыв, катастрофа — словом, бытие от первого лица (Я-присутствие), нужно выдернуть чеку гранаты, оторвать от Духовной Родины, лишить чего-то. Так в химии молекула, лишившаяся атома, становится активным реагентом — *свободным радикалом*. Агент, оторванный от центра, получает импульс (Sprung), утилизуемый затем спецслужбами СМЕРШ, инстанцией «контр-Dasein».

Надо тем не менее сказать, что исходы из заброшенности всегда образуют некое поле возможностей. Рассмотрим еще одну типичную конфигурацию: приключения шпиона, вторая серия. Перед нами вновь «юноша, обдумывающий житье». Реализуя «обыкновенное шпионское», он решает внедриться «к ним» — в какую-нибудь религиозную общину, секту, политическую партию, — словом, в некую компактную подсистему «их» лицемерного мира. Целью внедрения является абстрактное продвижение вверх — вообще, дальность броска представляет собой самодостаточную ценность во всякой заброшенности. Лазутчик имеет весь набор соответствующих преимуществ — имитируя внешние «правила игры», он не тратит времени на обживание внутреннего. Ценностная проблематика сообщества предстает перед ним в форме тригонометрической задачи, которую он/она решает с помощью встроенного

интригометра, своеобразной логарифмической линейки, входящей в устройство штирлица и, особенно, матахари.

Неудивительно, что недавний выпускник разведшколы внутренней философии (где главная дисциплина — как быть самому-себе-хитрым) получает преимущество в скорости иерархического продвижения. И можно себе представить реверберации штирлица, когда интригометр не подводит! Открываются нужные двери, отстраняются ненужные люди — агент трепещет от кульминаций штирлица, по сравнению с которыми сексуальный оргазм просто буря в стакане воды, — это тем более относится к растянутой во времени кульминации матахари, типа салона госпожи де Севинье (или госпожи де Вердюрэн, если обратиться к Прусту).

Однако наш шпион наивен и девственно чист — хотя бы потому, что не знает, в чем состоит главная трудность, которую невозможно ни рассчитать, ни даже предусмотреть с помощью интригометра. Дело в том, что в своем карьерном движении вверх, проходя через слои верных, агент нарушает технику безопасности при обращении с групповыми ценностями. Чужие убеждения, если они в течение какого-то времени высказываются от первого лица, начинают проявлять радиоактивные свойства — происходит процесс их спонтанного деления, и ничего не подозревающий носитель начинает против воли разделять их. Как раз отсюда шпион не ждет подвоха, ибо он не учитывает риск «утечки вовнутрь» и самопроизвольного

отравления принципами, первоначально принятыми в качестве формальных правил игры. Сколько верных адептов, надеясь поймать рыбку в мутной воде, сами попались на крючок!¹

Альтернативный исход из заброшенности связан с уже знакомой нам фигурой Супершпиона, которому удалось сохранить всю полноту беспринципности, необходимую для прорыва на самый верх. Сверхобманщик избегает замедления, поскольку его штирлиц справляется с помехами, интригометр работает на полную мощность и ежедневно соблюдается завет Талейрана: «Бойтесь первых порывов души, они могут быть искренними».

Супершпион в экзистенциальном смысле — это тот, кто проходит в святая святых, ни разу не провозимодействовав с благодарностью. И, поскольку рядовой агент справиться с такой задачей явно не в состоянии, понятно, что именно из числа сверхобманщиков формируются высшие эшелоны власти — во всяком случае, в компактных подсистемах Weltlauf. История только христианских религиозных сект полна подтверждениями преимуществ двойной игры. Ересь катаров, распространившаяся в конце XIII века на юге Франции, может служить характерным

¹ Неудача миссии точно так же вытесняется в подсознание, как и «любовные неудачи» и другие травматические факторы. Шпион, совершивший фактическую явку с повинной, может пребывать в полной уверенности, что у него и не было никаких диверсионных намерений — подобно тому, как пациент психоаналитика пребывает в неведении относительно своих инцестуозных влечений.

примером. Катары отличались исключительной радикальностью в соблюдении христианских заповедей, стремясь восстановить «чистоту первоначальной веры». Даже простые крестьяне, примыкавшие к секте, соблюдали обет безбрачия, не говоря уже о строгости постов. Что же касается духовных вождей движения, так называемых «parfais» («совершенных»), то они, как водится, только руководствовали истинной других, но отнюдь не руководствовались ею сами. Карая рядовых верующих за малейшие послабления, лидеры буквально купались в разврате. Так, во время следствия выяснилось, что один из кюре, принадлежавший к числу parfais, имел целый гарем наложниц¹.

Естественно, катары не являются исключением, как не являются исключением секты — достаточно вспомнить череду непогрешимых монстров, сменявшихся на папском престоле, — подобные экземпляры нечасто встречаются даже в уголовном мире. Об истории политических партий говорить излишне. Шеф гестапо Мюллер как-то сказал Штирлицу, своему коллеге по шпионскому делу: «Никому верить нельзя. Даже себе». И помолчав, добавил: «Мне — можно».

Нам тем не менее следует исходить из факта, что мир до сих пор не обрушился.

¹ См. сводку данных в работе Ю. А. Бессмертного «К изучению матримониального поведения во Франции XII–XIII вв.» (альманах «Одиссей». 1989. С. 98–114).

Это значит, что экзистенциальные спецслужбы каким-то образом справляются и с двойными агентами, и с супершпионами. Каким же?

Во-первых, даже среди шпионов по профессии двойных агентов не так уж много — они представляют в основном «гильдию мастеров», вписанных золотыми буквами в историю разведок. Во-вторых, что касается собственно экзистенциальных супершпионов, то они выполняют исключительно важную функцию «контролеров ОТК» — проверяют на прочность устои общества. Сверхобманщики прочесывают горизонты социальности, разрушая все, что может быть разрушено, и оставляя после себя лишь воистину незыблемые установления. Они — санитары общества.

Вспомним: за исторически сопоставимый период времени римская курия и духовные вожди катаров насчитывали в своих рядах примерно равное количество «подонков». Однако католическая церковь, в отличие от катаров, существует и по сей день, она *прошла и выдержала испытание сверхобманщиком*. По-видимому, свой «Хаким-под-покрывалом» должен появиться в каждом союзе верных, и, покуда этого не произошло, говорить о подлинной жизнеспособности рано.

Наконец, роль двойного агента крайне важна для создания общей ауры гиперподозрительности, атмосферы крайне необходимой для принятия решения о заброске в мир. Пронизывающее лицемерие улавливается встроенным детектором лжи, и срабатывает

импульс третьего рождения¹: пробуждается штирлиц (матахари) как самостоятельная инстанция психики — Dasein начинает внедряться и конспирироваться, а не груши околачивать. *Суммарная энергетика мира возрастает*. Так, в хасидской космологии мир создается путем сжатия (контрактации) — «цимцум» и «разбиения сосудов»: первичная аскеза Бога ограничивает самодостаточность и дает место активности.

5. Краткая феноменология шпионажа

Источники, свидетельствующие о наличии разведывательной миссии у каждого посланца, разнообразны: феноменология шпионажа простирается от теории познания до высших этажей чувственности и структур обыденной жизни. Многие вещи в этом мире

¹ М. К. Мамардашвили в свое время заметил, что эпитет «дваждырожденный» относится не только к брахману, но и к каждому человеку, поскольку он человек. Под вторым рождением имеется в виду выбор духовного отечества. Но для подлинности первого лица необходимо еще и третье рождение — акт заброшенности в мир. Если нет во мне шпиона, то нет и меня. Поэтому картезианская экспликация самодостоверности — cogito, ergo sum — принципиально предназначена для других, она не может быть внутренним рефреном. Первичные позывные Я (внутреннее самоозвучивание) гораздо точнее сформулированы в песне колобка:

Я от бабушки ушел,
Я от дедушки ушел,
От тебя, <лицемерный мир>,
и подавно уйду.

останутся необъясненными и даже неопознанными, если мы не обратимся к функциям штирлица и матахари. Мишель Фуко, указав на родство опыта в широком смысле и практики пыток, был, безусловно, прав¹ (достаточно вдуматься в значение русского слова «пытливость»), но он, так сказать, начал с конца, с интерпретации дознания как специфического приема контрразведки. Между тем очная ставка с природой, вызванной в лабораторию, возможна лишь как результат предшествующих усилий по выведыванию тайн и сбору улик. Назвав свою книгу «Надзирать и наказывать», Фуко оставляет лакуну для подразумеваемого первого тома, который можно было бы озаглавить «Шпионить и выслеживать».

Почему сладчайшее имеет форму тайны, независимо от того, идет ли речь о тайне природы или о тайном наслаждении? Почему истина есть нечто принципиально потаенное и сокровенное, и даже «несокрытость» истины, провозглашенная Хайдеггером, при ближайшем рассмотрении оказывается особой, наиболее изощренной формой сокрытости, своеобразной «светомаскировкой». Шпион (допустим, агент познания) повсюду находит следы камуфляжа. Иногда он обнаруживает умело расставленные ловушки, а иногда обнаруживает себя уже в такой ловушке и тогда понимает, что передавал в Центр дезинформацию, попавшись на видимость (на блесну) и не распознав сущность (неви-

¹ Foucault M. Surveiller et punir. P., Seul, 1975.

димое). Стойкий интерес к детективу объясняется просто — в нем на конкретном, хорошо очерченном примере воспроизводится всеобщий опыт бытия. В самом деле — сыщиков в мире едва ли больше, чем сварщиков, но детали работы сварщика никого не интересуют, тогда как тайны профессиональной деятельности сыщика способны удерживать наше внимание часами; более того, структура обладает такой принудительностью, что от нее «невозможно оторваться», пока не выяснится, «кто шпион». Опыт сыщика и шпиона, мягко говоря, оказывается ближе к телу, чем опыт сварщика, — по степени достоверности он вполне сопоставим с опытом любящего и возлюбленного. Любопытно, что интерес к предмету не уменьшается, даже если мы осознаем, что мы все заброшены в мир со своей миссией и легендой (разумеется, подобная мысль приходила в голову не только Хайдеггеру) — все равно душа наша трепещет, когда шпиона называют по имени и предъявляют улики, — такой же резонанс возникает и когда разведчик обводит всех вокруг пальца — ибо у нас есть орган для отреагирования и того и другого исхода как сладчайшего; в экзистенциальном шпионаже каждый сам себе и разведчик, и контрразведчик — четные и нечетные состояния чередуются — в пульсации штирлица.

Подробная феноменология шпионажа как пребывания в мире пока еще дело будущего, сейчас достаточно указать на отдельные узловые моменты. Вот музыкальная шкатулка с секретом — она доставляет специфическое

удовольствие своему обладателю, если устройство механизма неведомо другим — мы имеем дело с простой, атомарной манифестацией штирлица, с наслаждением их невинным неведением... В современном «научном мире» такие простейшие выплески проявляются в основном в мистификации детей: ребенок радуется Деду Морозу, неожиданно подарку под елкой, а родители радуются, что манипуляции скрытой пружинки создают такую прекрасную видимость. Другим примером элементарной конспиративной эмоции может служить кредо Владимира Юмангулова: «Тайком выпьешь грамм сто коньячка и занимаешься своими делами. Главное — никто даже не подозревает; все кругом ходят трезвые, как идиоты, и думают, что ты один из них». Впрочем, ввиду крайней популярности подобной конспиративной эмоции (особенно в среде актеров, преподавателей и вообще «учителей жизни» всех мастей) не исключено, что некоторые из этих «ничего не подозревающих окружающих» к числу трезвых идиотов причисляют тебя.

Вообще говоря, полюс «утаивания от всех» и полюс «персонального выведывания» резонируют эмоцией равной мощности; эту эталонную величину можно отсчитывать как один *хитрован* по шкале штирлица. Экзистенциальный шпионаж проходит через аттракторы в несколько таких единиц, а в случае двойной и тройной игры интригометр способен развивать мощность в десятки и даже сотни хитрованов. Эрос в чистом виде никогда не может

породить заряд подобной мощности, поэтому контроль за предельной мотивацией поведения всегда остается у штирлица и матахари (чем более длительные промежутки времени мы рассматриваем, тем более это верно).

Как бы ни был человек охоч до зрелищ, организованное шоу остается лишь эрзацем сладчайшего. Именно к подглядыванию человек испытывает страсть, а к зрелищу только склонность. Определение Бога-Перводвигателя, данное Аристотелем — «тот, кто движет, оставаясь неподвижным», — подвергается корректировке со стороны Dasein. Для агента, заброшенного в мир, Бог есть тот, кто видит, оставаясь невидимым. Неоднократно обращавшийся к этому вопросу Фуко в одной из последних работ формулирует его следующим образом: «Позволю себе указать на общую и тактическую причину, представляющуюся мне самоочевидной: власть выносива только в том случае, если она маскирует существенную часть своей субстанции... Ее успех пропорционален способности скрывать свой собственный механизм»¹. Важно, однако, не то, в какой мере власть выносива, а в какой мере она действительно представляет собой сладчайшее.

Открытая экспозиция своего места в иерархии может, конечно, служить мотивом к обладанию властью, но в чистом бесприемном виде такой мотив занимает среди движущих сил Weltlauf достаточно скромное место. Позиционная составляющая власти

¹ Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1. N.Y., 1978. P. 86.

предполагает полное безразличие к конкретной личности. Кем бы ни оказался случайный наполнитель ячейки, ему перепадет положенная порция фимиама, поскольку она изначально адресована не имени собственному, а соответствующему топосу, некоему месту в системе мест. Желанность именно первого места объясняется, прежде всего, дальностью броска как самодостаточной ценностью во всякой заброшенности, однако величина этого показания, измеренного в хитрованах, не слишком значительна. Можно вспомнить вылазки, периодически совершаемые из позиционной системы, — от Нерона до Петра I, но еще характернее многочисленные анекдоты, приписывающие властителям подобные вылазки. Рассказчики этих анекдотов, стремясь передать наслаждение властью, безошибочно связывают его с реакцией штирлица как совершенно необходимого резонатора для экстаза высшей пробы. Только периодическая миграция из позиционной обозримости в гущу *Weltlauf* позволяет сохранять свежесть присутствия во власти, подставлять под восходящие струи воскурений не мертвую раковину (место в системе мест), а живое внутреннее.

Аналогичным образом дело обстоит и с эротическим наслаждением. Физиологический порог насыщения достигается здесь довольно быстро, и дальнейшая прогрессия сладчайшего связана уже с задействованием шпионских струнок, с подглядыванием и подслушиванием, с монопольным знанием тайных пружин. Наблюдатель пребывает в экстазе,

пока его НП не запеленгован и не отслежен, тогда штирлиц и эрос заходятся в резонансе, измеряемом уже десятками хитрованов. Фрейд, считавший вуайеризм частной разновидностью фетишизма, проглядел здесь самую суть дела, прекрасно известную, например, создателям порноиндустрии, которые всегда вводят фигуру наблюдателя для усиления эффекта (хотя, конечно, сама форма зрелища не позволяет по-настоящему задействовать любопытство Dasein).

Ближе всего к истине подошел Жак Лакан: «Зрелище мира в этом смысле оказывается всевидением. Фантазия находит подтверждение в перспективе абсолютного бытия Платона, которое трансформируется во все-видимость, видимость отовсюду. На предельном горизонте опыта созерцания мы находим этот аспект всевидения в самоудовлетворении женщины, которая знает, что на нее смотрят, при условии, что смотрящий не знает, что она знает, или не показывает этого.

Мир во всевидимости, но не в эксгибиционизме — вот абсолютная приманка для взора (gaze)»¹.

Лакан, очевидно, прав в том, что максимум резонансного (шпионско-эротического) возбуждения можно отложить именно по шкале матахари, причем лишь в том случае, если речь идет, как минимум, о двойной игре — что как раз и имеет место в описываемом им случае. Важно также отметить, что очертания мира, открывающиеся подглядывающе-

¹ Lacan Jacques. The Four Fundamental Concepts of Psycho-Analysis. N.Y., 1978. P. 75.

му, несообщаемы напрямую. Трансляция подсмотренного непременно оказывается уже неким «шоу», зрелищем — само «чувство первооткрывателя» передаче не подлежит, его может провоцировать только супершпион в обход прямой визуализации (явленности).

Переизбыток зрелищных форм характерен для наиболее примитивной организации *Weltlauf*, когда «глазение» и «праздношатание» *Dasein* отвлекает агента от всматривания и подглядывания, т.е. от углубленной сущностной работы, и оптическая пелена застилает онтологический горизонт. «Пуританская Америка, где религия — это грандиозное представление, шоу Иисуса, основанное на спецэффектах, является, несмотря на всю свою технологию, последним оставшимся примитивным обществом. Социальность здесь исчислима»¹. Наблюдение Бодрийара свидетельствует, конечно, об упущениях в работе спецслужб, однако эти «упущения» создают специфическую атмосферу, в известном смысле уравнивающую рядового агента и Супершпиона, — Америка предстает как грандиозная разведшкола низшей ступени, которую благополучно заканчивают и агенты с недоразвитым штирлицем.

Перейдем теперь к гносеологическому измерению субъекта, где шпионские аксессуары играют не меньшую роль, чем в эротическом или «властном» измерении. «Тайное знание» притягивает агента, независимо от

¹ Baudrillard J. *America*. L.—N.Y., 1988. P. 9.

того, что является его предметом — скрытое наслаждение женщины, механизм музыкальной шкатулки или скрытые движущие силы «высокой политики». Ученый, подсматривающий в микроскоп за амебой, и вуайер, часами следящий за освещенными окнами, занимаются хотя и разной деятельностью, но сходящейся к одной и той же точке; у любопытства оказывается общий привод — штирлиц, непрерывно генерирующий свои импульсы. Структура «тайного знания» есть гносеологическая конструкция, аттрактор для познающих, приманивающий их еще до всякого содержания. Организация знания по рангам доступа (уровням посвященности) на протяжении веков была единственно возможной формой консолидации знания, прочным сосудом для хранения самовозрастающего логоса — ибо только такая структура могла мобилизовать Sprung заброшенности, самую мощную мотивацию человеческой деятельности.

Тайные организации познающих периодически возникают и по сей день как шпионские явки в чистом виде; их устойчивость и притягательность обеспечивается законспирированностью, ограничением доступа для чужих, специальным паролем (использованием «языка посвященных», т. е. попросту жаргона, имитирующего отсутствующий язык Далекой Родины). Инкорпорация неофита осуществляется путем завербовывания, где решающая процедура состоит в оказании особого доверия и даже в приоткрывании горизонта тайны.] Возникая на «ровном месте»,

подобные организации прежде всего изменяют рельеф — от «ровного места» не остается и следа; формируется ландшафт из проломов и трещин, где легко может укрыться шпион, — это и есть, собственно, горизонт человеческого, обладающий достаточной мерностью для «здесь бытия». История полна примеров таких объединений, которые являются чистыми манифестациями штирлица, при этом спектр целей может варьировать от чисто познавательных (получение эзотерического знания) до планетарных и мироопрокидывающих.

Диссидент Владимир Буковский описывает в своих мемуарах некий типичный образец эфемерного «общества», существовавшего лишь в силу соответствия шпионологическим критериям, т.е. на ровном месте:

« — Общество, — говорил он своим тихим бесцветным голосом, — это как организм: у него тоже должны быть мускулы, грубая сила, но должны быть и нервы и мозг, должны быть глаза и уши.

Он аккуратно намекал, что мы с ним относимся к мозгу, а мне полагалось ощущать трепет, восторг и благодарность, оттого что я причислялся к избранным. Он умел быть настойчивым, убедительным и ни разу не нарушил того стиля таинственной двусмысленности, который царил у нас в организации. От любого прямого вопроса он умел уйти весьма ловко, постоянно оставляя тебя в неясности относительно истинного значения своих слов. Поражало, что всех нас он знает на память, со всеми нашими особенностями,

достоинствами и недостатками, но знает как-то внешне, не чувствуя. Вряд ли он понимал, что оказался абсолютным властелином нескольких десятков смертников. И наши устремления интересовали его постольку, поскольку помогали управлять. Мне казалось, что ничего, кроме личной власти, его не интересует»¹.

Можно, конечно, сказать, что ребятам попался неважнецкий резидент, не умеющий по-настоящему обращаться с паролем, использовать заложенную в нем творческую мощь: «Истинное и аутентичное слово (*Parole*) откровения есть слово, творящее из ничего, из своей собственной произнесенности, — тем самым оно открывает свою пустоту»².

Теперь самое время обратить внимание на принципиальные различия между двумя формами творческой активированности слова — приказом и паролем. Самостоятельная сила приказа как слова возможна лишь в том случае, когда он, так или иначе, снабжен па-

¹ Буковский В. И. возвращается ветер. М., 1990. С. 91–92. Буковский, минуя «первую истину» экзистенциального шпионажа (о том, что каждый есть шпион, заброшенный в мир), совершенно определенно усматривает «вторую истину»: «Получалась какая-то нелепость — наше членство в подпольной организации делало нас совершенно безопасными для властей. Так, глубоко конспирировавшись и для камуфляжа вступив, например, в партию, человек может преспокойно всю жизнь прожить. Работать, ходить на партийные собрания и, практически, поддерживать эту власть. Для пущей конспирации можно даже в КГБ поступить на службу!» (Там же, с. 93). Иными словами, парадокс шпиона не укрылся от внимания опытного диссидента.

² Lacan J. *Ecrits: A Selection*. N.Y. 1977. P. 61/271.

ролем; или приказ не самостоятелен, а представляет собой простое словесное оформление экстравербальной силы, например системы принуждения. Пароль есть вообще универсальный адаптер влияния, его сверхпроводник, используемый как микродобавка к любой действенной инструкции. Но еще важнее топологические различия между повелевающими инстанциями, которые уже заложены к моменту заброски в мир. Одна из них, инстанция Сверх-Я, подробно описана Фрейдом. По большей части она и в самом деле воплощает авторитет Отца, но для нас важно, что инструкции Сверх-Я записаны субъектом, уже испытывавшим вторую истину экзистенциального шпионажа: в содержании записи мы находим «размышления шпиона перед явкой с повинной» и даже предупреждения контрразведки. Привод Сверх-Я, опирающийся на совесть, страх и вообще «бдительность», влечет к дознавательной следственной деятельности. Действие этого передатчика резко усиливается на излете заброшенности по мере угасания первоначального импульса.

Владеющего передатчиком Сверх-Я, умеющего включать его на полную мощность, мы обычно именуем харизматическим лидером. Он призывает к послушанию и подчинению, и Dasein повинует, распознавая персональный оклик, предуказанную частоту радиовещания. И все же эхо приказа указывает на дистанцию удаления; упорствующий в шпионстве легко может скрыться от харизматического лидера, приняв, например, бо-

лее строгие меры конспирации и по-прежнему оставаясь самому себе хитрым.

Совсем иначе обстоит дело, когда на связь выходит другая повелевающая инстанция, ласково выговаривающая слова пароля — вплоть до воспроизводства неповторимой интонации. Тогда Dasein слышит так называемый «мама-язык», и это слушание Хайдеггер определяет как «первичную и настоящую в собственном смысле открытость Dasein для своего наиглубочайше-личного можествования, как слушание голоса друга, которого всегда носит с собой любое Dasein. Dasein слушает, потому что понимает... и как понимающее бытие в мире пребывает вместе с другими и... в этой послушности принадлежит к ним»¹.

Владеющий мама-языком Другой (насколько это возможно) по аналогии может быть назван матахаризматическим лидером. Слова мама-языка не создают эхо-эффекта дистанции, они вообще не поддаются представлению в виде внешней инструкции. Эти позывные Делекой Родины встроены изнутри в форму желания, они транслируются исключительно на собственной частоте матахари, совпадая с биением пульса.

В отличие от рупора Сверх-Я матахаризматические повеления передаются негромко — в них приходится вслушиваться, добиваясь предварительного уединения души, отключения гула бытия: оглохшие от гула

¹ Хайдеггер. Бытие и время. § 34// Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 26. Перевод А. В. Михайлова незначительно модифицирован.

бытия уже не реагируют на тумблер громкости. Как говорит герой одного из рассказов Владимира Маканина, «барабанов они не слышат, пойте им тихо». Разведчики, окликая друг друга, попадают на заповедную частоту невзначай. Только Супершпиону доступна клавиатура матахари (даже *Übermensch* Ницше тут бессилён) — но и среди них ещё не родился тот, кто мог бы исполнить на ней что-нибудь, кроме «собачьего вальса». Мир ещё ждет заброшенности такого посланца (мессии).

Впрочем, даже простейший аккорд, составленный из интонаций матахаризматического повеления, может быть достаточен для переворота. У бедного *Dasein* нет сил противостоять прямому включению, ибо он ещё не знает третью истину заброшенности. В отличие от двойного агента, он полагает, что «хотя другие могут за меня думать, решать, даже бояться, но во всяком случае никто не может за меня хотеть». Двойного агента на этом не проведешь, ибо ему ведома третья истина заброшенности, которая гласит: «В этом мире нет вещей неподдельных, есть только вещи ещё не подделанные».

Именно с провоцирования хотения другого и начинается настоящая работа интригометра, зона сладчайшего, топос, куда вновь сходятся драйвы эроса, логоса и воля к власти. Поскольку, например, у каждого из заброшенных есть резонатор поиска истины (обыкновенное шпионское), отождествление с «путем ученичества» дается легко — естественная идентификация с Карлосом, а не с Доном Ху-

аном; вообще интерес сосредоточен на фигуре, получающей просветление, а не на фигуре, дающей просветление («кеншо»).

Наставляемый на путь истины может поверить гуру, а может оказаться самому себе хитрым, в любом случае он остается по эту сторону чувственно-сверхчувственного барьера — его штирлицу порой просто не хватает шкалы для отмеривания экстаза, который оmyвает дом бытия Супершпиона. Путеводитель по пространству интриг возможен лишь в рамках более подробной феноменологии шпионажа; иногда ее блестящие фрагменты попадают в писания французских моралистов XVII–XVIII вв. — Ларошфуко, Лабрюйера, Сен-Симона, Шамфора и др. Здесь достаточно привести слова одного из лучших агентов Воли-к-Произведению, Льва Толстого, имеющие прямое отношение к теме: «Худший человек — это тот, кто живет чужими мыслями и своими чувствами, а лучший — тот, кто живет своими мыслями и чужими чувствами».

6. Шпион внутри шпиона, а в нем сидит шпион

Про агента Dasein нам известно, что ему всегда противостоит Другой. Начиная с Сартра, почти все заметные представители французской философии писали об этом, далеко не всегда, впрочем, достигая уровня проницательности Хайдеггера. Собственно, против Другого (или Других) и осуществля-

ется шпионаж — и наоборот, спецслужбы СМЕРШ, отслеживающие шпиона (бедного шпиончика), — это глаза и уши коллективного Другого.

Увы, такая упрощенная схема не дает представления о глубинах шпионологического измерения бытия. Тот, кто противостоит Я (Dasein), в качестве Другого не слишком опасен — он не претендует на мое имя, на местоимение «я» в моей речи, для его обмана достаточно элементарной конспирации. Шаг в сторону — и мой голос сливается с голосами других, еще шаг в сторону — и я, оставляя свой автоответчик в хоре других, продолжаю свой диверсионный рейд в тылу врага. Утверждение Лакана, что мое желание определяется признанностью Другого, сильно смахивает на легенду, разыгранную агентом Dasein для представителей спецслужб, — но мы пока отложим рассмотрение этого вопроса, тем более что оппозиция Я и Другого, гораздо более примитивная, чем пара сущность/явление (и тем более видимое/невидимое), на сегодняшний день исчерпала свои эвристические возможности и смертельно надоела.

Реальная опасность, подстерегающая Dasein, а именно угроза собственной аутентичности, состоит не в столкновении с Другим, а в проникновении семян Чужого, паразитарных микрофрагментов, не признающих суверенитета Я ни в качестве «господина», ни даже в качестве «раба», пытающихся оккупировать территорию Я, захватить имя собственное (мое собственное имя). «Чужой» — это не «Другой» хотя бы потому,

что для него не существует статуса Другого, для него Dasein не отвечает на вопрос «кто?».

Откуда же заносится во «внутренний мир» семя Чужого, как оно там оказывается? Послушаем размышления Фрейда, высказанные им, правда, по другому поводу. «Импульсивные желания, которые никогда не переступают через Оно, а также впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в Оно, виртуально бессмертны — спустя десятилетия они ведут себя так же, как и в момент возникновения»¹.

Фактически мы присутствуем при начале истории под названием «Происхождение шпиона», но только речь идет не о Dasein, засылаемом в мир с миссией осуществления своей подлинности, «здесь-бытия», а об опаснейшем враге, засылаемом навстречу, о Чужом, проникающем во внутренний мир. Паразиты Weltlauf (мы, многогрешные) в свою очередь поражены паразитами: «Признать в них прошлое, суметь обесценить их и лишить заряда энергии можно только в том случае, если путем аналитической работы они станут осознанными, и на этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения»².

Следовательно, семена Чужого (или вообще «чужие») — это виртуально-бессмертные обитатели подсознания, как изначально дислоцированные в нем, так и проникшие извне — «Опустившиеся в Оно», по словам

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1991. С. 346.

² Там же.

Фрейда. Все они — производные времени, отпавшие от его естественного течения, некие хронохимеры. Их отличительная особенность в том, что они «не проходят», остаются «теми же самыми» и спустя десятилетия. Психоаналитик борется с ними, играя на понижение («обесценить»), используя, например, такое оружие, как история болезни. Ведь «болезнь» такого рода боится истории: возникшее не проходит лишь в том случае, когда удастся скрыть следы своего возникновения.

Итак, в подвалах бессознательного, где хранятся зародыши монстров, время не течет, сюда и проваливаются обрывки нетекущего или вялотекущего времени, некие нереализованности, «обсессии», не получившие доступа к хроноэкспозиции времен Я. Все они — законспирированные агенты, мечтающие внедриться и овладеть формой Я. В индуистской и буддистской терминологии это «голодные духи», жаждущие перерождения в более высоких аватарах. В Ведах говорится о «сонмище голодных духов», и понятна их ненасытная жажда — ведь плоть всегда в дефиците — вот духам и призракам и приходится вести отчаянную борьбу за воплощение. Поскольку тела, наиболее пригодные для вселения, находятся под юрисдикцией Я, главная диверсионная задача Чужого — отщепить модус субъектности (произвести деперсонализацию).

Конечно, если бы надежда защититься от вторжения сводилась только к «аналитической работе», все тела давным-давно были бы

уже захвачены Чужими — ясно, что внутренняя контрразведка Dasein организована, по крайней мере, не хуже, чем спецслужбы Weltlauf. Множество зародышей-хронохимер блокируются на подступах к сознанию — роль пограничных столбов и колючей проволоки могут выполнять моральные запреты. Все же через КПП проходят не только свои, но также переодетые и хорошо законспирированные «чужие» — их при наличии мало-мальски убедительной «легенды» (вроде фрейдовской «рационализации») пропускают на территорию Я. Само по себе это еще не представляет угрозы. С проникшим агентом может совершиться метаморфоза, уже известная нам как парадокс шпиона: навязчивость вбирает в себя санкционированные цели Я и тем самым работает на штирлица.

Универсальным естественным способом избывания является сновидение, и для понимания происходящего во сне таинства следует обратиться к такому проницательному наблюдателю, как Джеймс Хиллмэн: «Когда мы интерпретируем происходящее с нами во сне как свидетельство психической жизни Я, мы допускаем одну коренную ошибку, проходя мимо очевидной вещи, не замеченной Фрейдом и, разумеется, его последователями. Мы отдаем себе отчет, что снящееся нам есть нечто воображаемое — но «воображаемым» в этом же смысле является прежде всего субъект — тот, кому снится. Я сновидца отличается от бодрствующего Я хотя бы тем, что оно само снится, равно как и все происходящее с ним. Я, видящее сон, есть событие

сновидения, причем основополагающее событие»¹.

Сны, в сущности, мне не принадлежат, поскольку тот, кому они принадлежат, — временный гость в этом теле, пусть даже мой собственный десант, «я-представитель», тихо отслаивающийся в небытие. В океане сновидений Я уступает свою форму и модальность голодным духам — благо, навык делегирования прекрасно отработан в операции *fort/da*. Ребенок забрасывает привязанную катушку, а потом подтягивает ее к себе: агент возвращается с донесением. Пример, предложенный Фрейдом, не случайно стал самой мощной моделирующей системой освоения мира. Лакан построил на нем свою алгебру «маленького объекта» *petit a*, вполне шпионологическую теорию познания. Но в данном случае «*petit a*» не возвращается назад: Я сновидца заранее приготовлено к от-знаванию и от-чувствованию, оно по определению есть «смертник».

Итак, основная операция группы СМЕРШ выглядит следующим образом. Требуется обезвредить свернувшийся в кольцо обрывок ненастоящего времени, который ведет себя воистину как голодный дух, пытаюсь во что бы то ни стало субъективизироваться. Ему и предоставляется его вожделенное, форма Я — но это приманка, разновидность уже упоминавшейся *false self system*. Чужой заманивается в отплывающий кораблик, предназначенный к затоплению, в пустую оболочку, которая развеется с первыми лучами дневно-

¹ Hillman J. The Dream and the Underworld. N.Y., 1979. P. 102.

го света¹. Сновидение выступает как основной прием контрразведки Dasein, осуществляющий нейтрализацию агентуры Чужих, уже пробравшихся через иммунную систему (таможню) Я. Семена сорного времени, потерявшие всхожесть, т. е. способность давать ростки будущего²,отреагируются естественным образом. Через сон идет «отзнавание» повседневных «первичных сцен» — обиды, зависти, ревности, вины. С помощью massированной ночной операции Dasein удастся отвязаться от этих навязчивостей: утро вечера мудренее.

Поэтому наряду с трансцендентальным субъектом познания (Я-познающее), в единство Я входит и трансцендентальный субъект развоплощения конкурентов — от-знавания. Поскольку данная инстанция или является подсистемой штирлица, или находится с ним в теснейшем симбиозе, ее можно назвать «мюллером» — в самом деле, для внутренней службы безопасности Dasein трудно предложить лучшее название. И хотя рабочий механизм от-знавания не менее сложен, чем трансцендентальный субъект познания, а последствия его поломки могут быть просто катастрофическими (утрата аутентичности, безумие) — мюллер

¹ Во сне всякий нормальный человек уступает место шизофренику или потенциальному шизофренику, тем самым избавляя свое бодрствование от этой патологической угрозы.

² Фрейд говорил о виртуально-бессмертных обитателях Оно, но в поисках более точного описания можно обратиться к Гегелю, описавшему «дурную бесконечность» — упрямое, безостановочное перечисление одного и того же. В данном случае мы как раз имеем дело с такой разновидностью дури — с дурным бессмертием.

тем не менее, как и положено Мюллеру, останется в тени. В силу общей неразработанности шпионологического дискурса, наши сведения о деятельности мюллера крайне скупы: его служба «и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна», а между тем — непрерывная реставрация охранных рубежей Я, обезвреживание проникших агентов обеспечивают рутинное благополучие в форме Я, простую длительность подлинного субъекта во времени. Стоит вовремя не распознать кристаллизацию какого-нибудь квази-субъекта из структуры застоявшегося времени — и последствия не заставят себя ждать. Если не удастся вытеснить агента в подсознание — ибо он многолик и набербоval сторонников, не удастся продлить его законспирированность и постепенно перевести ее в сублимацию (т. е. устроить ему «парадокс шпиона»), не удастся вывезти в челноке Я-сновидца и затопить в океане сновидений, — это значит: мюллер спекся.

Приходится обращаться к помощи Другого, прибегать к психоаналитической процедуре — увы, протез не лучшая замена естественному органу. К тому же даже и эти ограниченные возможности психоанализа имеют смысл только на ранних стадиях образования навязчивостей: Фрейд честно предупреждал, что его метод годится только для невротиков, но не для психозов.

Итак, посмотрим, что происходит, когда Dasein не справляется с проникшим на его территорию агентом (агентами). Метаморфоз Чужого разворачивается последовательно, по всем правилам агентурной работы. Сначала сверх-

ценная идея, вытесняя прочие мысли из настоящего (времени), начинает доминировать в аналитическом круговороте, подсовывая трансцендентальному субъекту только себя. Затем она проникает в моторику (навязчивые действия, длинные цепочки шизофренической ритуализации и т. д.). Она все чаще высказывает себя — а Dasein, бедняга, думает, что высказывает себя, а не ее (его). Наконец — итоговая диверсия, перерезание коммуникаций между всеми подсистемами, расщепление Я.

Территория Я, захваченная Чужим или Чужими, это Terra Schizophrenia, поработенная страна, где отменено течение времени и нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего, а царит заикленное в дурном бессмертии ненастоящее: вечное «одно и то же», магия, одержимость. Шизофреник психически и экзистенциально не стареет, поскольку ему нечего предъявить к проживанию-в-будущее. У квазисубъекта принципиально отсутствует внутренняя достоверность возраста.

По существу, вечную жизнь Чужого ограничивают лишь биологические ресурсы организма — (не)собственного тела, или Брата Осла, как называл его Франциск Ассизский.¹ И здесь трудно удержаться от напрашивающегося вывода: чем дольше длится заброшенность Dasein, его пребывание в мире, тем более возрастает вероятность роковой ошибки, допускаемой, например, в работе сновидений, да и в других отделах контрразведки и погранслужбы. Соответственно, возрастает угроза

¹ Тема Брата Осла рассматривается в ряде работ Б. В. Маркова.

решающей диверсии и последующей оккупации Чужим. И коль скоро экспансия империи Terra Schizophrenia радикально пресекается лишь отмиранием захваченных тел, то возможно, что слишком медленное продвижение человечества к своей сверхзадаче — к модернизации или замене самого слабого лимитирующего звена — органического носителя Я, тела — имеет немалый смысл¹. Упрямство глупого Брата Оsla по отношению к понуканиям своего умного младшего Брата Погонщика не потому ли так велико, что вызвано нежеланием возить Чужого седока?

Далее. Нельзя не заметить явный параллелизм между персонажами демонологии и агентами, проникающими во внутренний мир Dasein. Две общие черты можно выделить сразу же. Во-первых, виртуальное бессмертие обитателей Оно (бессознательных мотивов) и проникших в него агентов явно коррелирует с дурным бессмертием призраков, вампиров, голодных духов и прочих кощеев. Характерно, что мифы и сказки практически никогда не сообщают о естественной смерти представителей потусторонних сил — обычно речь идет об их принудительном развоплощении. Появляется герой, который либо отправляет нечисть в могилу вместе с обезображенным, уже ни на что человеческое не

¹ Если бы бессмертие физического тела было обретоно сейчас, оно было бы бессмертием не для себя, а для захватчика, Чужого. Пока теория экзистенциального шпионажа делает лишь первые шаги, синтез тела должен быть приостановлен: в грядущее бессмертие нельзя проносить роковые имена, это слишком опасно.

годным телом — либо возвращает захваченную плоть законному владельцу. Психиатрия пока тщетно ожидает явления такого героя.

Во-вторых, все потусторонние существа психологически *просты*, или, лучше сказать, *атомарны*. Для них характерно нулевое самосознание, полностью совпадающее с функциональным предназначением. Точно таковы и наши агенты: в целостной картине психической жизни они создают *осложнения*, но сами по себе они элементарны. Как мономеры, входящие в состав сложной органической молекулы. Обратимся вновь к Фрейду, пока еще не превзойденному знатоку внутренней контрразведки Dasein: «Если такая психическая организация, как болезнь, существует длительное время, то она ведет себя в конце концов как самостоятельное существо, она проявляет нечто вроде инстинкта самосохранения, образуется своего рода *modus vivendi* между нею и другими сторонами душевной жизни, причем даже такими, которые, в сущности, враждебны ей»¹. Это верно. Но очевидно и другое — как «самостоятельное существо» болезнь никогда не дотягивает до реальности субъекта, она остается типичным квазисубъектом с нулевым самосознанием, демоном, пребывающим в аватаре ракшаса.

Опираясь на эти два пункта, продолжим сопоставления в поисках сходств и различий. Приглядевшись, можно заметить, что демонология и психология как бы описывают разные стадии метаморфоза. В волшебных сказ-

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1991. С. 245.

ках и фильмах ужасов мы сталкиваемся с диссеминацией Чужого, уже «проросшего из семени (споры)» и меняющего плоть как перчатки. Психология (психиатрия), напротив, занимается почти исключительно ранней стадией метаморфоза, когда невротический агент не стяжал еще ни одной субъектной характеристики, еще не отпал от породившей (или вскормившей) его психики и представляет собой *некую особенность поведения*.

Такой разности акцентов есть свое объяснение. Дело в том, что только ранняя стадия метаморфоза Чужого проходит в среде психического и может быть названа психической стадией. Но когда вызревание заканчивается, и из кокона психики вылупляется готовый квазисубъект, монстр, его деятельность уже не поддается описанию в категориях психологии, ибо его собственная «психика» атомарна, определяется простой, далее не разложимой формулой типа «ах, как я зол», «ох, как я велик», «меня хотят убить» и т. д. При этом предыдущая среда обитания, в которой происходило окукливание, теперь напрочь разрушена и представляет собой «остаточную психику», по существу — руины того, что некогда было субъектом.

И здесь юрисдикция психологии заканчивается, поскольку кончается сама сфера «Психе», здесь царство простейших... Остаточная психика шизофреника претерпевает коллапс, автономные территории лишаются права автономии: нет человека более цельного, чем маньяк. Именно он может узнать только то, что «уже знает», и понять лишь то, что «уже по-

нимает»: агент по кличке Dasein и агент по кличке Чужой в равной мере непсихологичны как агенты, только один из них имеет внутренний мир, а другой (Чужой) — не имеет. Психология прежде всего наше внутреннее дело, а коли нет никаких внутренних дел, то нет и психологии (монада Psyche отсутствует).

Нечувствительность современной философии и психологии к шпионологическому измерению препятствует пониманию *метаморфоза* в последовательности (или непоследовательности) стадий. Диалектика, как некая частная процедура, описывает только такие трансформации, где из любой произвольно взятой точки траектории видна точка старта. Между тем путешественнику, вышедшему из царства Психе, назад тем же путем уже не вернуться. Общий случай метаморфоза не сохраняет стартовой точки: эпилептический припадок не связан следом памяти с соседними модусами проживания, он не из этого биографического единства — его время не расходует-ся в манифестации, а значит, не приобретает никакого иноприсутствия. Нельзя помнить того, что не осталось в прошлом, того, что не дано ни в каком иноприсутствии. Диалектика описывает процессы, связанные имманентностью переходов в некой единой процессуальности, но она теряется и спотыкается, сталкиваясь с радикальной заброшенностью, с каким-нибудь строгим метаморфозом, когда течение собственного времени прочно перебивается временем чужого.

К классу таких метаморфозов относится, например, метемпсихоз — душа ничего не помнит

о прежней аватаре, воплотившись в новую — или довольствуется «воспоминаниями», которые сфальсифицированы резидентом (супер-шпионом). Сюда же относятся раздвоение личности, припадок, амок, сон и пробуждение...

7. Подвиг разведчика

Terra Schizophrenia. Выжженная земля. Ослабевший штирлиц как тень перемещается от стены к стене — он даже не знает, в тюрьме он или в лабиринте — во всяком случае, где-то в глубоком подполье. Все захвачено или разрушено Чужими — они пользуются теперь бесхозным имуществом Я. Штирлиц слеп, ибо смотровое окошко сознания уже давно захвачено Чужим — с тех пор все данные восприятия поступают к Одержимому; точнее говоря, к Одержавшему, к Победителю.

— Зачем они ему, — думает штирлиц, — ведь практически вся информация внешнего мира для этого монстра избыточна. Вся моя иерархия целей, глубина замыслов, вся автономия отдельных способностей не нужна этому захватчику, застрявшему в своей мономаниакальной идее.

Кричать, взывать к кому-нибудь бесполезно, да, собственно, и нечем кричать — штирлиц глух и нем. Штаб-квартира Я оккупирована — разумеется, занята и радиорубка, речевой центр Dasein. Чужие поочередно выкрикивают моим голосом какие-то глупости, размахивают моими руками. Осталась тень: я теперь как голодный дух, думает штирлиц.

Степь да степь кругом.

Но надо пробиться к передатчику, попробовать выйти в эфир — это единственная надежда.

Уже не первый раз штирлиц пытается проникнуть в штаб-квартиру, но вслепую, на ощупь — разве пройдешь? На рубежах сознания встречает стража — и сбрасывает вниз, в чертог теней, к слепым ласточкам. Подлые пограничники! Когда-то ведь неплохо служили штирлицу, подстраховывая дальность броска... Вновь звучат некогда пропущенные мимо ушей слова мюллера, звучат тихо, как только способен передать их внутренний голос внутреннего голоса:

— Никому нельзя верить.

Даже себе.

.....

Мне — можно.

Золотые слова. Поздно, слишком поздно.

Однако час выбран удачно, кажется, ранний рассвет, точка перегиба всякого метаморфоза. По фоновой вибрации передатчика штирлиц угадывает порог Штаб-квартиры. Стража до сих пор не спохватилась. Есть шанс. Собраться с силами — во что бы то ни стало.

Невероятно, пройдены все посты. Еще мгновение — есть! штирлиц прильнул к смотровому окошку сознания. Свет по векам ударил, трубы зазвучали, подключились блоки оперативной и долгосрочной памяти. Впервые за несколько лет восстановлена полнота присутствия Dasein. Но надо спешить. Не то слово, нельзя терять ни минуты. Передатчик Dasein начинает по всем частотам транслиро-

вать сигнал бедствия. Сигнал — мольба о последней надежде с Выжженной Земли, он не изменился с тех пор:

Я, Гей-Земля, взываю к Тебе —

О, Зевс-Громовержец, спаси что осталось...

Задумчивый психиатр смотрит на пациента. Опять новый голос, какой-то незнакомый, совсем охрипший. Опять никакой логики. Delirium. Обострение. Придется завтра госпитализировать.

Ясно, помощи ждать не приходится. Вот если бы был экзорцист, умевший изгонять Дьявола, — но та техника уже никому более не ведома. Этот даже не понимает, *кто говорит*. Ему и невдомек, что речевой центр захватывается в первую очередь — сразу после Диверсии. И вместе со всеми подсистемами, с инстанциями резонов и аргументаций.

Все, передатчик отключен — больше ни слова. Теперь действительно последний шанс. Разведчик включает правую панель моторики. Скорее, надо успеть. Чужие уже ломаются в Башню — спохватились, гады. Ноги слушаются плохо, руки едва шевелятся, дыхание сбито. Понятно, почему маньяк такой сильный — ему ведь не жаль этого тела.

Добрести до дома. Так. Где-то была веревка. Вот она. Не до мыла, поздно. Выдержит ли крюк? Штирлиц снова слеп — чужие отключили восприятие с левой панели. Но веревка затянута: сейчас, негодяй, сейчас, сволочь. Матахари, хватило сил, табуретка упала. Все, Чужой уничтожен.

КНИГА НОМАДА

Это сочинение представляет собой разрозненные мысли номада и столь же разрозненные попытки метафизического анализа номадизма. Концы с концами никак не связываются, но книгу номада я мыслю себе именно так.

1. Дорога как введение

Мы попробуем рассмотреть хроносорный аспект дороги или, иными словами, дорогу как неповторимую единицу происходящего. Экзистенциал дороги пропущен Хайдеггером и тому есть несколько причин. Во-первых (об этом еще пойдет речь), проект *Dasein* предназначен для оседлого человечества, пойманного в силки и одомашненного. Во-вторых, прогрессирующее забвение бытия коснулось дороги едва ли не в первую очередь. Самоупразднение Дороги представит как знамение эпохи Графиков и Расписаний. Современные дороги (точнее сказать, трассы) прокладываются так, чтобы обойти стороной сферу воображаемого и миновать испытания; идеальный пассажир современных трасс неподвижен, он даже не входит во внутреннее время пути, пребывая в оцепенении. В идеале из пункта А в пункт Б перемещается только тело, усилия транспортных компаний направлены на то, чтобы оградить перемещаемое тело от внезапной и труднопредсказуемой полноты присутствия: иначе возможно, что в пункте Б придется иметь дело с совсем другим человеком. А эпоха Гра-

фиков и Расписаний обязана обеспечить минимальную самотождественность *командированного* во всех пунктах.

Между тем Дорога, как все еще сохраняющийся экзистенциал, знаменует выпадение из Времени Циферблатов и вхождение в поток происходящего, отдаленный от строя повседневности. Хроносенсорная автономность делает дорогу трансцензором фонового времени.

Дело происходит примерно так: все привычное, связанное с жестким расписанием будней переводится в категорию внутримирно-встречного (Хайдеггер), переставая быть единственно возможным. Пресловутая «озабоченность» разжимает свои тиски. Все, что я ежедневно делал, теперь отложено, и в результате операции откладывания оно скукожилось, поникло, утратило настоятельность настоящего. Отсрочено не только то, что я делал, но и привычный ход мыслей, так называемых «паразитарных ожиданий», заполнявших все пустоты в графике ежедневных дел. Дорога еще не привела меня никуда, но уже вызволила из-под пресса времени, я освободился от занятий, которыми был занят, и теперь их шеренга сомкнулась предо мной, вернее, за моей спиной — и я волен смотреть на *срочные занятия*, съезжившиеся в модусе «без меня», отстраненно, безучастно, едучи в этом смысле «спиной вперед».

Это часть пути, когда мы думаем о том, что покидаем: удаляющийся объект сжимается в точку согласно законам перспективы. При этом изымается из-под хрономаскировки,

выводится в непотаенность событийный горизонт, который, кажется, и нельзя было представить *без меня* — а теперь он не только мыслим, но и по-своему ясно видим. Если дорога не экранирована от собственного времени пути, если нет маниакальной заикленности на пункте прибытия, мы непременно ощутим предчувствие номада. Оно гласит: а вдруг без меня прекрасно обойдутся и те, кому я обещал, и те, кого я приручил? Пока это только предчувствие, но оно истинно. Просто не было времени подумать об этом, потому что время, которое было (Время Циферблатов), характеризуется минимальным хроноизмещением (дефицитом, нехваткой) и принципиально исключает из себя номадическое влечение, опыт иного бытия.

И вот теперь, под стук колес (допустим), свершается трансцендирование, преодоление собственной неизымаемости. По сравнению с этой прямой трангрессией интеллектуальное трансцендирование вторично. Да, человек устроен так, что, «находясь внутри храма, может одновременно увидеть сверху его золотые купола» (Н. Б. Иванов) — и только этот необъяснимый дар делает нас мыслящими существами. Но способность трансцендирования в рефлексии зависит от более фундаментальной операции — от способности предъявлять к проживанию иное время и переходить к измененным состояниям сознания. Каждое такое превращение опирается на особый метафизический предмет, который можно назвать трансцензором. Дорога выступает как трансцензор времени — наряду

с другими измененными состояниями сознания, но в явном отличии от них.

Наряду, ибо вполне возможно сравнение с таким трансцензором времени, как жидкий кристалл алкоголя. Выпивка ведь тоже позволяет дистанцироваться от принудительности жизни, выскользнуть из-под пресса Времени Циферблатов, она отдаляет близких и делает близкими случайно приблизившихся далеких. Однако пользование этим трансцензором высвобождает лишь призрачных Я-представителей с коротким периодом полураспада. Того, кому сегодня все ясно, завтра уже не будет — поступь Времени Циферблатов сотрет его вместе с мимолетной ясностью.

Хроносенсорика дороги лишена принудительной последовательности, связанной с распадом актуализуемого виртуального Я. В момент перехода (в точке старта) образуется временной коридор, с узкими стенками, оставляющими тем не менее свободу маневра. Сразу же можно выделить три существенных момента обретаемого собственного времени: 1) спиной вперед — возможность сжать объекты озабоченности в точку и вырваться из окружения, преобразовав его в линию удаляющегося горизонта; 2) бытие-навстречу. Это резкое ослабление ежедневно воспроизводимых обязательств, направленных на самого себя; 3) оглядываться по сторонам — едва ли не самая интересная возможность, предоставляемая трансцензором. Она точно обозначена поэтом:

Виток дороги — еще не итог дороги,
Но виток дороги важнее, чем ее итог.
(Ю. Левитанский)

Номадическая траектория конституируется дорогой, экстраполируемой в вечность, но даже разовый глоток пробного бытия уже пробуждает предчувствие.

2. Под стук колес

Пристальное внимание к собственной размерности дороги (к хроносенсорике) показывает, что выбор транспорта отнюдь не безразличен. Для попадания в желаемое место (действительно желаемое) он так же важен, как и правильный выбор направления.

Вот я еду на поезде по Западному Казахстану, выхожу на станции Эмба, разглядываю убогие станционные постройки, облупившуюся краску, чахлые пыльные деревца. Пригодность этого места для жизни почему-то вызывает сомнения. Но если бы я приехал сюда со стороны степи после многодневной езды на арбе, я попал бы в другой город с тем же самым названием (что не меняет дела), с теми же постройками, но не убогими, а преисполненными своеобразного величия. Это могло бы случиться в тот же самый час с точки зрения внешнего фонового времени, но события в любом случае принадлежали бы к разным временам — ведь совпадение проекций на шкале циферблатов, оповещающее о «настоящем времени» данного момента, отнюдь не устраняет разности темпоральных

порядков, которые могут быть совершенно инопланетны друг другу. Насильственная синхронизация всего на свете по календарю и часовой стрелке далека от создания настоящего: получается лишь синтетическая одновременность, огибающая множественность собственных времен происходящего наподобие ленты Мебиуса.

Абстрактное «время в пути» выравнивает все дороги в общий рельеф синтуры (если воспользоваться термином Станислава Лема): замуровываются сквозные коридоры, через которые может ворваться бытие-навстречу. И дело не в том, что по этим трассам от себя не уедешь — исключена даже возможность различить *то же самое* и *иное*.

Только дорога вне графика, выбивающаяся из расписания, разворачивается в собственном времени, создавая туннельный эффект выхода из Времени Циферблатов, дистанцирования от озабоченности. Только в этом случае мы имеем дело с путе-шествием, а не путе-глотанием.

О том, что дорога дороге рознь, говорится во многих сказках. Направо пойдешь — случится одно; прямо или налево — совсем другое. Однако вполне возможно, что все три дороги, начинающиеся от камня на развилке, ведут в один и тот же «географический пункт» — сказка опускает такие подробности как не относящиеся к сути дела. Ведь для метафизики пути важнее другое: то, что дорога это прежде всего удаление от дома, удаление от ловушки привычного и приближение к непривычному. То есть к себе. Сближение с

собой есть основное свойство пути — совсем не обязательно в метафорическом смысле как «пути к истине» или «пути к спасению». В любом путешествии самым удивительным первым встречным могу оказаться я сам. Возможна и проблема с узнаванием, возникающая из-за того, что нет привычных других, кому я могу передоверить свое присутствие. Круг повседневных дел, в котором я был распределен, теперь сжался в точку, все мои двойники-дубли, выполнявшие за меня работу бытия, — развоплощены. И кто теперь этот незнакомец?

3. Вопрос о скорости

Нет ли противоречия между двумя экзистенциальными характеристиками дороги — трансцендированием, т. е. переходом в измерение, которое является иным по отношению к «обычному», и самообретением, восстановлением подлинности бытия? Почему подлинное непременно должно иметь вид потустороннего?

Обратимся к элементарной феноменологии номадизма. Трансцендирование как заступление за горизонт есть некое движение от себя, оно всегда направлено отсюда туда. Но перенос центра тяжести создает двойственное, неустойчивое положение. С одной стороны — «Человек, стоящий на цыпочках, долго не простоит» (Лао-цзы). А с другой — центр тяжести может быть стабилизирован и в новой точке. Выдвижение в иное порожд-

дает угрозу аутентичности, однако самосборка в новом хронотопе остается вполне возможной.

Я-покидаемое и я-обретаемое, разумеется, не одно и то же. Пока колеса стучат по рельсам, отсчитывая километры — сотни, тысячи километров, происходят важные трансформации. Они связаны не только с выходом из круга привычных обязанностей, перемены касаются и непосредственно телесности. Казалось бы, что может поколебать внутреннее ощущение себя в *этом теле*? Но если нет подтверждений со стороны моих близких и знакомых, их периодической реакции на облик — тогда внутренний резонанс не срабатывает, волнам признанности просто неоткуда отталкиваться. Ситуации подобной *неловкости* возникают сплошь и рядом, и сам термин справедливо указывает на телесное состояние определенной дискоординации. Отсюда, кстати, видно, что ловкость записана не в мышечном тонусе, а в совокупной санкции внешнего мира — если речь идет о ловкости (уместности) бытия. Но «неловкость», растянутая во времени, требует уже перегруппировки, опробования нового тела. Один только внутренний образ бытия-в-этом-теле оказывается недостаточным, сумма реакций других выполняет для человеческого тела ту же функцию, что и земное тяготение, — только на более высоком уровне.

Отсутствие визуального подкрепления привычной телесности и такого же подкрепления устоявшегося ролевого репертуара

есть верный признак совершаемого трансцендирования — «брошенность», говоря словами Хайдеггера, только речь идет о брошенности в свободное падение.

Ситуация продолжающегося броска совершенно иная, чем самосборка в новых стационарных условиях. Стабильные условия просто переакцентируют уже имеющиеся навыки адаптации: по мере обнаружения подходящих свободных ниш в них тут же прорастают новые дубли, к ним присоединяется биографическое единство и т. д. Понятно, что самосборка в точке заброшенности может оказаться не столь комфортной, как прежде, но все же она ориентирована на некий типовой образец и в этом смысле достаточно рутинна. Иное дело — длежащее пребывание в пути. Тут моя расплывчатость встречается с другими расплывчатостями — скажем, меняются попутчики в купе, потом я выхожу и иду (еду) дальше. Негде сгруппироваться, никак не обрести тяжелым телом, поскольку отсутствует гравитация фиксированных взглядов, система координат, вынуждающая носить громоздкий панцирь бытия-в-признанности.

Вот почему тело путешественника я назвал бы астральным телом — оно все время имеет пробный характер, удерживая только летучие элементы формы, обеспечиваемые лишь собственным притяжением кочующего центра личности. Это легкое тело и сопутствующая ему легкость на подъем есть важнейшее достояниеномада, Воина Блеска. Легкому телу меньше свойственна усталость, как,

впрочем, и *полезная работа*. Набранный импульс скорости позволяет пробивать плотные слои озабоченности — вплоть до омраченности существованием; только вечное и мгновенное входят в интеллектуально-чувственный резонанс, складываясь в вектор бесконечной дороги.

Впрочем, для того чтобы этот драйв стал не просто значимым, а действительно неутолим и самовозрастающим как логос эллинов, необходимо набрать третью номадическую скорость, т. е. обрести нулевую массу покоя. Падение энергетического уровня и переход к номадическим скоростям низшего порядка ориентирует траекторию номада параллельно заботе. И виртуальное Я, скользящее по орбите устойчивой социальности, вызывает печаль. Остается след, по которому можно пройти, запеленговать пунктир брошенности.

Вот я прохожу по улице Жуковского в Петербурге и обращаю внимание на витрину пустого магазина, закрытого на ремонт. На пыльном витринном стекле чьим-то пальцем выведена строчка: «Негде котику издохти...» След номада. Быть может, трагедия Агасфера вовсе не в обреченности на вечное скитание, а именно в невозможности набрать третью номадическую скорость и вырваться из посястороннего. Взгляд Пославшего неотступно следит за ним, не позволяя совершить метаморфоз Я. Приговор свыше всегда однозначен: «Ты все тот же».

Это приговор особой тяжести, пока от него не избавишься — далеко не уедешь. Необ-

ходимо прежде всего отрваться от слезки, от «фикции Я», как сказал бы Ницше, — но эту инстанцию надзора обмануть труднее всего. Единственный шанс — пребывание при синтезе вечного и мгновенного. Дом Бытия должен быть поставлен на колеса, спущен на воду, но ясно, что не каждый захочет (и тем более сможет) пить из этой чаши. Существующие здесь различия гораздо глубже национальных, расовых или половых — деление на прикованных и неприкаянных указывает на принципиальный водораздел двух способов производства и удержания человеческого в человеке.

4. Регистр скоростей

Какие перемены происходят в экзистенциальном измерении человека при выходе на номадические орбиты? Говоря в общих чертах, происходит *обрыв связующих нитей*. Интуиция русского языка побуждает воспользоваться словом «привязанность», что в данном случае куда нагляднее, чем немецкое «забота» (Sorge). Можно сказать, что сеть привязанностей образует каркас заботы, и тогда нетрудно визуализировать поэтапное или внезапное избавление от пут.

Вполне уместна и аналогия с астрофизикой: как известно, первая космическая скорость обеспечивает выход на околоземную орбиту, вторая дает возможность для межпланетных перемещений, третья требуется для того, чтобы покинуть пределы Солнеч-

ной системы. Нечто подобное обеспечивает и регистр номадических скоростей — скорость тут выступает как показатель обретенной свободы, а свобода как результат набранной скорости.

Привязанности сплетаются в ткань бытия, в этой ткани и прочные нити повседневности, и те нити судьбы, которые ткут Мойры, и даже те, которые Кант называл «максимами моей воли». Морально-этическая природа связей в данном случае несущественна, имеет значение лишь их прочность на разрыв. Набор даже первой номадической скорости требует обрыва и «прочных уз» и «тяжких цепей», усилие дистанцирования не может избирательно обрывать одни, щадя другие.

Мир многими способами достает и повязывает нас. Чем мы привязаны к ближним? Великой силой инерции, зависимостью взаимозаботы, уже упоминавшимся визуальным подкреплением собственной телесности со стороны «любящих других». В одном случае обрыв привязи (привязанности) затруднен страхом («Как же я без этого, без своей работы, дачи, избы-читальни, тюрьмы, etc.»), в другом случае — жалостью, тем же страхом, только перенесенным на другого, но так или иначе номада характеризует лишь абсолютная величина прочности преодоленной связи. Возможность выхода на ту или иную орбиту суверенности тоже определяется общим количеством оставшихся позади об(в)язательств: чем больше обрывков болтается, тем выше орбита и скорость перемещения по ней.

Обрывки натянутых уз отрывают, конечно же, и частицу меня самого, и если номад все же выбирает свободу, то вовсе не потому, что считает ее похожей на витаминный бальзам и ополаскиватель в одном флаконе. Быть может, он просто услышал позывные чистого авантюрного разума и оценил их непревзойденную музыку. Номадический драйв вовсе не ведет в сторону «лучше», ибо та шкала, на которой откладывается лучшее в противоположность худшему, остается где-то сбоку. Излишне говорить, что траектория номада пролегает по ту сторону добра и зла.

Легкость на подъем обретается воином в дороге, если дорога достаточно длинна по сравнению с пребыванием в пунктах назначения, она создается не только выходом из привязанностей, но и утратой массы покоя. Как принято писать в соболезнованиях: «Мы понесли тяжелую утрату». Тяжесть утраты обусловлена как раз тем, что в сброшенном балласте остается не только груз забот, но и весомость бытия, уверенность в своей собственной самости. Набор первой номадической сопровождается неизбежным чувством никомуненужности, которое следует преодолевать как звуковой барьер. Но уже первая щемящая нота (огромное небо затягивается тучами, или зевает сосед по купе, совершенно мне не знакомый и предвещающий появление множества других незнакомых) останавливает большинство путников. Они сворачивают с дороги, им дальше не по пути, им не нужно по ту сторону, да и попро-

сту нет скорости, чтобы проскочить этот звуковой барьер. И путник возвращается, пространством и временем полный, чтобы путешествовать на листе бумаги или на экране, куда спроецированы лучи чужого воображения. Номад же преодолевает звуковой барьер, попутно приобретая некое знание, лучше всего сформулированное в книге Чжуан-цзы: «Уважать родителей легче, чем их любить, любить родителей легче, чем их забыть, забыть родителей легче, чем заставить родителей забыть о тебе, заставить родителей забыть о тебе легче, чем самому забыть обо всем в Поднебесной, забыть обо всем в Поднебесной легче, чем заставить всех в Поднебесной о тебе забыть». Каждый шаг в этом направлении знаменует утрату очередного кванта массы покоя.

Но и преодоление звукового барьера еще не гарантирует истинной пустоты. «Если в поисках своего места в жизни ты наткнулся на очередь — знай, что ты забрел не туда» — гласит одна из заповедей номада. Дальнейший путь пролегает через разреженное облако маргиналов. Они выброшены из черты оседлости, оторваны от социального тела, но все же сбиваются в стаи (в тусовки, банды, таборы). Они держатся поодаль, но движутся параллельно общему курсу *Weltlauf* и потому отчетливо идентифицируются как анти-частицы, асоциальные элементы. Изгои, бродяги, уголовный мир. Ускорение, недостаточное для отрыва, хотя и приводит к отрицанию моральных норм устойчивой социальности (экзистенциальной

оседлости), но все же стая имеет свои волчьи законы и связана страхом их нарушить.

На малых скоростях, где число степеней свободы ограничено, всегда существуют точки кристаллизации и вокруг них взлетающая и оседающая пыль — унесенные ветром, лишенные суверенности самопричинения. В определенные периоды истории, когда происходит общее ослабление социальных связей (революции, гражданские войны, обвал столпов нравственности), мы видим повышенную концентрацию неприкаянных. Из них лишь немногие обретают устойчивость в движении, свой Дом Бытия на колесах, большинство готово променять ужас неприкаянности на любую степень послушания. Только истинный номад, доброволец и профессионал неприкаянности готов к ежедневному началу бытия-заново.

5. Три истории о Клирике

Эти три истории, неприхотливые в литературном отношении и лишь отчасти документальные, весьма полезны для иллюстрации вышеизложенного и для пояснения дальнейших разрозненных мыслей.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Леха Шалый с бригадой катал работали на поезде Архангельск — Киев, собирая «налоги» с вахтовиков. К беспределу был не склонен, оставляя обиравым как минимум поло-

вину. Слишком большие компании обычно не трогал, хотя по настроению мог пойти и на риск. Леху уважали за правильную интуицию (пруху), за ничтожный процент неудач и отсутствие мокрых дел.

День, когда произошла встреча с Клириком, начался как обычно. Проводник вагона объяснил, какие купе следует трясти; пятое было последним. Леха и двое его ребят открыли дверь специальным ключом, Шалый привычно поинтересовался, все ли хотят доехать до дому живыми. Трое вахтовиков-нефтяников, быстро перепробовав все возможные возражения от угроз до причитаний («целый месяц вкалывал», «дома дети малые»), смирились перед более убедительными аргументами, среди которых был и пистолет. Тем более что Леха объяснил: сами не отдадите сколько надо — обшманаем и все заберем.

Четвертый попутчик, лежа на верхней полке, с интересом наблюдал за происходящим.

— Ты чего разлегся? Давай слезай и плати.

— А сколько с меня? — поинтересовался пассажир.

— Сам называй половину. Только учти, попробуешь зажать — заберем все.

Человек приветливо взглянул на Леху:

— Я-то не совру. А ты возьмешь половину? Иначе фарту не будет, ребята знают, — спрыгивая с полки, четвертый пассажир подмигнул спутникам бригадира.

— Слово, — ответил Леха, окидывая взглядом потрепанные джинсы и еще более

потрепанный чемоданчик, доставаемый с багажной полки.

Человек открыл чемодан, извлек из него сменную рубашку, шерстяные носки, складную удочку, Библию и, наконец, кошелек. Из кошелька он вытащил монетку и протянул Лехе.

— Что это? — спросил бригадир.

— Это десять эскудо, португальская денежка.

Леха кивнул ребятам, те без лишних слов похлопали фраера по карманам и развели руками. Бригадир швырнул монетку в раскрытый чемодан и повернулся, чтобы уйти.

— А слово? — лучезарно улыбаясь, спросил человек.

— Что слово?

— Ты обещал взять половину? Бери.

Каталы недоумевающе посмотрели на странного пассажира. Тот пожал плечами:

— Мне-то что. Тебе же с ребятами фарту не будет. Вдруг пруха возьмет и кончится? И что вам тогда этот поезд?

— Во дает, чудила, — не выдержал один из нефтяников. Однако бригада молчала, сообразив, что происходит что-то неладное.

— Прикинь, Леха, видать, не фраер, — пробормотал напарник.

— Почем курс твоей паскуды? — спросил Леха.

— Девяносто семь копеек за десять — на вчерашний день.

Помолчав секунду Леха Шалый выругался и произнес:

— Ну что ж, мужик, ты выиграл. Штуку возьмешь?

— Нет, спасибо, Алексей, каждому свое. Я не в обиде. Вот просьба небольшая к тебе есть.

— Ну, говори.

— Видишь ли, мне не очень надо в Киев. То есть я не спешу. Давай я сойду с вами, ты меня покормишь ужином, а завтра посадишь на следующий поезд. Идет?

— Ты о чем, в натуре, говоришь?

— Я правда не спешу. А вот выпить и перекусить не помешает. Кстати, подарок примешь от меня?

— Какой подарок? — Леха Шалый снова ничего не понимал.

— Да вот эту книжку. Возьми.

Леха растерянно повертел в руках Библию и покачал головой:

— Тебе нужнее. Мне некогда такие книжки читать.

— Я ее и так наизусть помню. Так что тебе нужнее, тем более что там про тебя написано.

— Ты съехал, что ли?

— Ну давай проверим. Если ты, конечно, не очень торопишься. Раскрой наугад.

Бригадир катал Леха Шалый, немало повидавший на своем веку, послушно раскрыл книгу:

— Ну?

— Какой номер страницы?

— Ну, 222.

— А, это Второзаконие, — сказал человек и на минуту задумался. — Вот, скажем, стих 66. Проверь.

Каталы склонились над Библией. Не меняя интонации, странный пассажир продекламировал:

— «Жизнь твоя будет висеть пред тобою и будешь трепетать ночью и днем и не будешь уверен в жизни твоей...»

Леха не сразу нашелся, что сказать, молчали и подельники. Наконец бригадир спросил:

— Поп какой-нибудь?

— Ну, не совсем. Я клирик, хотя это неважно. Так как насчет просьбы, договорились?

— Ну пойдем, коли не шутишь.

Каталы и Клирик сошли в Рязани.

Затем был ужин в ресторане. Клирик с удовольствием пил коньяк, оказавшись к тому же мастером неназойливой беседы. Леха с ребятами единодушно отметили важное качество, нечасто встречающееся в людях: «Никакого напряжения».

— Переночуешь у меня на хате, — сказал Леха. — А завтра посажу на поезд. Ну и штуку все-таки возьми...

— Идет, — коротко ответил Клирик.

Распрощались с ребятами, и бригадир повел Клирика домой. Шли через парк; Леха, будучи в прекрасном настроении, стал излагать свою любимую мысль о том, что пруха всегда исходит от Бога. Клирик согласился, что этот тезис будет посильнее онтологического доказательства Ансельма Кентерберийского.

Когда до дома оставалось метров сто, Леха Шалый вдруг ощутил резкую боль в за-

тылке и потерял сознание. Он пришел в себя, когда уже светало. Несмотря на страшную боль, прежде всего обшарил карманы и убедился, что они пусты. Не осталось ничего — ни пистолета, ни денег, ни документов. По словам Лехи, рядом лежал лишь скомканный листочек, вырванный из Библии. Простым карандашом были подчеркнуты два стиха из Второзакония.

66. Жизнь твоя будет висеть перед тобою и будешь трепетать ночью и днем и не будешь уверен в жизни твоей.

67. От трепета сердца твоего, которым ты будешь объят, и от того, что ты будешь видеть глазами твоими, утром ты скажешь: «о, если бы пришел вечер!», а вечером скажешь: «о, если бы наступило утро!»

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

История была рассказана господином Жеромом Кюйсмансом, гражданином Бельгии.

По словам месье Жерома, он стоял в очереди в Пулковском аэропорту для прохождения таможенного досмотра, когда к нему подошел человек и с приятной улыбкой, характерной больше для Америки, чем для России, предложил вместе с женой пройти для проверки документов в отдельное помещение. Еще по пути Жером Кюйсманс успел подумать, что и среди русских чиновников есть люди, неплохо владеющие французским.

В таможенном помещении оказалось два стула и дверь в соседнюю комнату. Именно туда и удалился чиновник, попросив билеты и паспорта. Вскоре он вернул билеты и документы супруге Кюйсманса, а ее мужа попросил еще пару минут подождать. Месье Кюйсманс заметил, что уже начинается посадка, но в ответ таможенник рассмеялся и заверил, что «самолет без нас не улетит».

Однако самолет улетел без Жерома Кюйсманса и его прекрасной половины, что выяснилось лишь через час, когда возмущенный бельгиец, открыв дверь, обнаружил, что ведет она не в соседнюю комнату, а в коридор с множеством других дверей. Выяснилось также, что, в отличие от поддельного, настоящие таможенники, равно как и милиционеры, по-французски не говорят.

Таким образом Клирику удалось выиграть драгоценное время: запрос в Брюссельский аэропорт пришел через полчаса после посадки.

Прошло несколько месяцев, бельгиец забыл о своих неприятностях, а историю с таможенником рассказывал скорее как забавную, придумав даже эффектную концовку в виде афоризма: «Бойся русского, который всем своим видом вызывает доверие».

Реальная концовка оказалась, однако, несколько иной. В один прекрасный день, выходя из дому, бельгиец столкнулся нос к носу с пулковским псевдотаможенником. Пока в голове у бедняги лихорадочно прокручивались варианты поведения — бежать, спокойно пройти мимо, возмутиться, позвать на по-

мощь, поздороваться, — Клирик вежливо поздоровался сам:

— Благодарю вас, месье, за предоставленную возможность увидеть вашу страну. Она мне понравилась более многих других.

Кюйсманс отметил блестящие успехи в произношении.

— Я возвращаю вам ваш паспорт и приношу извинения за доставленные неудобства. Поверьте, если бы не вы, мои неудобства могли бы быть гораздо более существенными.

— Не ожидал, по правде говоря, вас увидеть, — ответил все еще растерянный Жером.

— Да, хороший повод поразмышлять, чем случайные встречи отличаются от неслучайных. Деньги за билет, если вы не возражаете, я верну вам завтра.

Клирик посторонился, давая возможность месье Кюйсмансу пройти. Тот почему-то медлил.

— Вы, может быть, не верите, что завтра я верну вам долг?

— Да кто вас знает, — ответил Жером, наконец-то придя в себя.

Клирик пожал плечами, улыбнулся, затем сказал что-то на незнакомом языке. Жером автоматически переспросил: «Что?»

— Каждому воздастся по вере его...

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

История представляет собой сбивчивый рассказ, записанный со слов Татьяны Тетериной, школьной учительницы.

«Познакомились мы, когда я возила свой класс в Пушкинские Горы. Ехали в автобусе вместе от Пскова, он был с рюкзаком. Спросил, нет ли чего-нибудь почитать. Ну, я честно сказала: только учебники, вот “Органическая химия” за 9–10-й класс. А он говорит: “Ну что ж, давайте”. И читал внимательно всю дорогу. Под конец я уже не выдержала и спрашиваю: неужели интересно? А он и говорит: “Интересно, но кое-что не совсем понятно”. — “Что же вам непонятно?” — спрашиваю. Оказывается, его заинтересовал термин “сублимация”. Я вдруг ни с того ни с сего стала ему объяснять. Он слушает, как будто бы очень заинтересованно, а потом спрашивает: “Скажите, девушка, вот тут мне еще одно замечательное слово попало — *крекинг*; оно имеет отношение к сублимации?” Я отвечаю, что нет, а он мне: “Очень жаль”.

Вот. Потом в Михайловском еще виделись. Потом, уже в Питере, он мне позвонил. Или я ему позвонила, точно не помню. Я вдруг сообразила, что крекинг и сублимация из неорганической химии, и в той книжке, что он читал, этого быть не могло».

Более подробно о встрече с Клириком Татьяна рассказала на следующий день.

«В Пушкинских Горах, где я была на экскурсии, там рядом со Святогорским монастырем есть Пушкинский центр, новое здание. Я хотела оттуда позвонить, а милиционер у входа говорит: “Телефон только местный”. Я стою в растерянности, не знаю, что делать. А он, видимо, издалека меня заметил и направился ко

мне. Ну, думаю, сейчас начнет говорить, про то, как волосы развеваются на ветру или про стройные ножки. Он подходит и говорит: “А знаете ли вы, девушка, что в Михайловском и окрестных селах до сих пор проживают внебрачные потомки Пушкина? Александру Сергеевичу, говорят, случилось полюбить молодую крестьянку”. — “Все может быть, — отвечаю, — ну и что?” — “Ничего. Вы посмотрите на того милиционера”.

Я оглядываюсь, смотрю — действительно, небольшого роста, смуглый, волосы волнистые, можно даже сказать, кудрявые. Я поневоле улыбаюсь, а он спрашивает: “А знаете, почему я догадался?” — “Что ж, говорю, есть определенное сходство”. — “Сходства мало, есть и доказательство”. — “И какое же доказательство?” — спрашиваю. “А вы посмотрите, что он делает?” Я говорю: “Ничего не делает, апельсин ест”. — “Верно, — говорит Клирик (я сначала ослышалась, думала, что он Кирилл), — ест апельсин, и притом не первый”. Я пожимаю плечами: “Ну и что?” — “Как что, это и есть главное доказательство”. Я, конечно, смотрю на него с недоумением, а он продолжает: “Позвольте, если вы не в курсе, напомнить вам, прекрасная девушка, одну историю из старых записных книжек Вяземского. Поэт Вяземский приводит один забавный казус, связанный как раз с тем, что солнце нашей поэзии необыкновенно любило апельсины. И вот однажды, зная эту слабость, графиня Воронцова — а дело было в Одессе — решила устроить розыгрыш. Сговорившись с гостями, она велела слугам аккуратно удалить

из апельсинов содержимое, так, чтобы это не бросалось в глаза. Дело было исполнено в точности. И вот начинается ужин, разливают шампанское, гости в предвкушении розыгрыша. Пушкин выпивает бокал, тянется, по обыкновению, к апельсину, берет его в руки — и хохот гостей можно себе представить. Но, как известно, Александр Сергеевич был мастером экспромта и ничуть не растерялся. Взглянув на апельсиновую кожуру, он тут же продекламировал:

Скажи, о шкурка апельсина,
Где ты росла, где ты цвела?
Какая подлая скотина
Всю середину сожрала?"

Рассказал он мне эту историю, мы стоим и хохочем. Я вообще не могла успокоиться: взгляну на милиционера и снова заливаюсь. Так мы и познакомились. Потом, уже в Питере, он мне позвонил. Или я ему позвонила, сейчас не помню».

Из дальнейшего, еще более сбивчивого повествования выяснилось, что роман продолжался около двух недель. Татьяна, по ее словам, очутилась на планете, где течет другое время. Ни одна их встреча не походила на другую, каждая разворачивалась под своим собственным знаком — так правление очередного императора в Китае сопровождалось новым девизом. Свои планы на завтра Клирик сообщал только завтра; Татьяна так и не привыкла к этому, но постепенно ей стало хватать того, что завтрашний день наступит. День наступал как новый узор калейдоскопа: поездки, прогулки, любовные игры

и беседы. Витражи страсти, скрепляемые маленькой размовкой или не скрепляемые ничем. Раскадровка времени определялась не сменой дня и ночи и тем более не стрелками часов, а теми моментами, когда Клирик уходил или приходил, переключая черную межкадровую полосу, пропасть отложенной жизни.

«Он жил быстрее, у него не было пауз. И это единственное, чего мне не хватало в нашей любви. Времени, чтобы распробовать, чтобы стало просто хорошо и спокойно. Я все спрашивала его, что с нами будет, а он смеялся и втягивал в очередную авантюру. Мы просыпались всякий раз в новом городе, и я никак не могла поверить, что это мой родной Петербург. Он цитировал каких-то поэтов и философов, не называя имен, и я забывала спросить его и забывала запомнить. Кое-что, правда, запомнилось, кажется, из Сартра: «Любовь — это ежедневно возобновляемый выбор друг друга». А меня расспрашивал про уроки химии, почему-то это всегда оказывалось очень смешно. Я знала, что он уйдет, я только думала: может быть, не насовсем».

До встречи с Клириком Татьяна не подозревала, насколько люди верны друг другу — не в каком-то особом смысле, а, так сказать, привычно верны. Потребовался исключительный случай, чтобы запеленговать эту инерцию верности, главную причину, благодаря которой мы живем так, как мы живем. Своим открытием Татьяна была обязана человеку, у которого инерция верности напрочь отсут-

ствовала — благодаря чему он жил так, как он жил.

И момент расставания наступил. Таня Тетерина поняла это за минуту до того, как Клирик сказал: мне пора.

«Напоследок я спросила его: “Веришь ли ты в Бога?” А он и говорит: “Вопрос неточный. Но если бы ты спросила, верю ли я Богу, я ответил бы: нет. Я Ему не верю”».

6. Предварительный комментарий

Дорожная история иллюстрирует дистанцию между отбросами, выброшенными с орбиты устойчивой социальности в «асоциальность», и легкими нейтральными частицами, способными преодолевать огромные расстояния, не вступая во взаимодействие с субстанцией слишком человеческого. Один из первых принципов: не сбиваться в стаю. Пучок номадического излучения выглядит, как веер, разворачивающийся в бесконечность.

Анализируя поведение Клирика в ситуации с вымогателями, прежде всего можно отметить отсутствие какой-либо солидарности с пострадавшими попутчиками — нет ни разделенного страха, ни разделенного сострадания. С другой стороны, Клирик отнюдь не руководствуется принципом «Пронеси мимо меня чашу сию». Он ведь все равно ничего не терял, да и «виктимность» ни в малейшей мере не свойственна номаду. Подобно истинному даосу номад сливается

с любым фоном, и не существует охотника, способного распознать в нем добычу.

Клирик просто перехватил роль охотника, и сразу же возникает вопрос: почему? При некотором размышлении придется дать единственный ответ: подвернулась достойная *структура приключения*. И здесь мы наконец сталкиваемся с понятием, пригодным для описания номадических траекторий, с чем-то, обладающим онтологической принудительностью для номада. Понятно, что номадический драйв изначально входит в спектр доступной человеку мотивации, но обычно он находится в связанном состоянии, его позывные перекрыты близкодействующими силами оседлости. Большое количество привязей (привязанностей) не дает реализоваться воле к разбеганию, к экзистенциальному проектированию или набрасыванию проектов, как сказал бы Хайдеггер. Или, как сказали бы мы, не дает реализоваться *чистому авантюрному разуму*, движущей силе экзистирования как бытия-заново.

Волк, сидящий на привязи, уже не волк, а собака, привязанность и здесь определяет сущностное различие. Факторы одомашнивания, привязанности в широком смысле слова делают из одного существа другое, одомашнивание выступает как аналог химической связи, преобразующей «свободный радикал» в устойчивую молекулу. И наоборот, расщепление, «ионизация» вызывают к жизни активный элемент: реакция, которую можно назвать экзистенциально-психо-

логической ионизацией, порождает номада, носителя чистого авантюрного разума. Дальше аналогия с химией кончается, поскольку номад обладает «нулевой валентностью», в траектории странствий для него нет постоянных аттракторов, есть лишь участки избирательного сродства. Требуется грандиозная, специально сконструированная ловушка, чтобы поймать хотя бы одну легкую светоносную частицу, но и это возможно только до рубежей третьей номадической.

В истории человеческой экзистенции формация чистого авантюрного разума предстает как отвергнутая альтернатива. Оседлое человечество, руководствующееся принципами гуманизма, успокоилось в сознании своей безусловной правоты и не замечает вопиющих противоречий. Но устойчивость гуманизма и его территории — всемирной черты оседлости — объясняется не только соответствующим воспитанием, не только разветвленным репрессивным аппаратом, простирающимся от этики до медицины, но и *удачным вытеснением*. Позывные чистого авантюрного разума вытеснены в сферу символического: мы высываем туда голову и слушаем сказку странствий, пока нас не окликнут, чтобы отдать долг или выполнить обязательство. Именно этот грубый окрик опоэтизировал Хайдеггер, назвав его зовом совести. К этому зову мы еще вернемся.

7. Структура приключения: пунктирность

Если вторая история может сойти за реализацию обдуманного плана (содержащего элементы импровизации), то первая представит как очевидная авантюра, возникшая на ровном месте. В какой-то момент возникает номадический аттрактор — минимальная структура, запускающая необратимую последовательность событий. В данном случае конфигурация, выданная быстрым счетчиком вариантов, имеет следующий вид: вымогатели, конфискующие ровно половину денег — неразменная монетка — верность слову. Как только три переменных совпадают, онтологическая принудительность чистого авантюрного разума требует немедленного действия. В известном смысле Клирику, как и героям Достоевского, тоже «прежде всего надобно мысль разрешить». Но эта мысль не имеет никакого отношения к тягомотине так называемых «последних вопросов». Блицголоволомка, призывно требующая разрешения, формулируется совершенно иначе: «Как наказать за излишнюю доверчивость того, кто считает девиз “Не верь!” своей главной заповедью?» Вот задача, достойная номада, — и Клирик немедленно берется за нее. Вспомогательный принцип решения.

На первом этапе (участке траектории), когда Клирик подцепляет вымогателей на крючок, его действия в принципе укладываются в стереотип романтического героя,

благородного разбойника (наподобие Дубровского или Зорро). Но следующий этап включает в себя очевидные элементы вероломства. Правда, нам известно этическое исчисление ибн-Зейда, предохраняющее воина от ловушки рессентимента:

Верность верному — верность.

Неверность верному — вероломство.

Неверность вероломному — верность.

Верность вероломному — вероломство.

Однако и это исчисление всего лишь грамматика для экзистенциальной мотивации номада. Этические фрагменты пригодны только в той мере, в какой они применимы для построения структуры приключения, — все, что сдерживает динамику авантюры, должно быть отброшено.

Вообще, отличительным признаком номадической траектории является отсутствие имманентного смыслового ряда, который мог бы описать ее в целом. Каждый отдельный участок допускает правдоподобную или даже безупречную интерпретацию в рамках «слишком человеческого», но эта убедительно работающая интерпретация не может быть перенесена на соседний участок.

В поле практического разума номадическая траектория представлена в виде пунктира. Леха Шалый исчислим и предсказуем в той же мере, что и нефтяники-вахтовики и Жером Кюйсманс. Но поведение Клирика не поддается предсказанию за пределами отдельно взятого фрагмента, а значит, и истолкование самого фрагмента может быть ошибочным.

В качестве аналогии можно воспользоваться перемещением трехмерного существа по плоскости, населенной гипотетическими двумерными существами — плоскостопами. Плоскостопы могут исследовать все параметры следа, но для них останется необъяснимым, откуда появляется след и почему возникает прерывность между следами. И Татьяна Тетерина, и Леа Шалый оказываются примерно в равном положении: для интерпретации поступков номада они пытаются использовать знакомую мерку — как им кажется, не без успеха. Но тут же возникают и моменты явной бессмыслицы, поскольку смысловые поля плоского мира непригодны для непрерывной проекции данностей чистого авантюрного разума: провалы в бессмысленность эквивалентны промежуткам между следами. Особенно неожиданны (и потому болезненны) точки отрыва: не успеет плоскостоп «наконец угадать» мотив поведения, как тут же падает в пропасть — иногда больно.

Вот Леа перебирает варианты. Кто перед ним: фразер, своего поля ягода? Получается что-то вроде проповедника, с его точки зрения — человек божий. Если бывает военный священник (капеллан), то может быть, этот Клирик — священник-урка (как тут не вспомнить изречение Кафки, что «астматика должен являться бог удущья»)? И в итоге воровской авторитет наказывается за неправильную интерпретацию, как обычный плоскостоп наказывается за фатальную разницу скоростей. Только задним числом он пони-

мает, что принял Клирика не за того человека, но и это знание не помогает Лехе уяснить, с кем же на самом деле он встретился: может, все-таки с явившимся богом удушья? Ибо со времен Конфуция известно: сюцай отличается от простолюдина не тем, что совершает другие поступки, а тем, что, поступая точно так же, он все равно поступает так по другим причинам.

8. Монограмма номада

Правило гуманистической этики гласит: человек человеку — друг, товарищ и брат. В действительности этот принцип не выполняется, но для устойчивости социума вполне достаточно и того, что он провозглашается. При номадических скоростях данный принцип не играет никакой роли — даже в качестве благого пожелания или заклинания.

Уголовный мир руководствуется не менее древним принципом «человек человеку — волк». На первый взгляд это правило кажется простой констатацией факта, лишенной каких-либо иллюзий. Но на деле оно порождено неврозом обиды и призывает тратить силы на волчью грызню. То есть терять скорость. Оба правила неприемлемы для светоносной частицы, и после всех вычитаний остается простой закон, чистая монограмма номада: человек человеку — трамплин.

9. Структура приключения: трансформации

Разница скоростей обитания создает нечеткость контуров, иллюзион, близкий к принципу дополнительности Бора-Гейзенберга. Номад появляется на горизонте приглянувшейся ему устойчивой ниши сразу и ведет себя так, как будто обитал здесь всегда. Затем исчезает, чтобы вынырнуть в другой замкнутой нише, составляющей устойчивый жизненный мир (*Lebenswelt*) для ее оседлых обитателей. Такую способность, обретаемую на высоких скоростях, можно назвать трансформацией.

Один из сквозных сюжетов фантастики состоит в том, что внеземное существо (не-что) для вступления в контакт с землянами вынуждено принимать некую стационарную оболочку; подобная трансформация предстает как дань или уступка земным обычаям. Скопированный облик поневоле воспроизводит некоторые антропологические особенности: пол, расу, возраст, — ясно, однако, что для самого трансформера все эти детали несущественны. После нескольких проб внеземной пришелец выберет тот облик, который вызывает меньше всего вопросов. Номад поступает аналогичным образом: когда его траектория проходит через густонаселенные слои *Lebenswelt*, он облачается в своеобразный «скафандр», в устройство которого помимо деталей внешнего облика включаются и инерционные психические

структуры: «черты характера», свойства, ролевые установки и другие опознавательные признаки, отличающие обитателей черты оседлости. Подобная техника была и теоретически и практически разработана в даосской философии.

Когда Клирик предстает перед Кюйсмансом как «предупредительный таможенник», он просто выбирает самую экономичную трансформацию, позволяющую минимизировать потери времени. Изъятие документов завершает трансформацию. Скафандр необходим, чтобы избежать ненужных вопросов, например, чтобы не пришлось спрашивать: «За кого ты меня принимаешь?» Как и всякий номад, Клирик знает, что оседлый мир устроен так: либо тебя за кого-то принимают, либо не принимают вообще. Причем для номада первый вариант отнюдь не всегда предпочтительней, все зависит от особенностей траектории, от точки преггиба, которую вдруг захотелось рассмотреть поближе (например, «захотелось увидеть вашу страну»; Клирик мог бы сказать и «вашу планету»).

Ипостаси, в которых Клирик предстает в каждой из трех историй, далеки друг от друга как следы на плоскости. Однако для самого Клирика «таможенность», «игра в своего» в рязанском ресторане и, например, интерес к химии, суть вещи одного порядка, скафандры, пустотелые оболочки, пригодные для той или иной среды. Такими же съемными доспехами являются для номада практически все элементы идентификации и самоидентификации, принятые в черте оседлости.

С высокой номадической орбиты достаточно странно выглядят меры взаимной признанности и озабоченности признанием. Вот живет человек и совершенно точно знает о себе, что он Сидоров Василий Петрович, таможенник, имеет двоих детей, прописку в Москве и государственную награду.

Две вещи непостижимы для номада: во-первых, на чем основана подобная уверенность, и во-вторых, почему она так важна. Ведь если разобраться, удостоверение личности весьма мистическая вещь. И отнюдь не безобидная. Отношение к «удостоверениям личности» можно считать эмпирическим критерием номадизма. Для странствующего все эти драгоценные бумажки ситуативны, «действительны» только на короткий участок траектории. Ведь назваться именем нужно не для себя, а для «часового», который не пропустит без пароля установленного образца. Вот почему большинство маршрутов закрыто для нас — ведь у каждой пещеры свой сезам, а мы все долбим свой приговор, свою подписку о невыезде: Сидоров Василий Петрович, таможенник, женат, двое детей...

В сущности, очень глупо быть добровольным заключенным в тюрьме одного и того же имени. Да еще всякий раз вздрагивать: а вдруг скажут, что ты никто и звать тебя никак. Собственное имя номада впервые было произнесено хитроумным Одиссеем в ответ на требование циклопа Полифема; все остальное только псевдонимы, вынужденные уступки миру, обитатели которого приговорены к пожизненному заключению в тюремно-именительном падеже.

10. Эта жизнь и бытие-заново

Жизнь дается человеку один раз — вот тезис, который представляется некой аксиомой, в том числе и в аспекте долженствования, в перечне требований к этой единственной и неповторимой жизни. Следует беречь честь смолоду, беречь *доброе имя*, не терять свое лицо... Одним словом, сберегать и экономить (и дорожить) — так советуют скупые рыцари гуманизма, творцы и организаторы всех его эксцессов, от коммунистической морали до экологического маразма.

Одноразовый характер жизни требует, однако, некоторого уточнения. Речь идет о самоидентичности той субстанции, которую мы именуем живым, вернее, живущим существом. От решения этого вопроса будет зависеть, живет ли капуста одна или, скажем, три жизни (учитывая полный цикл метаморфоза). Такая же неясность существует и в отношении человека: даже если согласиться с тем, что человек проживает одно (свое) тело, отсюда еще вовсе не следует, что он живет один раз. Этим единственным телом может жить совсем другой человек, если прежний, например, сошел с ума. Ну а если человек заявляет: я начинаю новую жизнь? Такое начинание может быть достаточно радикальным — и что тогда остается от прежней жизни? Прежде всего то, что документировано, вменено в самоидентичность — имя, фамилия и другие паспортные данные. Есть еще, правда, биографическое единство — коллективная санкция в виде памяти

обо мне моих ближних и разных прочих знакомых, но эта санкция может и не подпираться автобиографическим единством.

Как бы там ни было, социум принимает меры, чтобы жизнь давалась человеку только один раз, всячески пресекая попытки бытия-заново. Ясно также, что множество подобных «жизней» на высоких скоростях предстают как участки номадической траектории. Во-первых, выбирается персонаж для идентификации — некоторые компьютерные игры предлагают целый набор таких персонажей, и избранный человечек (мое пробное тело) пускается в странствие. В пути он может поймать «еще одну жизнь» и тогда прежнюю можно меньше экономить, наращивая авантюренность игры. Наконец подросток, увлеченно играющий в игру, через какое-то время говорит: «Что-то я себе надоел» — и меняет фишку. В данном случае мы имеем дело с вытесненными в сферу символического стратегиями чистого авантюрного разума, но стратегии обнаруживают себя и за пределами дисплея.

Уже дорога, используемая как простейший трансцензор, демонстрирует возможность сменить фишку, на номадических орбитах возможность становится действительностью, а самопроизвольное оскучение (исчерпание) становится достаточным основанием для прекращения «этой жизни».

Но возникает закономерный вопрос: кому и для чего потребовалось максимальное ограничение количества жизней, вбрасываемых в среду обитания человека? Каков

источник сверхмощного силового поля, сжимающего веер жизней в весьма нудную непрерывную линейную последовательность «этой жизни»? Кто несет ответственность за грабительский обвес и недостачу? С одной стороны, у окошка раздачи стоят органы правопорядка, следящие за тем, чтобы жизнь давалась только один раз (не больше одной фишки в одни руки), с другой стороны, репрессивный экзистенциальный заказ выполняет гуманистическая философия, воспевающая долг, ответственность и прочую атрибутику прирученности и одомашнивания. Что ж, если долженствование имеет всеобщий характер, если все друг другу должны и живут, сгибаясь под тяжестью круговой задолженности, что же мешает произвести взаимозачет, так сказать, списать долги и выбросить векселя, и прежде всего самые кабальные векселя всеобщей задолженности, пожизненные удостоверения личности?

Итак, имя собственное — самый прочный ошейник, которым мир удерживается в состоянии долговой тюрьмы, насильственная идентификация с единственной фишкой. В принципе, согласия с этим главным приговором уже достаточно, чтобы отбыть срок. Даже если мы отклоняем зов совести, на который, согласно Хайдеггеру, *должен* всегда откликаться Dasein. Ну, например:

- Родина-мать зовет!
- Ну и пусть зовет.
- Но она зовет обедать.
- А, это другое дело.

Так может выглядеть внутренний отклик на зов совести любого каталы из бригады Лехи Шалого. Радикальное отличие номада состоит в том, что он слышит полный текст зова:

— <Сидоров, с вещами>, Родина-мать зовет!

— Ну и пусть зовет.

— Но она зовет <Сидорова> обедать.

— А, это другое дело.

«Сидорову» ничего не показалось подозрительным, он откликнулся и тем самым признал приговор. Клирик поступает иначе. Он, прежде всего, совершенно игнорирует мнимую персональность позывных, поскольку ему совершенно неважно, за кого его принимают; всегда примут за кого-то. Номад попадает в число призванных, минуя преддверие званных. Если ты слышишь, что зов обращен не к тебе, а к «Сидорову», то это еще не повод сидеть сложа руки — примерь скафандр, соверши трансформацию и будь «сидоровым» на здоровье — пока не наскучит. И наоборот, пусть сколько угодно озвучивают записанное в твоём удостоверении личности — номад остается спокойным, поскольку знает: «имя собственное» является собственным не для тебя, а для того, кто окликает.

Обретенная свобода состоит в умении избирательно реагировать на позывные. На кратчайших отрезках пути ответ номада «да» или «нет» в высшей степени разборчив, иными словами, он произносит «да» и произносит «нет», но никогда не отвечает «Я!»

Именно такова номадическая без-ответственность высшей пробы — в отличие от наивной избирательности Антошки, героя небезызвестного мультфильма. Бытие, не отвечающее на вопрос «кто?» (ибо сначала требуется узнать «зачем?»), не является Dasein. Значит ли это, что бытие номада неаутентично, неподлинно? С позиций «Sein und Zeit» так оно и есть. Но на деле речь идет лишь о несоизмеримости дистанций и скоростей. То, что для обитающего в черте оседлости есть «жизнь» с ее заданностью и, как говорит Бахтин, «нудительностью», для номада является разомкнутым в обе стороны фрагментом траектории.

Исходя из этой несоизмеримости и разворачивается иллюзион времени. Почему манифестация номада, только что обладавшая гиперреальностью, вдруг утрачивает четкость? Да потому, что для него картинка исчерпана, «эта жизнь» уже прожита, тогда как для Dasein, втиснутого в однократность присутствия, жизнь продолжается: пусть картинка и застыла, но она все еще транслируется, действующие лица медлят разойтись и переминаются с ноги на ногу. В номадическом горизонте подобного рода жизнь не может быть ни единственной, ни подлинной. Такой феномен, как «жизнь, дающаяся один раз», возникает из воспрепятствования бытию-заново. Траектория номада складывается из множества «этих жизней», она теряется где-то за горизонтом жизневместимости или обрывается внутри какой-нибудь из жизней.

Номад не нуждается в утешениях и увещеваниях, генерируемых гуманистической фи-

лософией с целью скрасить присутствие. Все воображаемые и символические компенсации типа бессмертия души, оставления о себе доброй памяти и прочее сотканы из материи надежды — а эта заведомо ветхая материя никогда не используется для скафандра номада даже как драпировка. Душа, вдавленная в тяжелое тело и привыкшая к тяжкому бременю, «сидит на игле» и не способна существовать без ежедневной инъекции надежды. Номад же прекрасно знает, что «надежда умирает первой, а крыса последней» (А. Драгомощенко), но не делает из этого трагедии, ибо мир просто устроен так — как по эту, так и по ту сторону черты оседлости. И даже то, что нельзя купить за тридцать серебреников, можно приобрести за десять эскудо.

11. Мелодия странствий. Шарманка и оркестр

Каким образом видоизменяется человеческая жизнь, становясь участком номадической траектории? Она, во-первых, сжимается до максимальной плотности путем элиминирования сорного времени. Во-вторых, нить судьбы, сплетенная Мойрами, расплетается до отдельных сюжетов. В поисках аналогии можно вновь обратиться к какой-нибудь современной компьютерной игре с хорошей графикой. Вот рыбка Фредди плавает в подводном царстве в ожидании выбора цели. Рядом раковины, кораллы, водоросли, чудища

морские. Большинство из них не имеют отношения к делу, но попавшую в поле зрения и приглянувшуюся раковину можно *потрогать курсором* — и тогда она раскроется, перевернется, издаст какие-нибудь звуки. Номад, проживая текущую жизнь, конечно, не упускает случая потрогать курсором приглянувшуюся раковину — отличным примером здесь может служить третья история о Клирике. Однако, если свойства объекта уже известны, если встречная диковинка уже, так сказать, издала свойственные ей звуки, пропела свою песенку, рыбка (номад в скафандре) больше не задерживается и движется дальше.

При случае особо затейливую мелодию можно выслушать еще раз, в этой или другой жизни, чтобы освежить в памяти наиболее прихотливые завитки сюжета. Но обитатель черты оседлости продолжает водить курсор по кругу, по инерции нажимая на те же самые объекты, иногда боязливо подплывая к краю, но все время оставаясь в пределах единственной картинки. Он особенно охотно подставляет себя встречным курсорам, чтобы озвучить свои позывные и воспроизвести освоенные и приемлемые телодвижения. Аналогия с компьютерной игрой хороша тем, что онтологический перепад скоростей здесь очевиден и прост. Номад, исследовав картинку (порой выборочно), принимает решение, что эта песенка спета, пикник на обочине наскучил и пора двигаться дальше, сверяясь с картой чистого авантюрного разума. Но заключенные внутри картинки до-

вольствуются «единожды данной жизнью», полагая, что их песенка еще не спета, пока сохраняется возможность водить курсор по кругу. Номад и Dasein, будучи альтернативными проектами человеческого в человеке, принципиально отличаются друг от друга решением, на каком куплете оборвать песенку про белого бычка.

Не менее важны и отличия номада от ревнителя истины, неутомимого правдоискателя, занимающегося спасением себя или мира. Элементарное отличие в стратегии сводится к следующему: ревнитель истины (раб идеи) не пользуется курсором вообще (не оглядывается по сторонам), он устремлен только на маяк, повинаясь дихотомии «суетная эта жизнь»/«истинный путь». С номадической орбиты он выглядит как заключенный, совершивший побег в другую тюрьму: тратя все силы на поддержание новой идентификации, беглый заключенный останавливается перед решающей трансгрессией — переходом к ситуативной самоидентификации и отказом от тюремно-именительного падежа.

Вспомним Татьяну Тетерину — она довольствуется тем удовольствием, которое имеет, и не понимает, как можно не хотеть гарантии повторения. Что можешь повторить, тем и владеешь, — такова действительно важнейшая конструктивная иллюзия, обеспечивающая устойчивость картинки — единственной жизни. Надо признать, что в этой конструктивной иллюзии скрыта могучая сила притяжения, она относится к числу самых труднопреодолеваемых ловушек

мира. Чтобы ее миновать, недостаточно даже второй номадической скорости — если, конечно, сблизиться до опасной дистанции.

Теперь становится понятным, о чем могли петь сирены беспечным путникам — не о прекрасной женщине, горшке или кобылице. Они не пели и песни странствий, которая и без того звучит над морями. Мелодия сирен складывалась из привычного позвякивания трогаемых курсором близких объектов: вот бабушка ворчит, отец собирается на рыбалку и шуршит удочками, знакомая компания собралась на пир — они говорят свое и тихонько трогают тебя курсором, чтобы услышать твое... И все так близко и отчетливо, в совершенной графике, в первозданной чистоте тонов. И многое повидавший на своем веку хитроумный номад Одиссей, понимая, что переоценил на этот раз свои силы, кричит: «Развяжите меня!» Ибо именно в этом месте, вблизи острова сирен, в горизонте оптимальной слышимости, расположен единственный трамплин, способный придать третью номадическую скорость. Либо ты от него оттолкнешься, и тогда последняя ловушка земли захлопнется за твоей спиной, либо бросишься в самую гущу оседлого мира, благо, что гуманизм больше всего радуется возвращению блудных детей. Либо, наконец, примешь хитроумные меры предосторожности, чтобы не приближаться к опасному острову. Как бы там ни было, но пираты Эгейского моря, основатели Великой Эллады, очарованные сладостным напевом, покорились пению сирен и обратились к обустройству полисной демо-

кратии. И многие волны номадов, поток за потоком, теряя скорость и светоносность, оседали и растворялись в ячейках устойчивой социальности — воины, ни разу не побежденные в бою.

Очень важно вслушаться в мелодию, задающую ритм повседневности и обладающую способностью заглушать позывные чистого авантюрного разума. Напев, неотразимый вблизи зоны оптимальной слышимости, тиражируется в виде мелодии шарманки — неких незамысловатых заверений общегуманистического характера. В этой песенке куплеты почти не слышны; вся сила обольщения сосредоточена в припеве. Припев однообразен, его можно назвать заунывным и даже бесконечно заунывным, что несколько не убавляет его завораживающей силы. Вот факир заклинает змею — он никогда не справился бы с этой задачей, если бы вздумал импровизировать и сочинять новые песенки. Пресмыкающиеся заклинаемы блесной навязчивого повторения. Мотив шарманки (простая песенка) конституирует возобновляющуюся длительность *этой жизни*, и каковы бы ни были мотивы человеческого поведения, изучаемые психологией (либидо, честолюбие, воля к власти), но основной мотив — это, конечно же, песенка шарманки — что-то там о домашних тапочках, мелких интрижках и дачных грядках. И о скоротечности времени:

Ах, мой милый Августин, Августин, Августин,
Ах, мой милый Августин, все прошло, все.

Для номада, испытывающего идиосинкразию к повторению, этот рефрен слышен

с самого начала, картинки, проносящиеся мимо его взора, в основном и состоят из анонимных шарманщиков и управляемой ими паствы. Что тут сказать? Сколько бы ни было фальши в призыве «любить человека», но еще больше лицемерия в том, чтобы любить человеколюбие.

Песенка, собственно говоря, спета — но продолжают крутить шарманку и продолжают откликаться на имя: Сидоров, Смирнов, Тетерина. Кажется, это и называют гуманизмом, когда чистое время присутствия уже закончено (или не начато), но хронологическое время жизни позволено продолжить. Все еще окликают по имени и трогают курсором, и рыбка Фредди отвечает: «Это последний бабушкин бутерброд», хотя нет уже ни бутерброда, ни бабушки и экран не светится. Здесь и разворачивается гуманизм во всей своей красе: престарелый академик получает премию за песенку, чьи куплеты уже отзвучали, а сама пластинка заела на «все прошло, все», вещают выжившие из ума старцы и им внимают *с уважением*. Все закоулки происходящего переполнены остановившимися прекрасными мгновениями, и номад лишь пожимает плечами: если это прекрасно, то что же тогда отвратительно?

Плачет старушка, мало пожила.
Ее утешают, а шарик летит...

Весь гуманизм, собственно, и состоит в этом утешении — куда честнее было бы с самого начала не врать, что шарик вернется.

Когда номад слышит, как важно исполнить долг, посадить дерево, отвечать за тех, кого приручил, беречь свое доброе имя и прочее у-тю-тю, он вспоминает одну из своих любимых притч.

Некий человек (а имя им легион) женился. Брак, увы, не удался. Жена оказалась сущей мегерой: пилила бедолагу денно и ночью, изменяла направо и налево, издевалась над его неудачами и успехами.

Жизнь человека превратилась в ад. Утром он говорил: «О, если бы пришел вечер!», а вечером мечтал: «О, если бы наступило утро». Но одно утешало беднягу: по крайней мере, будет кому стакан воды подать перед смертью. Так и жил, поддерживая себя этой надеждой.

Но вот наконец приблизился и последний час. Лежит человек на смертном одре, смотрит на стоящих вокруг своих *близких* и вдруг с ужасом понимает, что пить-то ему совсем не хочется...

Так что, конечно, *memento mori*, но помни и о том, что вдруг не захочется воды хлебнуть перед смертью.

Избыточная хронологическая длительность «этой жизни» по отношению к чистому времени присутствия — это всего лишь анестезия после произведенной лоботомии чистого авантюрного разума, рассекающая спектр возможностей бытия-заново. Операция совершается анонимно, имя хирурга неизвестно (Хайдеггер установил одно из прозвищ — *das Man*), но в результате этой процедуры и образуется устойчивый социум, бытие в черте оседлости.

Лишенный многого, номад, прежде всего, не имеет *обыкновений* и никогда не поверит в любовь к обыкновенному человеку. На третьей номадической скорости постигается простая, хотя и хорошо замаскированная вещь: много жизней унесла война, все *эти жизни* унесла смерть, но в уничтожении целой вселенной нереализованных жизней повинен гуманный скальпель *обыкновенного человеческого*. Номад не испытывает страха смерти, ибо понимает, что это всего лишь маскировка ужаса обыкновенности.

СОДЕРЖАНИЕ

МОГИ И ИХ МОГУЩЕСТВА

Волейбол	7
Моги и маги	12
Практическая магия: насылание порчи	15
Основное Состояние	22
Чары	35
Сон мога	61
СП	70
Как на ладони	87
Отгадка истории (записки Гелика)	93
Ката	107
Санкция	118
Появление шугов	142
Белый Танец	153

ШПИОН И РАЗВЕДЧИК:

ИНСТРУМЕНТЫ ФИЛОСОФИИ

1. Парадокс шпиона	167
2. Агент Dasein выходит на связь	174
3. Забвение бытия	179
4. Исходы из заброшенности	185
5. Краткая феноменология шпионажа	195
6. Шпион внутри шпиона, а в нем сидит шпион	209
7. Подвиг разведчика	222

КНИГА НОМАДА

1. Дорога как введение	228
2. Под стук колес	232
3. Вопрос о скорости	234

4. Регистр скоростей	238
5. Три истории о Клирике	242
6. Предварительный комментарий	254
7. Структура приключения: пунктирность	257
8. Монограмма номада	260
9. Структура приключения: трансформации	261
10. Эта жизнь и бытие-заново	264
11. Мелодия странствий. Шарманка и оркестр	269

Литературно-художественное издание

Александр Секацкий

ТРИ ШАГА В СТОРОНУ

АХРАМ АШАН

Александр Секацкий —
это наш питерский Вольтер.

«Вечерний Петербург»

Секацкий балансирует между
литературой и философией,
умудряясь не принадлежать
ни к той, ни к другой
в полной мере... Оказавшись
на игровом поле Пелевина
(претендующего на соединение
литературы с эзотерикой
и актуальной философией),
он легко выигрывает,
как «мог» у «немога».

«На дне»

...тексты Секацкого — едва
ли не самое яркое
и значительное явление на
актуальной философской
сцене Петербурга.

«Мир дизайна»

ISBN 5-8301-0218-8

9 785830 102186